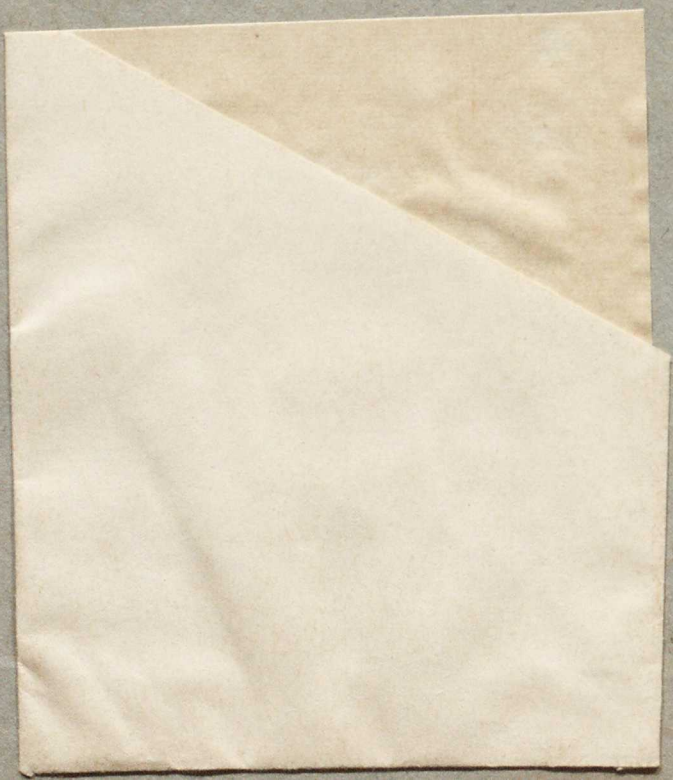

$\frac{p}{\delta} \frac{21}{15}$

1903

Nl.

2015595717

12 1/15

Вестник Знания

СОДЕРЖАНИЕ № 1.

Отъ Редакции.

А. Радцигъ. О государственной росписи на 1903 г.

Вас. Немировичъ-Данченко. Встрѣчи мимоходомъ. — I. Бичъ лѣсовъ.

II. Старательница. III. Вѣчный лѣсовикъ.

Д. Корончевскій. Законъ культурнаго развитія.

Н. Кузьминъ. О. М. Достоевскій въ каторгѣ и послѣ ссылки.

В. Тюринъ. Вещества, «дѣйствующія однимъ своимъ присутствіемъ».

Проф. П. Ковалевскій. Отпеубійцы.

Проф. А. Исеевъ. Развитие промышленности на Западѣ и въ Россіи.

Селящ. Г. Петровъ. Дорожныя думы и впечатлѣнія. (По городамъ Европы).

Петръ Ге. Новое искусство.

А. Такенъ. Новая теорія вулкановъ.

Левъ Горскій. Современныя общественныя теченія въ польской литературѣ.

Изъ литературы и жизни. I. «На днѣ» Горькаго. —

II. Графъ Левъ Толстой по поводу своей

книги «Война и Миръ». — Ш. Голландскіе плантаторы, ихъ миллионы рабы. — IV. Въ странѣ голода.

Вопросы народнаго образованія и—библіографія. Л. Клейбортъ. Къ характеристикѣ читателя изъ народа.—Библіографическія замѣтки о книгахъ для народа и самообразованія: 1) А. В. Поповъ. Домашнія бібліотеки. Опытъ составленія систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Вебе. 2) В. П. Луневъ. «Научно-популярная бібліотека». —Л. К.

Библіографія. 1) «Фаустъ. Трагедія I. В. Гете въ стихотворномъ перевоѣ Э. И. Губера». Д. В.—2) Lettres inedites du roi Stanislas à Marie Leszczynska. publiées par Pierre Boué. К.—3) Рагозина. «Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Халдеи...» β.—4) Проф. Ганъ. «Африка». β.—5) П. Ганзентъ. «Опытъ оздоровленія деревни». С. Д. 6) П. Н. Бокинъ. «Подвижныя игры». С. Д.

Научная хроника. *Астрономія, метеорологія, физика.* Вращается ли земля? — Лунные каналы и растительность на нашемъ спутникѣ. — Грозы и фазы луны. Странное явленіе. — *Антропологія, криминалогія, физиологія, медицина.* Къ вопросу о происхожденіи пола. — Свидѣтельство крови на судебномъ слѣдствіи. — Всѣхъ человѣческаго мозга. — Соотношеніе физическихъ и умственныхъ свойствъ. — Интересныя находки: новая раса и трупы безъ костей. — Противоклюшная сыворотка. — Лечение скарлатины эссенціей терпентина. — Пытка въ XX столѣтіи. — *Біологія, зоологія, ботаника, геологія, почвовѣдѣніе.* Новыя наблюденія надъ окраскою животныхъ. — Вліяніе гусеницъ на измѣненіе окраски бабочекъ. — Чувствительность муравьевъ къ ультрафіолетовымъ лучамъ. — Температура насѣкомыхъ. — Высшія чувства у животныхъ. — Дѣйствіе музыки на животныхъ — Вліяніе земныхъ червей на химическій составъ почвы. — Несгораемое дерево. — Происхожденіе нефти. — Обеззараживаніе прудовъ. — Дѣйствіе электролиза на почву и растенія.

Отвѣты подписчикамъ.

Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва.

Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ № 1:

1) „Общедоступный университетъ“:—Вода въ природѣ I.

2) „Энциклопедическая Библіотека для самообразованія“:—Веберъ. „Панорама Вѣковъ“ Очеркъ всемірной исторіи.

3) Читальня „Вѣстника знанія“:—Мультатули и его произведенія“.

Дозволено цензурою Спб. 12 февраля 1903 г.

„Сѣверная Элетропечатня“. Эд. Эд. Новицкаго. Гороховая 36.

Р 24
15

№ 1.

1903.

Вѣстникъ Знанія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
СЪ
ПРИЛОЖЕНІЯМИ
для
САМООБРАЗОВАНІЯ.

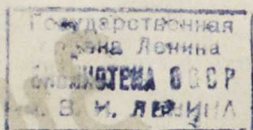
40868
Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

1903.

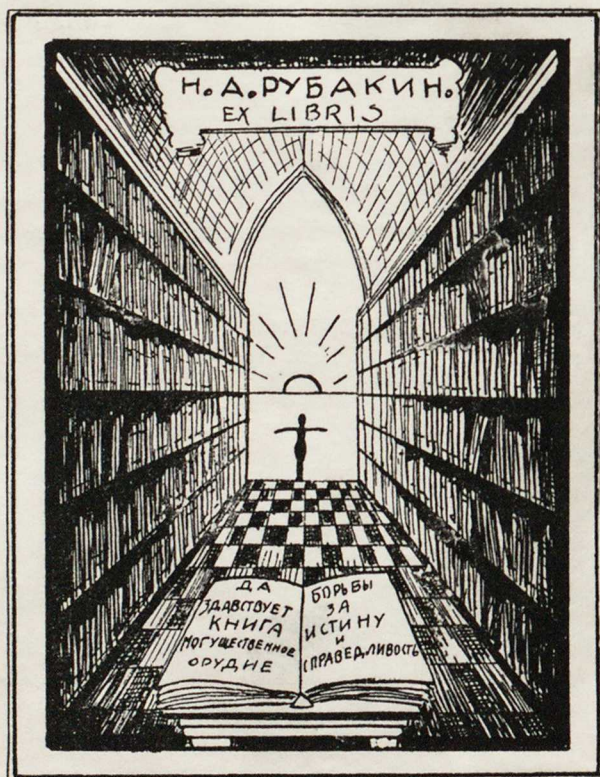
№ 1.

h-3126-48

Дозволено цензурою Спб. 12 февраля 1903 года.

„Съверная Электрпечатня“ Эд. Эд. Новицкаго. Гороховая, 36.

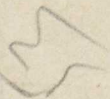
КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
12						И	27	205
								16/1—100000

6

6
5

21

21

21

Отъ Редакціи.

Знаніе, служенію которому посвященъ нашъ журналъ,—по самому существу своему, безпартійно, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно безусловно прогрессивно. Такова отправная точка нашей программы. Исходя изъ нея, мы намѣрены держаться строгаго безпристрастія въ вопросахъ, по которымъ наука еще не сказала своего послѣдняго слова, и истина можетъ быть выяснена путемъ лишь всесторонняго изученія и обсужденія. Поэтому журналъ нашъ будетъ давать мѣсто и статьямъ, выражающимъ противоположныя взгляды, лишь бы онѣ были проникнуты *духомъ прогресса* и стремленіемъ къ выясненію истины.

Съ другой стороны, выставленное на знамени нашего журнала слово «знаніе», понимаемое въ самомъ широкомъ значеніи, являясь *единственнымъ* вѣрнымъ средствомъ борьбы не только со всевозможными предразсудками, но—что гораздо важнѣе—и темными сторонами человѣческой природы,—знаніе, которое облагораживаетъ насъ, дѣлаетъ наши идеалы чище, возвышеннѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ является тою незыблемою основою, на которой только и возможно строить идеаль будущаго счастья человѣчества, его духовный прогрессъ. Сокращая разстояніе между людьми, показывая истинное мѣсто и назначеніе человѣка, знаніе является тою могущественною силою, которая не только служить источникомъ всякаго успѣха такъ называемой матеріальной культуры, но и основою духовнаго совершенства, залогомъ истинной нравственности, отзывчивости на все хорошее, чувствительности къ чужимъ страданіямъ, способности жертвовать своими интересами во имя отвлеченнаго идеала братства между людьми и обязанности по отношенію къ ближнему,—знаніе,—и только одно оно способно быть тою до сихъ поръ отыскиваемою точкою опоры, которой не доставало, чтобы, пользуясь *любовью*, этимъ естественнымъ драгоцѣннымъ рычагомъ, о которомъ мы вѣчно забываемъ,—вернуть человѣчество на путь идеаловъ, провозглашенныхъ девятнадцать вѣковъ тому назадъ.

Что мы не ошибаемся, приписывая *знанію* это великое значеніе—служить основою современнаго христіанства, гуманности,—въ этомъ можно легко убѣдиться, охвативъ міръ однимъ взглядомъ: наиболѣе культурныя націи вмѣстѣ съ тѣмъ и отзывчивѣе на страданія, не-

счастія совершенно чуждыхъ имъ людей, народовъ, которыхъ онѣ никогда не видѣли...

Намъ могутъ возразить, конечно, что тѣ же націи, которыя протягивали руку помощи отдаленнымъ народамъ, пострадавшимъ отъ голода, землетрясенія или иного стихійнаго бѣдствія,—эти самыя націи нерѣдко безучастно взирали, какъ другіе народы совершали возмутительнѣйшія насилія, а то иногда и сами принимали участіе въ событіяхъ, лежащихъ неизгладимымъ позоромъ на совѣсти човѣчества...

Но развѣ эти отрицательныя явленія что-либо доказываютъ?—Вѣдь зло существуетъ вездѣ, хотя бы потому только, что идеаль знанія не только не достигнуть, но и не достижимъ. Если «неиспорченный» човѣкъ способенъ еще руководиться чисто зоологическимъ чувствомъ состраданія къ ближнему, несчастье котораго онъ видитъ, то уже гораздо труднѣе разсчитывать на интенсивность этого чувства по отношенію къ отдаленнымъ, невѣдомымъ народамъ, а еще сомнительнѣе надѣяться на то, чтобы подъ вліяніемъ альтруистическихъ чувствъ малоимущій захотѣлъ дѣлиться съ невѣдомымъ ему страдальцемъ. Вотъ почему знаніе, которое является вмѣстѣ съ тѣмъ основою и матеріальнаго достатка, питая отвлеченный идеаль альтруизма, даетъ возможность идти на встрѣчу благородному чувству гуманности...

Итакъ, возьмемъ же въ руки молотъ и начнемъ работать на пользу просвѣщенія, неразрывно съ нимъ связанныхъ началъ гуманности и всеобщаго стремленія къ миру, и пусть то магическое слово, которое молніей освѣтило темное небо настоящаго, будетъ намъ служить вѣчнымъ путеводнымъ свѣтомъ на пути къ ясному будущему.

Нашъ журналъ начинается при довольно тяжелыхъ условіяхъ, но мы надѣемся на поддержку всѣхъ жаждущихъ знанія и раздѣляющихъ наши на него упованія.

А. А. Радцигъ.

О государственной росписи на 1903 г.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, нашъ бюджетъ на 1903 г. вновь указываетъ на значительное возвышеніе какъ доходовъ, такъ и расходовъ, такъ что со стороны можно подумать, что благосостояніе населенія Россіи продолжаетъ расти. Но это кажущееся финансовое благополучіе, при ближайшемъ разсмотрѣніи экономическаго положенія 90% селскаго населенія Россіи, — совершенно исчезаетъ.

Ростъ государственныхъ доходовъ, за послѣднія 15 лѣтъ, объясняется, какъ мы говорили въ своей статьѣ: „О косвенныхъ налогахъ въ нашемъ бюджетѣ“, *) страшнымъ возвышеніемъ съ 1887 г. всѣхъ акцизовъ, введеніемъ новыхъ налоговъ на керосинъ и спички, возвышеніемъ пошлинъ на хлопокъ и другіе сырые матеріалы и предметы потребления, введеніемъ винной монополіи, промысловаго налога и т. д.

Наши ежегодныя государственныя росписи сводились съ большой осторожностью, почему дѣйствительное поступленіе обыкновенныхъ доходовъ было всегда выше предположеній, излишки же доходовъ надъ расходами служили не для пониженія обременительныхъ налоговъ, а для увеличенія свободной наличности государственнаго казначейства; изъ этой свободной наличности деньги затѣмъ расходовались на постройку желѣзныхъ дорогъ и т. д.

Насколько дѣйствительныя поступления *обыкновенныхъ доходовъ* превышали бюджетныя предположенія, будетъ видно изъ слѣдующей таблицы, въ которой приведены данныя съ 1893 года **).

*) См. „Народное Хозяйство“ за Ноябрь-Декабрь 1902 г.

**) См. отчеты Государственнаго Контроля, а также Правительственный Вѣстникъ № 1 за 1903 г.

года	Назначено къ поступленію по росписи.	Дѣйствительно поступило	Поступило больше противъ росписи.
	въ милліонахъ рублей.		
1893	961,2	1.045,7	84,5
1894	1.004,8	1.153,8	149,0
1895	1.142,9	1.255,8	112,9
1896	1.239,5	1.368,7	129,2
1897	1.322,2	1.459,0	136,8
1898	1.364,5	1.584,9	220,4
1899	1.469,1	1.673,3	204,2
1900	1.593,7	1.704,1	110,4
1901	1.730,1	1.799,5	69,4
1902	1.800,8	— за 11 мѣс.	85,0
1903	1.897,0	—	—

Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, назначенія обыкновенныхъ доходовъ по росписямъ ежегодно возрастали на очень значительныя суммы; тѣмъ не менѣе дѣйствительныя поступления всегда превышали предполагаемыя, и за 1893 — 1902 г., т. е. за послѣднія 10 лѣтъ, дѣйствительныя поступления были больше предполагаемыхъ по росписямъ на 1.300 милл. рубл., которые своевременно вносились въ свободную наличность государственнаго казначейства, такъ какъ государство, для покрытія обыкновенныхъ расходовъ, въ этихъ деньгахъ не нуждалось.

Такіе громадныя излишки доходовъ надъ назначеніями объясняютъ ту легкость, съ которой деньги тратились на расходы по введенію винной монополіи, на постройку новыхъ и усиленіе старыхъ желѣзныхъ дорогъ, на выдачу премій пароходнымъ обществамъ, на приобрѣтеніе акцій машиностроительныхъ заводовъ и т. д., и т. д.

Увеличеніе доходовъ съ 1893 по 1903 г. объясняется въ значительной степени возрастаніемъ валовыхъ доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ введенія винной монополіи, которая въ страшной степени возвысила цѣны спиртныхъ напитковъ. По росписи 1893 г., доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ былъ исчисленъ въ 81 милл. рубл., въ 1903 г. въ 413 милл. рубл. Шитейный доходъ въ 1893 г. долженъ былъ дать 257 милл. рубл., въ 1903 г. 529 милл. рубл.

Увеличеніе доходовъ, лишь по двумъ упомянутымъ статьямъ въ 1903 г., сравнительно съ 1893 г., составляло 604 милл. рублей, по всѣмъ остальнымъ статьямъ доходовъ увеличеніе доходило до 332 милл. рублей.

Сильное увеличеніе валового дохода отъ эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ очень понятно, и. ч. за послѣднее

десятилѣтіе очень много частныхъ дорогъ было выкуплено въ казну и кромѣ того за тѣ-же года было выстроено средствами казны много новыхъ дорогъ. Увеличеніе питейнаго дохода объясняется тѣмъ, что доходъ по казенной продажѣ штей есть валовой доходъ, съ котораго надлежитъ скинуть расходы. Введеніе винной монополіи сопровождалось сильнымъ возвышеніемъ цѣны водки, и если скинуть расходы по казенной продажѣ штей (въ 1903 г. 167,5 милл. руб.), то чистая выручка отъ питейнаго дохода въ 1903 г. составляла-бы 361 милл. рубл., сравнительно съ 257 милл. рубл. въ 1893 г. (увеличеніе на 40%), но населеніе переплачиваетъ въ настоящее время на водкѣ, вслѣдствіе введенія монополіи, гораздо большія суммы, п. ч. казенное хозяйство по винной монополіи ведется крайне неэкономно. Если-бы акцизъ на спиртъ былъ возвышенъ до 14—15 коп. съ градуса, то населеніе и въ такомъ случаѣ покупало-бы водку по цѣнамъ не выше теперешнихъ монопольныхъ цѣнъ, но тогда казенный доходъ отъ штей былъ-бы значительно выше теперешняго чистаго дохода.

Возрастаніе остальныхъ доходовъ объясняется введеніемъ промысловаго налога, возвышеніемъ акциза на табакъ и поднятіемъ въ 1895 и 1900 гг. пошлинъ на хлопокъ и многіе другіе товары.

Сильное возвышеніе доходовъ не осталось безъ вліянія на размѣры обыкновенныхъ расходовъ, которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, съ 1893 по 1903 г. возрасли почти въ одинаковой пропорціи съ доходами. По росписямъ предполагалось израсходовать:

Обыкновенные расходы	въ 1893	1903	Увеличеніе
	въ милл. рублей.		въ процентахъ.
Всего	948	1.880	98%
Въ томъ числѣ			
Расходы Мин. Пут. Сообщ.	71	458	545
„ „ Финансовъ	122	369	203
„ „ Морскаго	50	116	132
„ „ Земл. и Гос. Им.	26	49	92
„ „ Юстиціи	25	49	92
„ „ Народ. Просв.	22	39	75
„ „ Военнаго	233	330	41
„ „ Внутр. Дѣль	82	100	21

Изъ этихъ данныхъ видно, что расходы съ 1893 г. почти удвоились, при чемъ сильное увеличеніе расходовъ можетъ быть отмѣчено по Министерству Путей Сообщенія, вслѣдствіе удлиненія казенной рельсовой сѣти. Тогда какъ въ 1893 г. эксплуатация дорогъ, принадлежавшихъ казѣ, потребовала лишь 49 милл. руб., въ 1903 г. на тотъ-же предметъ нужно было уже 319 милл.

руб., да кромѣ того было ассигновано на усиленіе, улучшеніе желѣзныхъ дорогъ и на приобрѣтеніе подвижного состава около 100 милл.

По Министерству Финансовъ расходы увеличились главнымъ образомъ вслѣдствіе введенія винной монополіи; скидывая расходы по продажѣ питей въ 167 милл. руб., увеличеніе расходовъ по Министерству Финансовъ съ 1893 по 1903 г. составляло-бы 80 милл. руб. или 66⁰/₀, что очень значительно, и если требуется соблюденіе экономіи, то, именно, въ этомъ вѣдомствѣ.

О расходахъ Министерствъ Морскаго и Военнаго мы не считаемъ возможнымъ дѣлать какія либо заключенія, потому что расходы этихъ Министерствъ должны были возвыситься уже въ силу того, что благодаря нашей покровительственной системѣ и страшно высокимъ акцизамъ, введеннымъ за послѣднія 15 лѣтъ, цѣны всѣхъ предметовъ потребленія у насъ возвысились, а при этихъ условіяхъ не могли не возвыситься и расходы какъ по устройству военныхъ судовъ, такъ и по вооруженію арміи и по обмундированію и содержанію воинскихъ чиновъ.

Расходы Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, беря въ соображеніе громадное увеличеніе лѣсного дохода (съ 17 милл. руб. въ 1893 г. на 61 милл. руб. въ 1903 г.), возрасли лишь очень умѣренно, и можно лишь пожалѣть незначительность расходовъ Министерства Земледѣлія въ государствѣ, гдѣ сельское хозяйство даетъ наибольшій доходъ населенію; съ другой стороны, надо признать, что всякія культурныя начинанія въ хозяйствахъ тормазятся низкимъ уровнемъ благосостоянія сельскаго населенія, которое принуждено оплачивать налоги не изъ доходовъ, а изъ имущества.

Чрезвычайно незначительно было также увеличеніе расходовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а именно, съ 22 милл. руб. въ 1893 г. на 39 милл. руб. въ 1903 г., или на 75⁰/₀. Если принять въ соображеніе, что расходы на душу по Мин. Нар. Просв. въ 1903 г. не превышали 28 коп. то нельзя не пожалѣть, что расходы этого Министерства не увеличились въ большей степени, потому что Россія изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, по расходамъ на народное образованіе, занимаетъ чуть ли не послѣднее мѣсто.

Увеличеніе расходовъ по Министерству Юстиціи вызывалось открытіемъ новыхъ судовъ на нашихъ окраинахъ. Что касается расходовъ Миниистерства Внутреннихъ Дѣлъ, то они увеличились въ очень незначительной степени; это слѣдуетъ признать тѣмъ болѣе, что въ этомъ Министерствѣ находилось и почтовое вѣдомство. (Доходы почтовый и телеграфный съ 1893 по 1903 г. увеличились съ 35 на 56 милл. рублей).

Изъ всего сказаннаго о расходахъ можно вывести заключеніе, что ихъ пониженіе болѣе всего желательно по Министерству Финансовъ. Это вѣдомство въ особенности нуждается во введеніи экономіи; что касается расходовъ по другимъ вѣдомствамъ, то таковыя отчасти возвысились вслѣдствіе вздорожанія всѣхъ предметовъ потребленія, и, въ случаѣ пониженія косвенныхъ налоговъ, возрастаніе расходовъ будетъ впредь идти гораздо медленнѣй.

Кромѣ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, въ нашемъ бюджетѣ имѣются чрезвычайные доходы и расходы. Чрезвычайные доходы преимущественно образуются изъ остатковъ отъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами и отчасти отъ займовъ.

За послѣднія 15 лѣтъ обыкновенные доходы превышали обыкновенные расходы на 1.600 милл. рубл., которые и были истрачены на увеличеніе металлическаго фонда, на постройку желѣзныхъ дорогъ, на расходы по введенію винной монополіи и т. д.

Въ Англіи, превышеніе доходовъ надъ расходами справедливо привѣтствуется населеніемъ, такъ какъ оно всегда (въ мирное время) сопровождается пониженіемъ или подоходнаго налога, или какихъ-либо косвенныхъ налоговъ (акцизовъ или фискальных пошлинъ),—у насъ-же, къ сожалѣнію, замѣчается другое явленіе. Излишки доходовъ надъ расходами поступаютъ въ свободный остатокъ казначейства, а послѣдній служить источникомъ для чрезвычайныхъ расходовъ, такъ что сколько-бы населеніе ни платило, оно въ будущемъ не видитъ себѣ облегченія отъ непосильнаго бремени налоговъ. И въ этомъ напряженномъ состояніи проходятъ годы.

Г. Министръ Финансовъ въ своемъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1903 г. приводитъ данныя объ урожаяхъ хлѣбовъ въ Россіи за послѣднія 11 лѣтъ. Свѣдѣнія эти не имѣютъ никакого отношенія къ бюджету потому, что Министерство Финансовъ слишкомъ мало обращаетъ вниманія на производительность сельскаго населенія. Это можно видѣть между прочимъ и изъ того, что, несмотря на чрезвычайно удачные въ финансовомъ отношеніи 1898 и 1899 года и, наоборотъ, плохое положеніе деревни въ 1897—1898 гг., все-таки въ 1900 г. было найдено возможнымъ возвысить многія пошлины на привозные товары и поднять цѣну монопольной водки.

Въ чрезвычайно плохой въ сельскохозяйственномъ отношеніи 1897 г. финансовое положеніе Россіи было блестяще, и дѣйствительные доходы превысили назначеніе на 137 милл. рубл. Очевидно, что налоги были получены не изъ доходовъ, а изъ имущества населенія, п. ч. въ 1897 г. сборы хлѣбовъ на душу не превышали 23.6 пуд. Да и вообще средній сборъ хлѣбовъ въ

Россіи настолько низко, что населеніе не въ состояніи нести бремя теперешнихъ налоговъ.

Тогда какъ въ Сѣв. Ам. Соед. Штатахъ урожаи хлѣбовъ на душу доходятъ до 70 пуд., у насъ въ среднемъ за 1897—1901 гг. на душу приходилось лишь по 27.5 пуд. Ясно, что покупательная способность нашего сельскаго населенія не могла быть высока. Это обстоятельство вполне правильно подмѣтили наши фабриканты и заводчики. Такъ, въ своемъ ходатайствѣ на имя Г. Министра Финансовъ о пониженіи пошлинъ на хлопокъ петербургскіе фабриканты высказываютъ слѣдующія соображенія: „хлопчатобумажная промышленность непытываетъ большія затрудненія, вслѣдствіе низкаго спроса, зависящаго отъ упадка покупной способности“.*) Еще рѣзче въ этомъ отношеніи мнѣніе лидера желѣзозаводчиковъ г. Авдакова, который на сѣздѣ 1901 г. сказать, что „русскаго мужика и рублевымъ желѣзомъ не культивируешь, ибо онъ кромѣ недоимокъ ничего не имѣетъ“.

Кризисъ въ желѣзодѣлательной промышленности объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что высокія пошлины на чугунъ, желѣзо и сталь и издѣлія изъ этихъ металловъ вызвали къ жизни большое число желѣзодѣлательныхъ заводовъ, для которыхъ не было достаточнаго сбыта. Благодаря конкуренціи между заводами, цѣны на чугунъ и на нѣкоторые сорта желѣза и стали понизились, но, при существованіи теперешнихъ пошлинъ, цѣны очень быстро вновь возвысятся, такъ что польза для населенія отъ созданія желѣзодѣлательныхъ заводовъ на югѣ весьма сомнительна. Съ другой стороны, переплаты на всѣ желѣзнодорожные матеріалы, приобретаемые для вновь строящихся и старыхъ желѣзныхъ дорогъ громадны и ложатся тяжелымъ бременемъ на наше населеніе.

Казна денегъ не имѣетъ, она беретъ ихъ съ населенія и, покровительствуя одной отрасли промышленности, естественно, должна обременять новыми налогами другія отрасли промышленности. У насъ косвенными налогами наиболѣе отягощено крестьянское населеніе, которое подъ бременемъ этихъ налоговъ и бѣднѣетъ.

Г. Министръ Финансовъ**) полагаетъ, что въ „общемъ результатѣ страна выйдетъ изъ настоящихъ временныхъ затрудненій съ твердо поставленной отечественной металлургической промышленностью, обезпечивающей по недорогимъ цѣнамъ спросъ населенія на желѣзо—этотъ основной матеріалъ и для обиходнаго

*) Копія докладной записки петербургскихъ фабрикантовъ о необходимости пониженія пошлины на хлопокъ, отъ 18 Янв. 1902 г.

**) См. Всеподданнѣйшій докладъ о росписи на 1903 г.

потребленія, и для выдѣлки орудій сельскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности“.

Съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться, по слѣдующимъ соображеніямъ. При существованіи теперешнихъ пошлинъ, цѣны на желѣзо, подъ вліяніемъ конкуренціи, могутъ временно понизиться, но не надолго и, при малѣйшемъ возвышеніи доходовъ сельскихъ хозяевъ, т. е. при временномъ поднятіи ихъ покупательной способности, благодаря хорошему урожаю, требованіе на желѣзо должно вновь возвыситься, что и повлечетъ за собой повышеніе цѣнъ. Возможно также, что желѣзозаводчики, по примѣру сахарозаводчиковъ, организуютъ вывозъ чугуна за границу по убыточнымъ цѣнамъ, у насъ-же въ Россіи, пользуясь чрезвычайно высокими пошлинами, будутъ продавать чугунъ и желѣзо по очень высокимъ цѣнамъ (какъ это дѣлаютъ сейчасъ сахарозаводчики). Это предположеніе чрезвычайно вѣроятно.

Если г. Министръ Финансовъ серьезно вѣрить въ высказанную имъ мысль, что населеніе впредь будетъ обеспечено желѣзомъ по недорогимъ цѣнамъ, то мы не видимъ необходимости къ удержанію теперешнихъ чрезвычайно высокихъ пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сталь и издѣлія изъ этихъ металловъ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь подробно на мнѣніи, высказанномъ г. Министромъ Финансовъ по поводу нашей вѣншей торговли, но не можемъ не замѣтить, что излишки вывозовъ надъ привозами не служатъ признакомъ увеличенія благосостоянія населенія, а наоборотъ. Къ сожалѣнію, Россія, какъ задолженная страна, *должна* вывозить больше чѣмъ привозить, и если въ 1899 г. излишки вывозовъ надъ привозами были малы, то это происходило благодаря тому, что въ этомъ году въ Россію перекочевало много иностранныхъ капиталовъ. Это явленіе объясняется нашими высокими пошлинами и произошло, именно, вслѣдствіе слишкомъ высокихъ барышей, какіе выплачивались раньше устроенными въ Россіи заводами. Впредь за эти привлеченные въ Россію высокими пошлинами капиталы мы будемъ расплачиваться очень дорого, какъ это дѣлаетъ сейчасъ Америка, имѣющая громадные излишки вывозовъ надъ привозами.

Въ отношеніи денежной реформы, мы считаемъ, что жертвы, которыхъ эта реформа въ свое время потребовала, не пропали даромъ; но, какъ мы это говорили неоднократно, денежная реформа не окончена. Необходимо, чтобы государственный банкъ, — единственный банкъ, имѣющій право выпуска кредитныхъ билетовъ, былъ поставленъ внѣ зависимости отъ Министерства Финансовъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не упомянуть, что, при страшно низкой производительности нашего населенія, теперешніе налоги

ему непосильны, почему, по нашему глубокому убѣжденію, нельзя строить желѣзныя дороги изъ бюджетныхъ средствъ или изъ свободной наличности, которая пополняется изъ тѣхъ же превышеній обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами.

Удлиненіе нашей желѣзно-дорожной сѣти желательно, но, чтобы строить дороги, нужны средства, которыхъ у населенія нѣтъ. Строющіяся желѣзныя дороги большей частью коммерческаго значенія, не имѣютъ доходовъ и, вѣроятно, еще въ теченіе многихъ лѣтъ будутъ понижать доходность старыхъ линій, а, между тѣмъ, наши желѣзно-дорожные тарифы сейчасъ слишкомъ высоки и, въ интересахъ населенія, ихъ необходимо понизить.

Обыкновенный бюджетъ на 1903 г. сводится съ излишкомъ доходовъ надъ расходами въ 16,6 милл. рубл., но эта сумма должна значительно возрасти, п. ч. дѣйствительное поступленіе доходовъ и въ 1903 г., по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выше принятой цифры, и, вотъ, желательно прекратить строительство желѣзныхъ дорогъ за счетъ излишковъ доходовъ надъ расходами, понизивъ налоги на 100 или болѣе миллионовъ рублей, что вполне возможно, такъ какъ за послѣднія 5 лѣтъ (1897—1901 г.) обыкновенные доходы превышали расходы на 173 милл. руб. въ годъ.

Финансовое благополучіе, основанное на обѣднѣніи большинства населенія, не можетъ быть прочно, а теперешнее положеніе деревни не обѣщаетъ ничего хорошаго и въ будущемъ.

Великая Государыня Екатерина II, въ Манифестѣ объ учрежденіи заемнаго банка, *) высказала пожеланіе, чтобы государственные доходы взимались изъ *всеобщаго изобилія*.

У насъ, къ сожалѣнію, въ послѣднее время на эту сторону дѣла не было обращено вниманія, и налоги, несмотря на ясныя признаки обѣднѣнія сельскаго населенія, продолжали расти.

Задолженность крупнаго землевладѣнія возрастаетъ, недоимки за крестьянами увеличиваются, замѣчается убыль скота у сельскаго населенія, а потому о прочномъ финансовомъ благополучіи не можетъ быть и рѣчи.

Надо пожить въ деревнѣ, надо видѣть ея воющую бѣдность, чтобы понять, что такъ жить нельзя. Теперешніе высокіе налоги взимаются не изъ изобилія, а изъ имущества, отчужденіе же скота вліяетъ на дальнѣйшее обѣднѣніе сельскаго населенія.

Необходимо понизить налоги, употребивъ всѣ усилія для пониженія обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, а тогда и земледѣліе, и промышленность выйдутъ изъ теперешняго угнетеннаго состоянія.

А. Радцигъ.

*) Первое полное собраніе законовъ № 16.407. Манифестъ отъ 1786 г.

Вас. Ив. Немировичъ-
Данченко.

Встрѣчи жимоходомъ.

(Наброски изъ старыхъ
поѣздокъ).

Мнѣ хотѣлось давно
разсказать о болѣе замѣт-
ныхъ людяхъ, встрѣчавшихся
мнѣ въ странствіяхъ по сѣ-
веро-востоку и югу Россіи.
О многихъ изъ нихъ я уже
говорилъ ранѣе, о другихъ—
въ слѣдующихъ книжкахъ
журнала вспомню вновь. Въ
пестрой картинѣ нашей на-
родной жизни такихъ обли-
ковъ безъ числа. По неволѣ
на каждомъ приходится оста-
навливаться не долго. Да-
же воспроизводя старыя очер-
ки такихъ встрѣчъ, ихъ надо
сокращать, удерживая толь-
ко главные черты и особен-
ности.

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко.

I.

Бичъ лѣсовъ.

— Эге... въ Юнгѣ-то видно угостился... Ишь тебя
шатаетъ какъ.!

— Не замай... Ты капитанъ — твое дѣло на рубкѣ
сидѣть, а я къ тебѣ въ каюту пойду, доспать надо...
Сколько денъ все доспать не могу.

— То-то тебя Юнга ушибла.

— Что такое Юнга? спрашиваю я.

Дѣло было на одномъ изъ камскихъ пароходовъ,
медленно подымавшемся «противъ воды» къ Лаишеву.

— Вторая Москва у нихъ. На устьѣ Ветлуги село
большое; тамъ пристань лѣсная. Тамъ рабочаго люда
этого скопляется — что комара на болотѣ. Туда же
и бабы съѣзжаются верстъ за сто. Рабочіе здѣсь раз-

счетъ получаютъ, гуляютъ на радости, если хозяева ихъ не обидѣли, а обидѣли хозяева — съ горя пьютъ; ну и бабы около нихъ кормятся. Юнга — это рай для бурлаковъ и прикащиковъ. Ну, вотъ тебѣ ключъ, ступай ко мнѣ — отсыпайся! обратился онъ къ новому пассажиру.

Не человѣкъ, а нѣчто вродѣ кабестаннаго парохода. Атлетъ. Плечи — косая сажень, брюхо на выносъ, голова громадная, борода — гущины необычайной и по поясъ; руки покрыты сплошь бородавками и мозолями. На немъ армякъ, сапоги, отъ которыхъ дегтемъ несетъ за версту, рубаха на груди разстегнута, за то голая шея повязана красною орденскою лентой и на лентѣ золотая медаль красуется. Судя по цвѣту ленты, минотавръ этотъ съ нею никогда не расстаётся. Даже закрутилась вся, какъ веревка.

— Хорошъ экземпляръ? обратился ко мнѣ капитанъ. — Сермяга вѣдь, хоть миллионами ворочаетъ. Медалью величается, а чистой рубахи въ рабочую пору не наденетъ!..

— Кто это такой?

— Истребитель лѣсовъ.

— Лѣсопромышленникъ.

— Называйте его, какъ хотите, а онъ на своемъ вѣку мало-мало тысячъ двѣсти десятинъ лѣсу перевелъ, да недавно у башкиръ вотъ еще тысячъ пятьдесятъ на срубъ купилъ. Всю жизнь свою только и дѣлаетъ, что рубить. А вѣдь простымъ дровосѣкомъ былъ; у знаменитаго богача кушца Бакаева въ работникахъ жилъ. Только пять лѣтъ тому назадъ азбукѣ выучился, а писать и по сию пору не умѣетъ. «Мнѣ, говоритъ, цифра нужна, — а на грамоту мнѣ плевать. Ты меня въ цифрѣ не обмани». По Камѣ не мало такихъ притоновъ, которые этотъ бичъ обезлѣсилъ. Онъ одинъ натворилъ здѣсь зла больше цѣлаго поколѣнія другихъ лѣсопромышленниковъ.

— Какъ же онъ разбогатѣлъ? Отъ дровосѣка, получающаго тридцать копѣекъ въ день на своихъ харчахъ, до миллионера путь очень великъ.

— Тутъ какая-то исторія была. Одни говорятъ, что, выкарчивая дерево съ корнемъ, кладъ нашелъ. Вѣдь вся здѣшняя сторона кладами богата. Понизовые разбойники, вольница Закамская, то и дѣло добычу въ землю зарывали. Оно и немудрено найти кому-нибудь случаемъ. А другіе про него говорятъ, будто онъ просто раскольника-кушца, пробиравашагося въ скитъ лѣсными тропами,

подстерегъ да и убилъ. Только онъ сразу началъ и шибко. То и дѣло, что дачу за дачей покупаетъ, да валить лѣсъ. Даже у него ненависть какая-то къ лѣсу пошла. Вы потолкуйте-ка съ нимъ. Вонъ онъ назадъ идетъ.

Чудище дѣйствительно подымалось на рубку. Истинница подъ нимъ скрипѣла и стонала, точно живая.

— Парить у тебя въ каютѣ еще пуце!.. Тутъ на легкомъ воздухѣ лягу на скамбечку.

— А какъ дама выйдетъ?

— Я съ нея воли не снимаю и она съ меня тоже. Ложись она—рази я что скажу?

— Я вотъ пассажиру про тебя рассказывалъ.

— Что ты сказать можешь, какой у тебя разумъ? Меня понять мудрено брать.

— Ишь ты медаль вывѣсилъ да, и величаешься.

— Медаль?.. Ты думаешь, я для бахвальства?.. Эхъ, ты!.. Я, самъ, баринку, расскажу про это. По нашему лѣсному дѣлу хорошаго платя носить нельзя. Потому я и съ топоромъ, я и въ болотѣ по колѣно. Сплю, гдѣ Богъ укажетъ! Купцомъ не оправившись. А сермягу на-дѣлъ—всякій норовитъ тебя ткнуть куда ни попало, особливо начальство. У насъ сторона дикая, глухая, ну, и начальство у насъ не какъ у прочихъ, а старое, дикое. Такого, поди, на Волгѣ не найдешь?.. Ну, а повѣсилъ я медаль—знаютъ, кто я таковъ. И полѣсовщикъ всякую мнѣ льготу предоставитъ, и отъ другихъ мнѣ обиды нѣтъ, все же я какъ будто чиновникъ выхожу. Языцы разумѣйте!

— Неужели вы сами работаете?

— Самъ—вездѣ. Рабочихъ много держу, одному со всѣмъ не справиться, съ ними и я работаю. У насъ дѣло веселое, хорошее, любое! Свалилъ дерево—обтени его, обтесалъ—сволоки на сплавъ, до рѣки добрался—вяжи плоты въ водѣ. И все-то тебѣ свѣтло кругомъ, да радостно. Самъ знаешь—лѣсъ валишь, добро дѣлаешь.

— Это какъ-же! изумился я.

— А рази не добро. Что лѣсъ? царство нечисти всякой, сказано—трущоба, дебрь! Кто въ лѣсу живетъ? звѣрь дикій, человѣку непотребный, злое племя живетъ. Дьяволъ въ лѣсу крещеную душу смущаетъ пуце, чѣмъ въ полѣ. А сколько зла въ ней, въ чащѣ зеленой творится. — И лѣсопромышленникъ даже нахмурился. — Смертное убойство, грабежъ, воровство всякое. При-тоны тамъ злодѣю уготованы, бѣгляки ходятъ, ножи

точать. По трущобамъ, да чернолѣсьямъ всякій разбой тaitся. Что его жалѣть лѣса-то!.. То ли дѣло нивка, она божья. Гладко тебѣ, чисто, куда ни взглянулъ—все точно на ладонькѣ. Нивка—она откровенная, она тебѣ всю округу оказываетъ. Степь то же — тамъ никто не притаится. Всякаго издали видишь, какой онъ человѣкъ. Лицомъ къ лицу не подойдетъ къ тебѣ незнамо, неожиданно. Да и красота, какъ понизъ ровная тебѣ разстелится; богатство, коли Богъ хлѣба пошлетъ. А лѣсъ! слыхаль присловье наше: лѣсъ темнѣй—бѣсъ сильнѣй. Вотъ оно, что умные-то люди говорятъ.

— А сколько зла отъ лѣсоистребленія вашего.

И я пустился было ему доказывать это.

— Вонъ оно! Умнѣй Бога хотятъ нонѣ быть. Богъ за грѣхи наши посылаетъ намъ голодъ да холодъ, чтобы мы опомнились, да къ нему Милосердному прибѣгли, а ты лѣсъ. Лѣсъ на потребу человѣку данъ, что-жъ его не рубить. И дѣло, тебѣ говорю, веселое. Иной разъ на всю округу одинъ стоишь — рубишь. Вдаришь ты разъ, точно съ тобой весь лѣсъ заговорить, каждое дерево тебѣ отзовется, чувствуетъ оно, что на добро ты его валишь. Храмъ божій изъ него воздвигнуть, либо жилье какое, а то на согрѣву человѣческой помощи!.. А то Бога перемудрить хотятъ. Нѣтъ, братъ, Его умнѣй не будешь. Что Онъ даетъ, то и будетъ. Древлѣ, вонъ, по лѣсамъ идоловъ ставили, что лѣсъ, что капище—все одно значить. Что-жъ жалѣть его по-твоему?..

— Онъ и зиму и лѣто въ лѣсу, рассказывали мнѣ про него потомъ,—жену и дѣтей бросилъ совсѣмъ. Раза два въ годъ наѣзжаетъ. Съ недѣлку проживетъ и опять на промыслъ. Семья у него крестьянскаго обихода держится. Такая же изба, только что развѣ побольше, хлѣбопашество, жена сама коситъ, дѣти тоже къ мужицкому дѣлу привыкають. Вся округа у него въ кулакѣ зажата. Всѣ-то ему должны, процентъ платятъ, работаютъ на него даромъ. Онъ даже сыновей своихъ въ школу не посылаетъ.

— Какъ такъ?

— Не нужно, говорить. „Я и безъ грамоты деньги нажилъ, а вы съ грамотой только проживете ихъ“. Теперь жена тайкомъ стала сынишку къ дячку посылать, что же бы вы думали, узналъ — такъ оттаскалъ ее за волосы, да еще при всемъ народѣ; съ тѣхъ поръ она полно о грамотѣ думать. А дочку свою въ институтъ свезъ

Отъ удивленія я переходилъ къ удивленію.

— Въ годъ за нее тысячи по полторы платить. Всѣмъ наукамъ обучу, и по-французскому. А потомъ я ее въ деревню возьму, пушай-де образованная да мужику-дураку поклоняется. Мнѣ, что, говорить, надъ вами величаться, вы народъ темный, а я надъ ней, надъ барышней величаться начну—это лестно!...

II.

Старательница.

Село Богородское!..

Золотыя шапки соломенныхъ кровель—по всей горѣ; улицы прямая, точно стрѣмглавъ внизъ сбѣгаютъ. Большая церковь посреди села. Кругомъ (должно быть, день базарный) черныя точки лошадей и телѣгъ; много такихъ черныхъ точекъ. Народъ внизу на берегу кишмя-кишитъ. Какой-то бѣлый пароходъ американскаго типа присталъ туда. Точно вила на водѣ съ галереями и балконами кругомъ. Десятки мелкихъ лодченокъ чертятъ по Волгѣ. Еще два-три поворота колесъ, и серебряная полоса великой сѣверной рѣки передъ нами—откроется во всей красѣ своего спокойнаго приволья.

Синѣя уходятъ назадъ каменные обрывы праваго берега. Волга ширится вдругъ. Нѣсколько островковъ на-лѣво, усѣянныхъ чайками-мартышками, точно искры вспыхиваютъ тамъ. Каму не видать за длиннымъ песчанымъ мысомъ. Только мачты судовъ двигаются за нимъ, точно эти суда по землѣ ползутъ къ Волгѣ. Тамъ и вдали за понизью все теченіе Камы мачтами этими означено. А плотовъ, плотовъ лѣсныхъ—видимо-невидимо. Изъ Камы еще новые и новые ползутъ, тихо, лѣнливо, скользя по серебряной глади. И всѣ они съ рогожными навѣсами, подъ которыми также тихо и лѣнливо дѣлаютъ свое дѣло ободранные, неприглядные плотовщики. Вонъ одинъ такой плотъ ползетъ себѣ, а на немъ единственный плотовщикъ, да и тотъ подъ навѣсомъ лапотъ плететъ. На другомъ, подъ такой же рогожей на шестахъ раскинулся, подостлавъ подъ себя армякъ, рабочій—въ чемъ мать родила. Бронзовые мускулы смуглаго тѣла такъ и обрисовываются. Рядомъ большой рыжій песъ валяется; съ какого-то плота дымокъ поднимается,—кашу

варятъ бурлаки. А тамъ подальше цѣлая семья — двухлѣтній ребенокъ безпечно бѣгаетъ, не боясь на каждомъ шагѣ свалиться въ воду. Мать дремлетъ себѣ подъ лучами жгучаго солнца. А ребенку, видимо, весело и привольно; — онъ смѣло скользитъ своими тонкими ноженками по брусьямъ, рискуя ежеминутно нырнуть въ воду... Вонъ баржи съ солью. Пусто тамъ; весь народъ на берегъ ушелъ и развалился на пескѣ, подставляя солнцопеку и безъ того обожженные лица.

Очень красива сбѣгающая внизъ по рѣкѣ изогнутая линія плотовъ. На каждомъ Вятскомъ великанѣ-бревнѣ играетъ солнце; есть что-то праздничное, свѣжее во всемъ этомъ. Такъ и кажется, что до тебя доносится смолистый запахъ лѣса. Воды Камы, когда вступаешь въ нее, полнѣе верхнихъ водъ Волги. Медленно и спокойно струится она, точно убаюкивая суда, среди своихъ зеленыхъ понизей. Оглянешься назадъ, синими сливающимися тонами уже выступаютъ обрывы волжскаго берега, а дальше переходятъ въ лиловую кайму, на которой темными пятнами разбросаны села. Богородское сбилось въ одну кучу и чѣмъ дальше уходили мы, тѣмъ все тѣснѣе и тѣснѣе сдвигаетъ оно марево своихъ избъ. Синіе и лиловые тоны ложатся все гуще и гуще — пока вся эта украина не охватываетъ горизонта позади однообразною полосой.

Отличительный характеръ всего — спокойствіе, ничѣмъ невозгугимое. Берегъ пока низмень. Мы идемъ по главному камскому устью. Направо и нѣтъ рукавъ; то они блеснутъ на солнцѣ яркой излучиной, то снова спрячутся, и только мачты да караваны мелкихъ судовъ видны на нихъ. По зеленой понизи теплятся отраженными солнечными лучами крохотные, чуть замѣтные, но свѣтловодные заливы, гдѣ остались еще слѣды половодья. Озерки, точно клочки голубаго неба, разбросаны по луговинамъ. Попадетъ такое озерко на песчаную понизь — точно пятно лазоревой эмали на золотѣ.

Вѣтромъ потянуло, холодкомъ, среди недвижнаго доселе пекла. Нѣсколько рыболовныхъ лодченокъ точно набѣжали на насъ спереди и только-что поровнялись — опять моментально скрылись уже позади насъ. Только и помню въ одной изъ нихъ силуэтъ ловца, показывавшаго намъ громаднаго осетра. „Авось-де остановятся и купятъ“.

На правомъ берегу татарскія деревни пошли — Табаево, Епанчино...

— Что тутъ дѣлають татары?

— Хлѣбъ сѣють. У нихъ чудесныя земли. А вонъ, дальше, русскія села наши, Мансуровское, да Мысовское, мало хлѣбомъ занимаются. Славный промыселъ у нихъ—поднимать затопленные барки. Тутъ и другія деревни этимъ живутъ. Тонутъ больше барки съ желѣзомъ.

— Да неужели этимъ однимъ существовать можно?

— Отчего-же? Деньги хорошія берутъ. Другіе подъ Самару уходятъ рыбу ловить, покупаютъ въ Вяткѣ деревянную посуду и сгоняютъ ее внизъ по Камѣ въ Волгу, больше, впрочемъ, кадки да ведра. Изъ Бѣлой и Вятки—Камой прогоняютъ внизъ ободья, доски, лопаты, скупаемые купцами отъ сплавщиковъ на пристаняхъ. Народъ у насъ промысловый, зажиточный.

— А недоимка? вмѣшивается сумрачный крестьянинъ.

— Какая недоимка?

— Богатство-то гдѣ же, коли на каждой семьѣ неплатежъ?

Капитанъ было задумался.

— По селу, дѣйствительно, мірофды есть; тѣ богато живутъ, они и пользуются. Ты говоришь, мы барки поднимаемъ, посуду плавимъ внизъ, ободьемъ торгуемъ. Да развѣ мы? Мы тутъ—работники. Наше дѣло наемное. Всѣмъ орудуютъ двое да трое, которые намъ хлѣбъ задаютъ зимой, да деньги на подать въ волостное вносятъ. Мы бы рады хлѣбомъ заняться, да какъ это сдѣлаешь, коли мірофды насъ долгами во какъ окрутили! Лѣто придетъ—въ поле бы, анъ нѣтъ, ступай на сплавъ. Весну—сѣять нужно,—ступай выдывать барки. Мы бы отъ этихъ хваленыхъ промысловъ твоихъ безъ памяти ушли. Татарамъ куда лучше, они хлѣбъ себѣ ростятъ, и кабалы не знаютъ.

Пароходъ тащилъ нѣсколько пестрыхъ барокъ. Коньки были особенно щеголеваты, красныя пѣтушки—на маленькихъ мачтахъ, даже яркія звѣзды изъ затѣйливо расположенныхъ лучинокъ.

— Это бакалею да мануфактурный товаръ вверхъ везутъ, а сверху мы эти баржи солью или желѣзомъ нагружаемъ. Барки, которыя желѣзо либо соль внизъ доставятъ—уже нейдутъ въ дѣло, ихъ разбираютъ.

Стало по-прохладнѣй и народъ вышелъ на палубу. Одна кучка особенно обращаетъ на себя вниманіе. Посреди баба рослая, румяная. Отъ хохоту груди такъ ходуномъ и ходятъ. Въ выговорѣ слышно что-то незна-

комое, пѣвучее. Задирають ее со всѣхъ еторонъ, а ей все ни почемъ. Развѣ кто ужъ слишкомъ задѣнетъ, такъ затылокъ у него затрещитъ подъ широкой лапшей этой камской красавицы. Точно дерево ломаетъ! Мужиченко къ ней подвернулся, тоже видно не потрафилъ.

— Ты что щенишься тутъ? зѣваетъ она на него.

— Полегше, полегше! и ошарапленный кавалеръ къ общей потѣхѣ вылетаетъ вонъ изъ круга.

— Знай нашихъ бабъ заводскихъ! слышится ему вслѣдъ хохотъ развеселой толпы.

— Ай да Марья! при этомъ, разумѣется слышутся весьма непочтительныя выраженія, отъ которыхъ даже красноуфимскую даму коробить.

А у Марьи смѣхомъ лицо такъ и прышетъ. Схвати-лась было она съ рослымъ парнемъ, да бросила—не по силѣ ей. Бездѣльная жизнь на пароходѣ, видимо, не по душѣ, рада бы хотя подраться съ кѣмъ; мускулы—любому мужику не уступятъ; женскаго—только одежда одна. Горланить пуще всѣхъ; да и отъ крѣпкихъ словечекъ не прочь. Еще съ особеннымъ апломбомъ ихъ отхватываетъ „на-ко, дескать, выкуси! что взять?“

— Ай тебѣ не стыдно? изумляется какая-то мѣщанка, вся въ черномъ, съ утинымъ носомъ и узенькими безкровными губами.

— Намъ некогда стыдиться. Наше дѣло мужицкое, работницкое.

— У нихъ всѣ такія! объясняетъ толпа.

— По заводамъ иначе нельзя—за мужиковъ стоять.

— А ты все-таки сократи себя, потому ты—бабочка, а не мужчинка, настаивала на своемъ мѣщанка. — Ты вонъ какія словечки-то пуцаешь, а это нехорошо, всему женскому полу на посрамленіе. Тебя и слушать-то зазорно.

„Бабочка“ только глазами повела на нее и сплюнула въ сторону тоже съ своего рода заводскимъ шикомъ.

— Такихъ и замужъ-то не берутъ, еще недовольнѣе ворчитъ обиженная этимъ жестомъ черница.

— У меня мужьевъ сколько хошь. Чего, чего, а этого добра не искать стать: въ волю его, хошь пять, хошь шесть, а то и всѣ десять набираются. И тебѣ уступлю за дешево—бери только. Всѣ здѣсь—во! показала она внушительно кулакъ.

„Утиный носъ“ озлобленно плюетъ и укладывается на подушку

— Такъ-то лучше! напутствуетъ ее старательница.

— У насъ здѣсь бабы не ваши, наша баба совѣстливая.

— То-то вы ее и бьете, за эту за самую совѣстливость. А ты поди къ нашей старательницѣ сунься. Она тебя проводить.

— Что и говорить, развѣ вы къ настоящимъ кавалерамъ привыкли; вамъ бы съ вашгеромъ *) только возиться.

— Насъ вашгертъ кормить. Намъ безъ вашгера, что вамъ безъ сохи.

— Смѣлы ужь очень!

— Намъ бояться нельзя. Мы въ одиночку по лѣсамъ золото моемъ. Кругомъ развѣ только волка дождешься. А и человѣка встрѣтишь—недобрый тотъ человѣкъ, нужно отъ него отбиваться, постоять за себя. По нашимъ лѣсамъ бѣгунокъ ходить, бродяжка изъ Сибири идетъ, бабы они поди годъ не видали, какъ повстрѣчаль—сейчасъ лезетъ. Силы нѣтъ у тебя—обидитъ.

— Ну, поди, съ этой обиды у васъ не кручинятся.

— Какъ не кручиниться, ежели силой? Съ согласія,—бери сколько хошь. А самъ безъ спросу не лѣзь. А то иногда свои старатели встрѣнутъ. Коли золота что намыла, да съ собой захватила, отнимутъ; еще и наругаются всячески. Тутъ ужь не упротивишься, молчишь, за обидой не гонишься; скорѣй бы ослобонили только. А все привольнѣй нашей жизни нѣтъ.

Зорко присматривался я къ старательницѣ.

Какое сходство съ Кольскими женщинами, промысляющими въ океанѣ! Та же сила, та же смекалка, та же отвага и та же кажущаяся распушенность. Горнозаводскіе типы пока были мнѣ въ диковинку, поэтому я и не могъ пропустить мимо одинъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ, тѣмъ болѣе, что старательница попалась не изъ заурядныхъ.

Прежде всего, что такое старатели?

Уральскіе крестьяне часто уходятъ въ даль и глушь, углубляются въ пустынные лѣса искать тамъ золота. Съ ними вашгеръ. Нашли розсыпь и давай промывать его въ одиночку или семьями. Золото, которое добыто такимъ образомъ, сдается владѣльцу участка по довольно высокой цѣнѣ. Вотъ эти-то вольные, не по найму ра-

*) Вашгертъ, деревянный приборъ для промывки золота.

бочіе и называются старателями, а работа ихъ старательской.

— Иныя и дичають совсѣмъ!

— Съ чего?

— А какъ мѣсяцевъ пять проведуть въ лѣсу назадъ вернутся—точно ихъ ушибли чѣмъ. Слова не добьешься.

— Ну, по этой старательницѣ незамѣтно.

— Да и тѣ потомъ оправляются. Съ перва-на-перво запьють—и пройдетъ.

— Поди, выгодное дѣло ваше? обратился я къ горнозаводской «бабочкѣ».

— Какъ не выгодно! Одинъ день сытъ, а два голодень.

— А при удачѣ?

— И при удачѣ помрешь безъ хлѣба. Наше дѣло такое—въ лѣса зайдешь, ищешь-ищешь золота, все, что съ собой, проѣшь и ворочайся домой, корой сосновой, да ягодой лѣсной питаешься. А подастъ тебѣ Господь, попадешь ты на розсыпь—еще и того хуже, домой идти жаль, не бросить же ее желанную, а ѣсть нечего. Ну и работаешь! чернику ѣшь, голубику, всякую травку узнаешь. Силки на птицъ ставишь, коли попадетъ что—сыта... Тутъ хошь фунтъ золота нарой, а голодна будешь. И не веселое же дѣло наше! Ни надъ тобою кровли, ни тебѣ защиты; тутъ же въ ямкѣ у розсыпи и спишь. Дождь поидетъ—только жмешься. Медвѣдь мимо бредетъ и дыханіе у тебя захватить, потому чѣмъ ты отъ него отобьешься? Силы и у мужиковъ не хватитъ. Теперь я стала только съ ружьемъ ходить на это дѣло, ну и ободраешь себя.

— Да развѣ ты стрѣлять мастерица.

— Во! Да я сколько дичи себѣ настрѣляю! Съ ружьемъ вольготно!

— Ты, вонъ, говоришь, удача! Иной разъ удачу эту самую проклянешь. Безъ нея ушелъ бы, а тутъ жадность въ тебѣ. Первое время какъ на работу уйдешь, пѣсни поешь, самъ съ собой говоришь еще, а потомъ дико станеть, точно это кто другой около тебя разговариваетъ. А если погромче, нечистъ всякая начнетъ тебя дразнить, пѣсни твои перехватывать. Ночью и того хуже. Случается и на работѣ натомишься, а не заснешь никакъ. Со всѣхъ-то сторонъ тебя охаживають они. Гдѣ захочетъ, гдѣ такъ окликнетъ, гдѣ это ребенокъ заплачетъ, а то точно кого ножомъ рѣжутъ. Прижмешься къ

землѣ сырой, уши зажмешь да и взмолишься: Господи! вызволи ты меня, сохрани! Такъ и маешься до самаго утра. Такое время бываетъ, когда имъ дано, полная воля имъ мутить души христіанскія. Звѣря да нечисти всякой боишься, а человѣка еще и того хуже. Коли онъ сильнѣй тебя, нахрапомъ норовитъ золото отнять, а слабѣй—хитростью, да лукавствомъ дѣйствуетъ, словно отъ вора лютаго бѣжишь отъ него прочь. Ты вотъ про себя подумаешь: вретъ-де баба, а я тебѣ какъ передъ истиннымъ Богомъ: разъ это медвѣдь на меня въ лѣсу напалъ. Ну, и повалилась я, не дышу. Давай онъ меня катать по землѣ то одной лапой, то другой; каталь, каталь да и бросилъ. Ушелъ за деревья. Вскочила я, да бѣжать. Слышу что-то за мной топъ, топъ! Глянь, а это опять онъ самый. Я опять плашмя. Ну, думаю, конецъ мнѣ. Всѣ старые грѣхи припомнила. Нѣтъ, обошелся, покаталь, пошутить и прочь пошелъ. Я и ни съ мѣста, лежу. Къ вечеру опять пришелъ, понюхаль, поурчалъ, рядомъ легъ. Самъ лежитъ, а лапой нѣтъ-нѣтъ да и толкнетъ. Обмерла я совсѣмъ. Скорѣй бы ужъ смерть! Да, слава Господу, олень подвернулся, шарахнулся онъ въ чащу и звѣрь за нимъ, такъ и ослобонилъ меня. Вотъ она какая жизнь наша! А сколько такихъ, продолжала она,—что и совсѣмъ пропадаютъ въ лѣсахъ нашихъ. Имъ вѣдь, дебрямъ этимъ, конца-краю нѣтъ, и онѣ отъ заводовъ подалѣе, потому заводы добре лѣсъ ѣдятъ. Изъ нашего села мужикъ одинъ на старательскую работу пошелъ. Мѣсяцъ, сказывается бродилъ, вдругъ, въ одномъ чернолѣсѣи и маткнулся на вашгеръ. Лежитъ вашгеръ, вокругъ розсыпь, видимое дѣло, кто-то работалъ; давай искать, въ кустахъ человѣкъ лежитъ, затылкомъ кверху. Пугнулъ онъ его, громко окликнулъ:—не шевелится; ближе подошелъ—смердь. Съ голоду, вишь, померъ, руки оглоданы. А около него мѣшочекъ золота, такъ фунта два поди насбиралъ парень. Такъ стали потомъ ладиться, кто да кто, и ничего не узнали: кто и откуда.

— За то какъ золота много намоешь, да домой вернешься—благодать.

— Благодать, да не съ того хвоста.

— Да вѣдь на другомъ дѣлѣ столько не заработаешь?

— Да за то возьми ты хоть желѣзный заводъ, ну все же ты полтину въ день получишь, коли мастеръ? А тутъ, вотъ, хошь: я въ послѣдній разъ три мѣсяца въ

лѣсу прожила, на шесть цѣлковыхъ золота намыла; ну, значитъ, совсѣмъ съ голоду помирать пришлось, да изба выручила.

— Это же какъ?

— А залишня у меня изба была. Ну, продала я ее на заводъ, на срубъ. У нихъ на заводѣ лѣсу недохватъ, каждому полѣну радъ, такъ я съ братанами повалила избу, да на дрова ее сплошь и извела. Полтора ста цѣлковыхъ съ завода выручила. А и удача—перво-на-перво тебя въ конторѣ заводской управляющій господскій обсчитаетъ, а второе—нашему старателю супротивъ другаго рабочаго внятеро пропить надо, а то и разума не вернетъ, всѣ одичавши будемъ. Только послѣ перепоею и очувствуемся.

— Что же ты на другую работу не пойдешь, коли плохо?

— А тянетъ. Кто разъ на наше старательское дѣло пошелъ, тотъ человѣкъ пропащій, мѣсяцъ и другой въ селѣ поживетъ—скучать, да тосковать по лѣсѣ станеть. Такъ его точно кто тащитъ туда, все бросаетъ, отъ всего отступается, а въ дебрь опять уйдетъ. И тамъ въ трещи этой лѣсной жутко, а все его манитъ туда. Никакъ намъ безъ лѣса не прожить. Хоть ты што. Когда господскіе были, случалось управляющіе запрещали ходить на старательскую работу. Не слушаются; въ бѣга пойдутъ. Изъ-подъ затворовъ скрозь рѣшетки умкнутъ. Приволье ли, а то, можетъ быть, и лѣсъ заколдовалъ насъ, морокомъ обошелъ, а только на міру не ладится старателю.

Табаево—село татарское все ближе и ближе. Деревянная мечеть, точно домъ. Деревянный минаретъ весь на виду. Тесомъ крытыя кровли и стѣны избъ. Зажиточно, чисто живутъ.

— Отчего русскіе деревни хуже?

— А незадача. Татары здѣшніе господами осѣли. Табаевцы дома на подушкахъ сидятъ. Вареве всякое у нихъ—дай Богъ чиновнику. Хлѣбъ у нихъ черный, чудесный. Въ Епалчиной много грязи, тамъ и соломенные кровли на амбарахъ и службахъ.

Около Табаева веселая рошца; точно изумрудное пятно на желтой понизи берега.

— Глупой народъ! злится лѣсопромышленникъ.

— Почему?

— А что толку имъ отъ рощи, чего они ее бере-

гутъ. Я имъ пять тыщей давалъ. Въдь это—дубъ все! Какое дерево-то, только свали!

Минареть точъ въ точъ голубятня, только гораздо больше и съ острымъ шпикомъ наверху. Очень красивъ онъ на солнцѣ.

— Это изъ здѣшняго лѣса строено.

— Нѣтъ. Они изъ казны и у меня лѣсъ берутъ, а своего не трогаютъ. Жадность у нихъ большая.

Татары видимо умнѣе и распорядительнѣе насъ, какъ это не обидно нашему національному самолюбію. Сосѣдніе русскіе крестьяне сплошь вырубили свои лѣса, а татары каждую маленькую рощицу сберегли.

Послѣ гористыхъ береговъ Волги низменные, спокойныя окраины Камы производятъ впечатлѣніе чего-то добраго, давно знакомаго, милаго сердцу. Пахнеть цвѣтами. Далеко-далеко смутно мерещится кайма казенныхъ лѣсовъ, точно тамъ края облаковъ прорѣзались и синѣютъ на небосклонѣ. То и дѣло встрѣчаются бѣланы съ ободьемъ и мочалами—видимо послѣдніе дебри лѣсныя изводятся. Все гуще и гуще обноситъ ароматъ.

— Откуда это?

— А на противоположномъ берегу табаевцы пчельники держутъ. И хорошіе пчельники. Первые мастера на это татары. Медъ въ Лаишевѣ да Богородское шлютъ, деньги огребаютъ. Только липовыхъ медовъ нѣтъ здѣсь.

— Ну, а народъ каковъ?

— Народъ хороший, честный. Слово вѣрно держать. Не пьющи. Къ русскимъ точно братья, какъ родного въ своемъ домѣ примутъ, только въ мечеть къ нимъ не ходи—этого не любятъ. Особливо къ пріѣзжему крестьянину ласковы. Чиновника не любятъ. Ну, а нашъ братъ попадетъ къ нимъ—первый гость. „Яичекъ не хочешь ли, молока, меду“, всѣмъ радъ тебя угостить. Душевный народъ, что и говорить! Не токмо тебѣ, лошади твоей угодить радъ. Одно у нихъ—чай не нашъ, кирпичный, хоть и изъ самоваровъ пьютъ его. Коли ты у него не поѣшь—обидишь его, и потомъ онъ къ себѣ не приметъ. Ты, говоритъ, гордый, поди ищи у другихъ ночлега. А коли ты его у себя угостилъ разъ—вѣчный другъ онъ тебѣ. У нихъ хорошо и работникамъ нашимъ. Что сами ѣдятъ, какъ сами живутъ, такъ и батраку; точно сына держать. Только что вѣра у нихъ своя, а то всѣхъ народовъ сердечнѣй. Денегъ нужно—русскій не дастъ, а татаринъ дастъ. Отдашь ему въ срокъ и еще приходи.

А не отдалъ, либо обсчиталъ его—гнушается онъ тебя, что пса. На слово даютъ. Только не оmani.

На первой же пристани цѣлая толпа этихъ татаръ сѣла на пароходъ.

Чѣмъ дальше по Камѣ, тѣмъ прохладнѣе; легче дышется. Солнечный блескъ не такъ ослѣпительнъ, дали—прозрачнѣе. Глазъ замѣчаетъ и линію какихъ-то горъ за каймою синихъ облаковъ и чуть мерцающее въ сѣрой дымкѣ озеро направо.

А нагорный берегъ Волги еще не пропалъ. Только онъ весь чернымъ кажется, точно тамъ назади залегла грозовая туча.

И все спокойнѣе, все привольнѣе — берега этой когда-то лѣсной рѣки.

IV.

Вѣчный лѣсовикъ.

На невысокое крутоярье, видимо, богатое село высыпало. Все изъ хорошаго, кондового лѣсу строено, тесъ — богатѣйшій. На самомъ припекѣ — мечеть деревянная. Къ этому берегу пропасть подчалковъ черныхъ привалило, каждый съ полъ-бѣляны будетъ. Грудами навалено на нихъ мочала, кулей, рогожъ, ободьевъ; далеко идемъ — а смолистымъ запахомъ свѣжаго луба такъ и обноситъ. Промыселъ самый чистый, здоровый! По рѣкѣ Бѣлой, да по верховьямъ Камы съ весны заготавливаются эти грузы. Цѣлая села сплошь изводятъ лѣса на деревянную подѣлку всякую. Одиѣ артели лѣсныхъ великановъ обдираютъ, другія въ это время бѣляны сколачиваютъ. Видимо, еще много остается досужаго времени, потому что на судахъ штоки съ узорчатыми пестрыми звѣздами понаставлены, вездѣ рѣзные пѣтушки да коньки. Мало разлапистое судно сколотить. На дальнемъ сѣверѣ, на Двинѣ, тѣмъ бы и довольствовался промышленникъ, да судорабочій, а тутъ и требованія вкуса являются. Вездѣ украшенія, рѣзной работы нѣтъ — какаянибудь птица сирень на носу красуется, либо звѣрь изображенъ охрой, да такой звѣрь, что любой зоологъ не опредѣлитъ.

Берегъ въ одномъ мѣстѣ прорвался, въ ложбинѣ зеленая даль померещилась, все поля хлѣбородныя. Про-

пасть высѣвають тутъ зерна татары. Рѣдкій изъ нихъ на сплавъ при караванѣ поидеть. Далеко отъ своего мѣста никто уходить не хочетъ. Русскій сплошь подальше норовить умкнутъ отъ сладкаго житья, со слѣпа въ лѣса ударится, либо съ верховья Камы въ Астраханскую украину кинется. Что ему мило у себя? Голодовка да нужда лютая. А татаринъ обстроился прочно, поле у него чудесное, дома — благодать; его и не сгонишь на отхожій промыселъ. Еще на перегрузку желѣза въ Лаишевѣ, по сосѣдству, онъ, пожалуй, не прочь; внизъ до Богородскаго дойдетъ охотно тоже, а дальше — ни за какія деньги! Поди по немногимъ татарскимъ деревнямъ, созови народъ на работу: кто на сплавъ покрутится? — навѣрно нашъ. Русскіе между татарскими селами тоже гнѣздами ослѣли, отсюда и гонить ихъ безкормица на великую нашу рѣку Волгу. Все ищутъ, гдѣ-бы имъ горе свое избыть, куда-бы руки свои неустанныя запродать... И вѣдь пьянства здѣсь, собственно говоря, мало. Запой есть — а пьянства нѣтъ. Возьмите норвежскаго крестьянина: онъ вамъ изо дня въ день пьетъ, а въ мѣсяцъ рома изведетъ больше, чѣмъ камскій крестьянинъ за цѣлый годъ. Но первый и ѣсть хорошо при этомъ, пьянъ не бываетъ, а русскаго на-веселѣ здѣсь не встрѣтишь: либо онъ сумрачно трезвъ, либо онъ мертвецки пьянъ. Я повторяю: постоянного пьянства нѣтъ, а запой во всю!..

— Экъ матушку нашу оголили!

Оглядываюсь. На палубѣ рядомъ со мною старикъ-крестьянинъ. Длинные сѣдые брови почти глаза закрываютъ. Какая-то пожелтѣвшая борода. Вѣтеръ треплетъ во всѣ стороны рѣдкіе клочья волосъ на головѣ. Стоитъ, понурясь — видимо, дряхлость одолѣла... Даже и дышетъ хрипло, точно грудь съ натугою выдавливаютъ воздухъ.

— Несовмѣстимое царство лѣсное было тутъ... Точно окіанъ-море, шумѣло зеленое...

— Это по Камѣ-то?..

— По ней по родимой. По бережку стѣной стояла пустынь дремучая... Давно это было...

— А какъ давно?

— Я и сосчитать не могу. Много мнѣ годовъ-то, а мы все по лѣсамъ, все по лѣсамъ... лѣса рубили и — я уходить... Родился около Манасеиной деревни, а теперь верстъ за тыщу живу; какъ лѣсное царство отходило отсюда такъ и я съ нимъ. За опушкой — не житье. Мы исконные, по всему нашему роду, коренные охотники.

Да, хорошо тутъ было тогда! Кама не то, что нонѣ: ни одной мели—яро, грудью вздучалась, такая-ли глыбѣ омутистая была. Въ ино мѣсто и солнцу хода не было скрозь зеленую темь лѣсную. По узинамъ посередѣ лѣта холодокъ стоялъ; и что тутъ птицы, что тутъ звѣря по чернолѣсью таилось. Отошло времячко... Пришли магоги проклятые съ топорами и давай изводить красу богоданную. Спервоначалу по берегу валили—стонъ по Камѣ пошелъ, а потомъ и въ самую дрему прошли—ишь оголили какъ! Коли роща какая осталась такъ на диковину.

— А вонъ еще лѣса стоятъ...

— Какіе это лѣса—поросли, молодятники! Это-ли лѣса! тутъ вѣками выросло каждое дерево, что старорусскій кондовый богатырь, тучки подпирало, корни отъ себя и по землѣ и подъ землей толще нонѣшняго дерева выметывало! Какой это лѣсъ! Чуть вѣтромъ повѣяло и разшумѣлся онъ. Это-ли лѣсъ! Во оны времена, бывало, по опушкѣ съ ногъ вихремъ валить, а въ глыбѣ лѣсную уйдешь, точно замерло все тамъ—листь не шелохнется. Тишь такая! Развѣ подъ звѣремъ гдѣ старая паданъ шуршитъ. Были лѣса! Снизу вверхъ глянешь—неба невидно; точно ты подъ кровлей зеленой, развѣ гдѣ солнышко пробьется, да жаркимъ золотомъ густолистье обольетъ; словно въ церкви, идешь ты, точно Богъ надъ тобой невидимо—и радостно, и страшно, потому окрестъ тебя таинство!

— А около деревень какъ было?

— Села наши по чернолѣсьямъ таились. Народъ тутъ по старой вѣрѣ ютился. Онъ себя эфтимъ лѣсомъ, что тучей черной оболакивалъ, оттого и старый кондовый обычай здѣсь въ сохранности держался. Мы по зарубкамъ отъ села къ селу ходили, дорогъ этихъ не было. Коли кто нашихъ зарубокъ не знаетъ—пропадомъ-пропадетъ. Лѣсное царство изморомъ его донимало. День идетъ, два идетъ, три идетъ, а то и цѣлыя седмицы—голосу человѣчьяго не слышно, просвѣта скрозь лѣса не видно, прогалинъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Все стволы сѣрые внизу, да зеленая туча сверху; ну, бывало, изморится, ляжетъ на сыру землю и помираетъ. Сколько такихъ встрѣчалъ я!

— Съ голоду, поди, умирали?

— Наше лѣсное царство изморомъ брало, а голодомъ не мучило, потому вездѣ грибъ, ягоды этой до страсти. Пить захочешь—ручьевъ подъ корнями не мало.

Иного не видишь, только слышишь, какъ онъ булькаетъ. Ищешь, ищешь, гдѣ—едва скрозь моховину до него до-рвешься. Посередѣ лѣса какія озера стояли—рыбныя, да богатыя.

— Гдѣ-же теперь эти озера?

— Лѣсъ убили, и лѣсное богатство ушло. Озера не сами по себѣ. Каждому Богомъ указано ручьями питаться. Деревя не стало—ручья высохли, ручьевъ не стало и озера въ земь ушли, только пади еще гдѣ съ топью болотной стоятъ. Тутъ что! Проточныя озера были, стерлядь въ нихъ водилась, налимъ—рѣчная рыба и та гащивала по озерамъ, судакъ былъ, лещъ, язи. Бѣлорыбицу и ту лавливали,—случалось, по два пуда; осетръ—на что ужъ царь-рыба—въ тоню попадалъ. Теперь и Кама-то такой рыбой оскудѣла, а по озерамъ ея каша-кашей стояло!

— Тутъ съ нами ѣдетъ одинъ лѣсной промышленникъ: похваляется онъ, что на своемъ вѣку нѣсколько сотенъ тысячъ лѣсу свалилъ.

— Бога у нихъ нѣтъ, племя иродово! Ему нажива, а народу раззоръ одинъ. Нѣшто понимаетъ онъ, злодѣй, что лѣсъ, что храмъ—все едино. Господь невидимо предстоить тебѣ. Чаща лѣсная злодѣевъ праведниками дѣлала. Молчишь въ ней годами и все-то тайное передъ тобою, словно въявь и вольное, и невольное всякое прегрѣшеніе! Ну и казнишься ты, и каешься. Святые отцы по лѣсу спасались, подвижники и стратиги наши отъ никоніанскихъ гонителей въ зеленое царство сюда уходили и тихую пристань обрѣтали, мати-пустыню ласковую. Селами да поселками жили мы тутъ и не было у насъ ни татей, ни убивцевъ! Безъ закона жили, а по правдѣ! Властей у насъ не было, остроговъ да темницъ мы не знали, не вѣдали, какое-такое злодѣйство на свѣтѣ водится. Вотъ оно какое царство лѣсное, потому нельзя тебѣ страсти своей подражать въ немъ, давить тебя оно; только ты дурное задумалъ—загудеть надъ тобою, и смиряешься, Бога увѣдаешь! Чуешь, что зрить онъ тебя отсюда! И житіе у насъ было безъ богатства, но и не скудное. Народъ работу любилъ, потому по лѣсу этому на себя работалъ. Деньги здѣсь, что листва опалая: ничего ты съ ними подѣлать не могъ, ну и поэтому по самому міроѣдства и въ заводѣ не было. Всякій на себя страдалъ, да на семью свою. Въ пустынномъ житіи этомъ душеспасеніе было, что въ кельѣ монастырской. Старымъ

истовымъ обычаемъ жили, въ покорности да послушаніи!

Въ одинъ день два такіе типа. Равнинная, полевая Русь въ лицѣ истребителя лѣсовъ и Русь лѣсная, былинная, Русь заугольниковъ въ этомъ дряхломъ старикѣ. Толстое брюхо, сила, мироѣдство, скопидомство, съ одной стороны — ветхость, слабость, съ другой. Одинъ типъ настоящей минуты, съ его любовью къ наживѣ, ненавистью къ темному лѣсу, промышленной сметкой и ежовыми рукавицами; другой — послѣдній могиканъ, вымирающій отшельникъ, съ его любовью къ тихому и мирному житію посреди зеленого царства, съ его равнодушіемъ къ наживѣ. Въ одномъ жадность безпредѣльная, жадность доведенная до того, что, принимая отъ своего подручнаго деньги за лѣсъ и пересчитывая засаленныя бумажки, онъ дрожалъ надъ ними, при мнѣ напустился на прикащика, зачѣмъ въ тридцати тысячахъ пятнадцати копѣекъ, которыя тотъ проѣлъ на хлѣбъ, не хватило; въ другомъ — непониманіе силы денегъ, даже ненависть къ этой «печати антихристовой». Одинъ, встрѣчая преграды, ломаетъ ихъ, и идетъ на-проломъ впередъ; другой отъ нихъ бѣжитъ въ глушь, прячется и стушевывается. Одинъ считаетъ лѣсъ царствомъ зла и неправды, притономъ злодѣевъ, обителью грѣха; для другаго дремучая трущоба — храмъ Божій, царство труда и правды! Большихъ контрастовъ въ одинъ день, на одномъ и томъ-же маленькомъ камскомъ пароходѣ встрѣтить было-бы трудно.

— Неужели между вами злыхъ вовсе не было? спрашиваю у старика.

— А чего намъ не доставало? Наши лѣсные поселки отъ злыхъ-то и хоронились, мы сами отъ нихъ спасались... Приходили и къ намъ люди невѣдомые... Только не злые, а ожесточенные. Живали съ нами; въ первый годъ лѣсъ и у нихъ душу смягчилъ. Кто къ намъ бѣжалъ? Съ желѣзнаго завода рабочій отъ недобрыхъ управителей уходилъ, съ соляныхъ варницъ Усольскихъ, отъ кнутовъ хозяйскихъ, странный человѣкъ спасался, изъ городовъ грѣшникъ бѣжалъ.

— Какой грѣшникъ?

А несчастный! Съ голодовки преступить заповѣдь божью — его въ темницу, а изъ темницы онъ къ намъ.

— И такихъ принимали?

— „Придите ко мнѣ всѣ обремененные“, — сказано, какъ-же не принять-то. Чѣмъ онъ не человѣкъ? душа

слабая, совратилась; да вѣдь въ городу она совратилась, гдѣ бѣсъ силенъ, гдѣ искушеніе кругомъ, соблазнъ, а у насъ соблазну нѣтъ; дикимъ звѣремъ спервоначалу бывало глядитъ стороной; а какъ увидить, что мы посельники лѣсные съ открытымъ сердцемъ къ нему, ну и самъ за работу пріймается. Изъ забѣглыхъ воровъ у насъ цѣлая семья стояли; что-жъ-бы ты думалъ,—честнѣе да добрѣе народа не было... Вотъ оно коково!

— Что оно каково?

— А лѣсное царство наше... Гонимые шли къ намъ, ну и обрѣтали покой, сердце у нихъ и приростало къ житію нашему. Не спрашивали мы откуда? Самъ скажетъ—хорошо, нѣтъ—молчи. Что чужую душу выматывать! Мирно жили... И все наше мирное житіе и мати-пустыня богоданная отъ топора пропали. Приходили люди наживные, смотрѣли лѣса наши да съ эпушекъ начинали валить ихъ. Какая деревня прежде съвсѣмъ въ дремѣ стояла, глянь—на опушку вышла, а черезъ годъ и совсѣмъ поля кругомъ, лѣсное царство дальше уходило. Ну, которые остались, по-новому жить начали. По рѣкѣ суда пошли, на суда покрутились, стали люди наживные артели нанимать лѣсъ рубить, царству своему измѣнили, въ артели пошли. А которые вѣрные были, вмѣстѣ съ лѣсомъ уходили. Врубаются люди наживные въ лѣсъ, а вѣрные прочъ еще дальше отходятъ... Удалились отъ зла и сотворишь благо!.. Такъ и я. Знаешь-ли, сколько я себѣ избѣ ставилъ?

— Ну?

— Не много, не мало—дванадесять. Уйду отъ топоровъ ихнихъ, поставлю себѣ свѣтелку въ лѣсу—черезъ годъ топоры опять звенять по лѣсу. Дальше уйду, новую себѣ келію строю—году не избыть, опять наживные люди... Такъ я до пропасти избѣ этихъ за собой оставилъ... Вмѣстѣ съ лѣсомъ вверхъ по Камѣ шель, а подъ старость всю Каму-матушку нашу безъ красы ея богоданной, безъ лѣсу увидѣлъ... Привелось еще дальше уходить... Вѣдаешь-ли Косьву-рѣку пустынную?

— Нѣтъ.

— Въ Каму бѣжить гремучая да свѣтловодная. По ней я въ самый верхъ на Ураль-камень поднялся. До Павды дошелъ, тамъ въ лѣсу и изживаю... Последнюю тяготу свою ношу!... Только и Косьва-рѣка уборъ свой дѣвичій терять начала.

— Тоже лѣсопромышленники пришли?

— И туда люди наживные врубались... Только до Павды нашей не дойти имъ скоро... Какъ жить, такъ и помру въ лѣсномъ царствѣ, а дѣтямъ моимъ, пожалуй, и лѣсу по всей землѣ русской не увидѣть!.. Все изведутъ... все сгинетъ. Горе тогда будетъ лютое!.. Не избыть горя этого. Оскудѣютъ рѣки, моря иссохнутъ, какъ болота въ засуху, земля хлѣба не дастъ, трава прахомъ разсыплется... Пойдутъ зимы безъ снѣгу, лѣто безъ дождя... И восплачутся люди наживные по нашему царству зеленому, по лѣснымъ пустынямъ, порубленнымъ да пожженнымъ!.. Что ихъ капиталы тогда?.. Тучка господняя за деньги не придетъ... Деньги въ землю не посѣешь... Древле Моисей изъ скалы воду источилъ жезломъ, а нынѣ, за безуміе наше да слѣпоту, и чудеса престали... Чудесъ не будетъ... Не увидитъ чуда земля бесплодная!.. Такъ девяносто лѣтъ пройдетъ и много за то время народу сгинетъ.

— А старики наши знаютъ... Девяносто лѣтъ Господь Саррѣ плода не давалъ—и земля плода не дастъ такожде... А черезъ девяносто лѣтъ—новые лѣса вырастутъ... Защумятъ дубравы, только человѣка въ нихъ не будетъ, доколѣ изъ сибирскихъ лѣсовъ наши-же посельники не придутъ, да въ зеленой чащѣ деревень своихъ не поставятъ... И сбудется сіе по слову старцевъ, имъ-же честь и поклоненіе!..

Въ голосѣ старика угроза слышалась; даже глаза изъ подъ нависшихъ на нихъ бровей раскрылись. Передавая предсказанія старцевъ своихъ, онъ злобно погрозилъ голому берегу, песчаными буграми вдвигавшемуся въ рѣку. Лѣтъ двадцать тому назадъ, вмѣсто этихъ песковъ, здѣсь на сочныхъ холмахъ стояли лѣсные великаны... Старикъ точно видѣлъ ихъ въ эту минуту и грозилъ воспоминанію, рисовавшему толпу наживныхъ людей съ топорами, валившихъ лѣсъ и карнавшихъ стволы его для сплава внизъ по Камѣ въ широкую Волгу...

Какъ нарочно, плотно намъ на встрѣчу...

— Вотъ они... богатыри-то наши лѣсные! Это съ Бѣлой рѣки... Каждое бревно въ зеленомъ уборѣ стояло, въ листьяхъ птишка гнѣздо вила, въ самой гущѣ веселая бѣлка прыгала, а внизу у корня поди и вода бѣжала!.. И старикъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ плота.

На свинцовомъ фонѣ неба, покрытаго, вопреки предсказаніямъ старика, тучами, точно вырѣзывалась бѣлая церковь села Мансурова. Изъ воложка мы выходили въ

коренную Каму. На-право низился опушенный молодятникомъ берегъ, на-лѣво — зеленые луга вплоть до чернаго обруба, на которомъ тоже черными силуэтами деревня Мысы выдѣлялась. Какъ хороши были бѣлыя чайки на темномъ полотнѣ туманнаго неба... Глазъ невольно слѣдилъ за ихъ граціознымъ полетомъ...

А новыя тучи, гряда за грядой, выползають. Кама все ширится. Тутъ она, пожалуй, и Волгѣ не уступитъ.. Сѣрый просторъ ея подернулся рябью... На палубу точно крупа просыпалась — дождемъ прыснуло...

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

Д. А. Корончевскій.

Закохъ культурнаго развитія.

(Соціально-антропологическій очеркъ).

Когда во второй половинѣ XVIII вѣка по Европѣ распространились свѣдѣнія о чудныхъ островахъ, открытыхъ Кукомъ на Тихомъ океанѣ, эти рассказы на многихъ произвели необычайное впечатлѣніе. Виною того были не самые острова, подобныхъ которымъ можно не мало встрѣтить на громадномъ океанѣ, а талантливое описаніе одного изъ нихъ, составленное нѣмецкимъ ученымъ Георгомъ Форстеромъ на основаніи записокъ его отца, сопровождавшаго Кука въ экспедиціи, когда былъ открытъ этотъ островъ (Таити). Георгъ Форстеръ обладалъ крупнымъ литературнымъ дарованіемъ, заставляющимъ нѣмцевъ до сихъ поръ причислять его къ числу ихъ классическихъ авторовъ, и названный островъ далъ ему достаточно матеріала для поэтической обработки послѣдняго. Подъ перомъ Г. Форстера, на голубыхъ водахъ Тихаго океана поднимался высокій вулканическій островъ, какъ исполинскій букетъ тропическихъ растений. Большая часть этихъ растений—пальмы, бананы, хлѣбныя деревья и проч., не только украшали пейзажъ, но и сытно питали человѣка, почти безъ всякаго труда съ его стороны. Тропическій жаръ умѣрялся морскими вѣтрами, и казалось, что на островѣ царствуетъ вѣчная весна. И люди, которые жили здѣсь, съ перваго взгляда казались вполне достойными этого райскаго уголка. Они были не темнаго, а свѣтлаго буроватаго

цвѣта, съ красивыми чертами лица, длинными волнистыми волосами, которые они украшали цвѣтами, и все, что дѣлали, дѣлали легко, даже весело. Не замѣтно было, чтобы они утруждали себя работой: такъ много въ ихъ жизни занимали мѣста игры, пляски и пѣсни. Дѣйствительно, имъ не было необходимости трудиться: одно или два хлѣбныхъ дерева могли прокормить семью, и, кромѣ того, тамъ были въ изобиліи и другіе вкусные и питательные плоды и коренья. Таитяне не отталкивали даже своей неопрятностью, свойственной многимъ дикарямъ. Они ежедневно купались по три раза и послѣ купанья украшали себя свѣжими цвѣтами. На первыхъ порахъ среди нихъ нельзя было замѣтить, чтобы кто-нибудь былъ обиженъ, или угнетенъ; всѣ они, повидимому, одинаково наслаждались жизнью, и это наслажденіе наполняло все ихъ существованіе.

Неудивительно, что подобная картина, написанная мастерской рукою, должна была привлечь къ себѣ вниманіе европейскихъ мыслителей и мечтателей. Тогдашнее настроеніе общества заключалось въ чувствительности и разочарованности. Многіе вообще сомнѣвались въ необходимости и полезности культуры и выражали страстное желаніе уйти куда нибудь подальше отъ ея узъ и жить тамъ жизнью, близкой къ природѣ. Во главѣ этихъ мыслителей оказался Жанъ Жакъ Руссо; описаніе Форстера дало толчокъ его идеѣ о томъ, что счастье человѣчества возможно только на лонѣ природы, въ особенности красивой и ласковой. Счастливые таитяне представлялись ему идеаломъ, къ которому слѣдуетъ стремиться всѣмъ, кому цивилизація внушала отвращеніе и утомленіе и кому хотѣлось кореннымъ образомъ преобразовать свою жизнь.

Основная идея Руссо, какъ сильный ферментъ, долго заставляла бродить умы въ Европѣ, и откликъ ея слышится до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ взглядахъ, высказываемыхъ въ русской литературѣ. Но пока философія и публицистика, овладѣвъ однажды этой благодарной темой, долго и разнообразно разрабатывала ее, наука безжалостно разоблачила иллюзію, созданную Форстеромъ. Она показала, что таитяне, не смотря на свою привлекательную внѣшность и очаровательную природу ихъ страны, ничѣмъ не отличались отъ другихъ дикарей Тихаго океана. Правда, какъ и всѣ полинезійцы, они принадлежали къ малайской расѣ и, быть можетъ, заключали въ своихъ жилахъ и еще болѣе благородную кровь (кавказскую), но при всемъ изобиліи природы, надѣляющей ихъ и плодами, и мясомъ, и рыбой, они не были чужды порока, самаго ужаснаго въ нашихъ глазахъ — людоедства, а также и жестокаго обычая убійства дѣтей и стариковъ. Пользоваться выгодами богатой

природы не все могли одинаково: высшее сословіе существовало на счетъ труда низшаго; принадлежавшіе къ этому послѣднему почти не считались за людей, такъ какъ полагалось, что душа ихъ умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и не знаетъ загробной жизни, доступной только для высшаго класса. Отсюда легко видѣть, сколько темныхъ и печальныхъ сторонъ въ счастливой, на первый взглядъ, жизни таитянь.

Трогательное впечатлѣніе производила на полярныхъ путешественниковъ и мирная семейная жизнь эскимосовъ и другихъ народовъ дальняго сѣвера. Капитанъ Парри даетъ слѣдующее описаніе эскимосской хижины: «Въ немногихъ случаяхъ, когда намъ приходилось испытывать ихъ гостепріимство, мы имѣли полное основаніе оставаться имъ довольны. Относительно пищи и удобствъ, они всегда предлагали намъ все лучшее; и характеръ, и степень ихъ вниманія были всемо, что только могутъ внушить гостепріимство и даже хорошее воспитаніе. Дружественныя услуги высушиванія и исправленія нашего платья, приготовленія намъ пищи и растапливаніе снѣга для питья исполнялись женщинами съ веселой предупредительностью, которая не легко забывается и которой мы не могли не отдать дани нашего удивленія и уваженія. Въ качествѣ ихъ гостя, я провелъ вечеръ не только съ удобствомъ, но и съ величайшимъ удовольствіемъ; въ то время, когда женщины работаютъ и поютъ, ихъ мужья спокойно чинятъ свои сѣти, дѣти играютъ передъ дверью, и котелъ кипитъ надъ весело сверкающимъ пламенемъ лампы, не трудно позабыть, что сценой этого домашнего комфорта и мира служить эскимосская хижина; я могу съ увѣренностью сказать вмѣстѣ съ Картрайтомъ, что, помѣщаясь такимъ образомъ подъ ихъ кровлей, я не могъ бы назвать ни одного народа, которому я и самого себя, и свою собственность довѣрилъ бы охотѣе, чѣмъ эскимосамъ». Но, не говоря уже о нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонахъ характера эскимосовъ, вродѣ скрытности и мстительности, самая жизнь ихъ въ холодной безлѣсной странѣ настолько тяжела, и море, которое ихъ кормитъ, создаетъ для нихъ такъ много опасностей, что мирныя картины, подобно описанной выше, составляютъ лишь немногія свѣтлыя точки на темномъ фонѣ жизни полярныхъ народовъ.

Счастливыми можно, пожалуй, назвать и кочевниковъ, когда, они, отдавая своей беззаветной любви къ свободѣ и своей страсти къ передвиженіямъ, идутъ со своими стадами по широкой степи, перемѣщаясь изъ равнинъ въ горы, или наоборотъ. Они привлекательны для насъ своимъ мужествомъ, честностью и щедростью, но намъ какъ то трудно забыть, что эти красивые, смѣлые наѣзд-

ники, неуживающіеся въ тѣсныхъ стѣнахъ городовъ,—въ то же время разбойники, сдѣлавшіе изъ хищническихъ набѣговъ своего рода ремесло. Точно также и негры-земледѣльцы могутъ казаться вполне довольными жизнью,—настолько они всегда веселы, болтливы и въ то же время трудолюбивы и хозяйственны,—но эти мирные земледѣльцы такъ мало интересуются всѣмъ, что совершается за предѣлами ихъ деревни, что часто не могутъ указать путнику дороги до ближайшаго селенія. Эта узкость сферы, въ которой вращается ихъ жизнь, свойственна всѣмъ дикарямъ; какъ бы они ни были добродушны, тостепріимны и услужливы, они выказываютъ эти качества только по отношенію къ своимъ, т. е. къ членамъ одного и того же рода или племени и иногда къ европейцамъ, какъ представителямъ высшей культуры. Съ сосѣдними племенами они находятся, по большей части, въ постоянной враждѣ, которая отъ времени до времени переходитъ въ открытую войну. Это вѣчное военное положеніе налагаетъ печать на всѣ стороны жизни дикарей. Оно развиваетъ въ нихъ жестокость по отношенію къ непріятелямъ, когда они съ ними сталкиваются на полѣ битвы или когда тѣ попадаютъ имъ въ плѣнъ. Оно ведетъ къ массовымъ избіеніямъ и къ опустошеніямъ цѣлыхъ странъ, не допуская расцвѣта мирной трудовой жизни въ областяхъ, имѣющихъ сильныхъ воинственныхъ сосѣдей. Едва ли можно найти что нибудь печальнѣе картинъ, какія рисуютъ путешественники по Африкѣ, которымъ приходилось проѣзжать по странѣ, подвергнувшейся разграбленію со стороны разбойниковъ-скотоводовъ Восточной Африки. Жизнь, очевидно, кипѣла тамъ еще нѣсколько дней тому назадъ; объ этомъ свидѣлствуютъ наполовину убранныя поля и плоды, еще висящіе на деревьяхъ; въ хижинахъ все осталось такъ, какъ будто обитатели только что вышли оттуда; но обитателей этихъ уже нѣтъ: они угнаны въ плѣнъ или разбѣжались. Таковую же ужасную повѣсть рассказываетъ и исторія сѣверо-американскихъ индѣйцевъ: цѣлыя племена ихъ погибали, истребленныя непріятелемъ, и отъ нихъ ничего не оставалось, кромѣ имени, связаннаго съ именемъ какой либо рѣки или горы. Война отягощаетъ и безъ того нелегкую жизнь дикарей. Охота, какою существуютъ многіе изъ нихъ, требуетъ большого напряженія силъ и далеко не всегда бываетъ удачной. Голоданіе—состояніе обычное для многихъ дикарей, не исключая земледѣльцевъ, которымъ, по климатическимъ условіямъ, иногда невозможно бываетъ сохранить свои запасы. И жилища, и одежда дикарей, въ сущности, плохо охраняютъ ихъ отъ холода и сырости, въ особенности въ холодной части умѣреннаго пояса. Смѣна обильной пищи съ недостаткомъ ея также служитъ причиною нездороваго состоянія дикарей.

Сильное утомленіе, простуда, порча желудка и др. причины болѣзней, дѣлають жизнь дикарей далеко не столь здоровою, какъ мы обыкновенно себѣ представляемъ, считая ихъ людьми выросшими въ самыхъ естественныхъ условіяхъ, на лонѣ природы, при постоянномъ упражненіи своихъ силъ. На самомъ дѣлѣ, и въ физической силѣ, и въ выносливости въ рабочемъ отношеніи они вездѣ уступали европейцамъ за исключеніемъ областей съ климатомъ особенно тяжелымъ для послѣднихъ, а именно тропическимъ.

Сходство нѣкоторыхъ чернокожихъ дикарей съ бронзовыми статуями, какими они казались многимъ путешественникамъ, слѣдуетъ отнести только къ первому, не провѣренному впечатлѣнію. Извѣстный нѣмецкій антропологъ Г. Фричъ, который долгое время провелъ въ южной Африкѣ и подробно изучилъ строеніе тамошнихъ народностей, пришелъ къ крайне любопытному для насъ выводу, устанавливающему цѣлую пропасть между культурнымъ и дикимъ человѣкомъ. Послѣдній никакъ не можетъ подойти къ идеальной культурной формѣ, воплощенной въ греческомъ искусствѣ. Это вполне выяснилось для Фрича, когда онъ занялся сравненіемъ скелетовъ европейцевъ и кафровъ. Фричъ говоритъ по этому поводу: „Не только черепъ и скелетъ, какъ цѣлое, у туземцевъ южной Африки весьма рѣзко отличается отъ скелета европейскихъ расъ. Прежде всего бросается въ глаза интересный фактъ, что кафрскій скелетъ относится къ европейскому какъ скелетъ дикаго животнаго къ скелету прирученнаго животнаго того же вида. Некультурный характеръ скелета ясно сказывается въ большей тонкости и нѣжности костей, менѣе объемистыхъ, но при этомъ крѣпкихъ, упругихъ и гладкихъ на поверхности. Выступы и гребни рѣзко обозначены и отчетливо выдѣляются, но не такъ массивны, какъ это часто встрѣчается у нашихъ соплеменниковъ. Между тѣмъ, три изслѣдованные мною кафрскихъ скелета принадлежали относительно крѣпкимъ мужчинамъ... Такимъ образомъ, на нѣмецкихъ скелетахъ всюду получаются высшія цифры. Уже отсюда можно заключить, что кафровъ нельзя признать ни цивилизованнымъ народомъ, ни образцомъ сильнаго физическаго развитія, какимъ выставляли ихъ нѣкоторые авторы“. И мягкія части, кромѣ болѣе развитога жевательнаго аппарата, также менѣе объемисты, чѣмъ у культурнаго человѣка. Поэтому, Фричъ счелъ себя вправѣ усмотрѣть въ своихъ изслѣдованіяхъ „подтвержденіе того, что полное развитіе человѣка (т. е. его мускулатуры и костей), сообразно заложеннымъ въ его организмъ зачаткамъ, достижимо только подъ вліяніемъ культуры“. Ранке, присоединяясь къ выводамъ Фрича, какъ это, впрочемъ, сдѣлать бы всякій антропологъ, объясняетъ это

недостаточное развитіе скелета, сопровождающееся иногда крайней худобой у большинства прирожденныхъ южно-африканцевъ не-европейскаго происхожденія, условіями ихъ обычнаго существованія, а именно, скуднымъ и не цѣлесообразнымъ питаніемъ. Отмѣчая, что указанные признаки некультурности встрѣчаются у всѣхъ африканскихъ и у многихъ не-африканскихъ племенъ, въ особенности у австралійцевъ, Ранке устанавливаетъ во всемъ человѣчествѣ двѣ типическія формы общаго развитія тѣла—культурную форму и дикую форму. Замѣчательно, что достаточно непродолжительнаго вліянія культурныхъ условій для измѣненія описываемыхъ признаковъ дикихъ народовъ въ направленіи культурнаго развитія. „Если, говоритъ Фричъ, кафры вырастаютъ при условіяхъ, приближающихся къ цивилизованнымъ, то внѣшніе расовые признаки, даже безъ всякаго смѣшенія, уже въ теченіе одного поколѣнія претерпѣваютъ важныя измѣненія. Это въ особенности касается мускулатуры и общей полноты тѣла, которыя при правильномъ трудѣ и обильномъ рациональномъ питаніи быстро улучшаются... Среди туземныхъ фингу не рѣдко можно встрѣтить атлетическія формы, но при этомъ обыкновенно исчезаетъ благородная соразмѣрность формъ“. Строеіе тѣла кафра, по Фричу, приводитъ его къ тому же, что мы видимъ повсюду при аналогичныхъ условіяхъ: „организмъ, выросшій подъ разнородными вредными вліяніями и закаленный ими, отличается скорѣе большей стойкостью и способностью сопротивленія такимъ вліяніямъ, чѣмъ замѣтными проявленіями значительной силы. Кафрамъ, какъ и всѣмъ другимъ неграмъ, главнымъ образомъ, не достаетъ легкаго внезапнаго обнаруженія физической энергіи; это выражается тѣмъ, что прыганіе крайне необычно для нихъ. Кафръ, въ среднемъ, всегда уступить бѣлому въ силѣ удара, ширинѣ прыжка или скорости бѣга на близкомъ разстояніи“. Слѣдовательно, какъ мы видимъ, дикіе люди отличаются отъ культурныхъ не только менѣе совершеннымъ развитіемъ, но и меньшимъ проявленіемъ энергіи.

Выводъ Фрича и Ранке чрезвычайно важенъ для насъ потому, что опредѣляетъ естественность культурнаго развитія, какъ неизбежнаго процесса; другими словами, онъ позволяетъ намъ предвидѣть законъ культурнаго развитія, столь же естественный, какъ и законъ роста организмовъ. Мы уже не можемъ допустить теперь, что жизнь дикаго человѣка, стоящаго ближе къ природѣ, вполне нормальна и даетъ полное удовлетвореніе естественнымъ потребностямъ человѣка. Мы не можемъ предположить, чтобы культура была нѣкоторымъ одностороннимъ уклоненіемъ этого нормальнаго развитія, дающимъ человѣку извѣстныя удобства, но за то лишаящимъ его многихъ истин-

ныхъ благъ жизни, близкой къ природѣ. Мы должны убѣдиться, что культура есть вполне нормальный ходъ развитія человѣчества, и что въ этомъ состояніи оно достигаетъ своихъ наиболѣе полныхъ или совершенныхъ физическихъ и умственныхъ формъ.

На самомъ дѣлѣ, всѣ человѣческія племена, сознательно или бессознательно, стремятся къ улучшенію своей жизни и достигаютъ этого путемъ усовершенствованія своихъ физическихъ и умственныхъ качествъ. Чѣмъ ниже стоитъ дикое племя, тѣмъ болѣе тяжелую борьбу оно ведетъ съ природой и уже самымъ существованіемъ своимъ показываетъ, что оно не побѣждено въ этой борьбѣ. Чтобы уцѣлѣть въ такомъ количествѣ отдѣльныхъ лицъ, совокупность нѣкоторыхъ могла бы составлять общество, говорящее особымъ языкомъ, имѣющее свои нравы и обычаи и даже иногда особый физическій типъ, племя должно было выработать свойства, которыя давали бы ему возможность питаться и размножаться, т. е. поддерживать семью и воспитывать дѣтей. Если оно вело низшую, бродячую жизнь, которая вся уходила на поиски пищи, то оно должно было развитъ въ высшей степени чувства зрѣнія, слуха и осязанія, ловкость, необходимую для лазанія по деревьямъ и т. п. Мы все это, дѣйствительно, видимъ у австралійцевъ, обитателей небольшого материка, отдѣленнаго морскими пространствами отъ сосѣдней Азіи и, вслѣдствіе своей крайней скудости, почти не посѣщавшагося мореплавателями только что названной части свѣта. Вѣроятно, очень давно австралійцы вышли изъ какой нибудь материковой или островной области Азіи и привели съ собой только собаку, потому, что тогда въ Азіи другихъ домашнихъ животныхъ еще не было. Имъ не у кого было перенять какія-либо культурныя приспособленія и все, что они знаютъ и что могутъ дѣлать, они должны были придумать сами. Если даже допустить, что знаменитое метательное оружіе ихъ — бумерангъ, было принесено ими изъ ихъ первоначальной родины, то у нихъ все-таки остается остроумная въ своемъ родѣ „вамера“, желобообразная дощечка для пусканія копья. Они достигли такого высокаго искусства въ плетеніи корзинъ, какое давно уже не доступно культурному человѣку за отсутствіемъ надобности въ такомъ искусствѣ: они умѣютъ плести не только корзины весьма красивыхъ формъ, но и такія, въ которыхъ можетъ держаться вода. Намъ даже не трудно опредѣлить — что привело ихъ къ такой необыкновенной technikѣ плетенія: это — скудость водою, какою отличается Австралія, и неудобства глиняной посуды, при постоянно бродячей жизни. Та же бѣдность водою заставила австралійца развитъ какое то особое чув-

ство, которое позволяет имъ угадывать присутствіе воды подъ землею тамъ, гдѣ европеецъ никакъ не могъ бы догадаться объ этомъ. Страстное желаніе полакомиться яйцами птицъ и медомъ дикихъ пчелъ научило австралійцевъ лазить по деревьямъ съ искусствомъ почти неподражаемымъ; вырѣзывая въ стволѣ небольшія углубленія, чтобы упереться въ нихъ большими пальцами ноги, и перекидывая все выше и выше жгутъ изъ лыка, за который онъ держится руками, австраліецъ влѣзаетъ на совершенно гладкія деревья безъ вѣтвей, достигающія громадной высоты. Жизнь его отличается величайшей простотою и неприязнательностью: онъ можетъ обходиться почти безъ одежды и жилища, но въ умственномъ отношеніи онъ вовсе не такъ тупъ, какъ мы могли бы ожидать отъ человѣка, незнающаго самыхъ простыхъ жизненныхъ удобствъ. Онъ обладаетъ замѣчательно развитымъ языкомъ, который до сихъ поръ является неразрѣшимой загадкой для филологовъ. Онъ не лишенъ и чувства человѣческаго достоинства даже въ сношеніяхъ съ бѣлымъ человѣкомъ. Двѣ партіи австралійцевъ, привезенныя въ Берлинъ, гдѣ они показывались публикѣ, по изслѣдованіямъ Вирхова, оказались людьми достаточно понятливыми и умѣющими держать себя и въ обществѣ вполне культурномъ. Последнее обстоятельство Вирховъ въ особенности отмѣчаетъ по отношенію къ одной изъ австралійскихъ дѣвушекъ, получившей названіе „принцессы“, такъ какъ ее выдавали за дочь какого то начальника. Къ тѣмъ же благопріятнымъ выводамъ пришелъ Вирховъ и по отношенію къ огнеземельцамъ, причисляемымъ, вмѣстѣ съ австралійцами, къ самымъ низшимъ дикарямъ. Если австралійцы и огнеземельцы не умѣютъ считать далѣе трехъ, то это не можетъ еще служить доказательствомъ ихъ полной несообразительности: это показываетъ только, что жизнь ихъ не вырабатывала потребности въ счетѣ. Дикари, стоящіе нѣсколько выше только что названныхъ нами, производятъ еще болѣе благопріятное впечатлѣніе, что напр., можно было сказать о папуасской дѣвушкѣ, привезенной въ Берлинъ въ качествѣ няни однимъ нѣмецкимъ семействомъ изъ Новой Гвинеи.

Въ условіяхъ, еще болѣе тяжелыхъ, чѣмъ австралійцы и огнеземельцы, живутъ эскимосы, алеуты и народы сѣвернаго побережья Азіи. Они вынуждены жить въ подземельяхъ или въ хижинахъ, сложенныхъ изъ ледяныхъ глыбъ, согрѣваемыхъ только лампами изъ ворвани, такъ какъ лѣсъ вовсе не растетъ въ ихъ странѣ и только случайно и въ небольшомъ количествѣ приносится морскими теченіями изъ лѣсныхъ странъ. Море даетъ имъ не только лѣсъ для укрѣпленія ихъ подземныхъ построекъ, но и всю пищу, какою питаются эти народы.

Чтобы добыть ее, приходится преодолевать множество опасностей, сопряженныхъ съ плаваніемъ по бурному морю, покрытому льдинами. Но случается, что животныя, мясомъ которыхъ питаются эскимосы,—тюлени, моржи и пр. не приплываютъ къ ихъ берегамъ или появляются вблизи нихъ въ самомъ небольшомъ количествѣ: тогда эскимось осужденъ на безпощадное голоданіе, оканчивающееся нерѣдко вымираніемъ цѣлыхъ селеній. И среди такихъ жизненныхъ условій эскимось бываетъ не только добродушенъ и веселъ, какъ мы видѣли выше изъ описанія капитана Парри, но и занимается художественной работой, которою любятъ европейцы. Онъ искусно вырѣзываетъ на кости цѣлыя сцены изъ своего жизненнаго обихода, по преимуществу изъ охотничьей жизни, съ такою вѣрностью дѣйствительности, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ, эти рисунки лучше передаютъ намъ внѣшнія формы его быта, чѣмъ самыя подробныя описанія. Художественнаго таланта не лишены и австралійцы, рисующіе фигуры людей и животныхъ на стѣнахъ своихъ пещеръ, и бушмены—жалкое бродячее племя въ южной Африкѣ.

Если мы отъ этихъ низшихъ дикарей перейдемъ къ высшимъ, каковы полинезійцы, то увидимъ у нихъ уже довольно высоко развитое искусство рѣзбы по дереву, приготовленіе узорчатыхъ матерій и циновокъ и рядомъ съ этимъ такую развитую эпическую поэзію, что ихъ сказанія о происхожденіи міра многіе ученые ставятъ на ряду съ поэмами Гомера. Даже начала письменности встрѣчаются у многихъ дикихъ народовъ въ видѣ такъ называемаго образнаго или живописнаго письма. Наконецъ, что еще важнѣе, можно считать доказаннымъ, что нѣтъ ни одного народа, которому чужды были бы религіозныя представленія.

Слѣдовательно, какъ мы видимъ, зачатки культуры свойственны всему человѣчеству, и народовъ, безусловно некультурныхъ, вовсе не существуетъ. Правда, эти зачатки распределены не равномерно и не гармонично: мы видимъ иногда, что народы, наиболѣе привлекающіе насъ своей художественностью, отличаются въ то же время наибольшей жестокостью, или народы, кажушіеся намъ особенно мирными и незлобивыми, являются вмѣстѣ съ тѣмъ особенно не развитыми въ умственномъ отношеніи. Такъ же какъ и въ области физическаго развитія, это зависитъ отъ упражненія, которое въ свою очередь направляется извѣстными потребностями. Можно сказать, что въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы низко ни стоялъ онъ на культурной лѣстницѣ, заложены природою и умственные, и нравственные, и художественные запросы, но они могутъ быть удовлетворены лишь

при условіи упражненія соотвѣтствующихъ органовъ. Упражненіе это вызывается прежде всего окружающей природой. И весьма обильная, и весьма скудная природа не благоприятна для культурнаго развитія,—поэтому и тропическіе, и полярные народы не могли подняться выше зачаточной культуры. Мозгъ ихъ упражнялся исключительно въ изобрѣтеніи орудій для добыванія пищи, и въ этомъ отношеніи многіе дикіе народы совершили много достойнаго удивленія,—но мозгъ ихъ нисколько не развивался въ направленіи отвлеченнаго мышленія и всякое абстрактное представленіе или опредѣленіе для нихъ совершенно чуждо. У нихъ можно найти нѣкоторые зачатки конкретной науки, вродѣ черченія картъ или знанія положенія звѣздъ на небѣ, и даже міѳологія ихъ можетъ быть названа пассивнымъ стремленіемъ отвѣтить на вопросы о происхожденіи міра и о причинахъ наиболѣе замѣтныхъ для человѣка явленій его, но эти начальныя представленія слишкомъ склонны покидать реальную почву и переноситься въ область воображенія. Естественно, что мозгъ, недостаточно, упражняющійся переходитъ въ такомъ же видѣ и къ потомству, и поэтому дѣти черной расы, выказывая въ школѣ болѣе ускоренное развитіе въ первые годы обученія, въ послѣдніе годы сильно отстаютъ отъ своихъ бѣлыхъ товарищей. По той же причинѣ и взрослые негры, за немногими исключеніями, уступаютъ бѣлымъ во всѣхъ профессіяхъ, требующихъ умственнаго труда, хотя упомянутыя исключенія показываютъ, что и для нихъ возможно сравняться по умственному развитію съ бѣлыми.

Не всѣ народы, однако, отстаютъ въ культурномъ отношеніи по указаннымъ выше причинамъ, т. е. вслѣдствіе недостаточнаго или излишняго упражненія своего тѣла и мозга, благодаря окружающимъ ихъ естественнымъ условіямъ. Многіе изъ нихъ были оттѣснены изъ прежнихъ лучшихъ мѣстъ обитанія и загнаны въ худшія, гдѣ имъ пришлось забыть многое, что они знали и опуститься изъ высшаго культурнаго состоянія въ низшее. Такова была судьба негритосовъ, живущихъ во внутреннихъ частяхъ острововъ юго-восточной Азіи, многихъ темнокожихъ племенъ Индіи, бушменовъ южной Африки и проч. Такимъ образомъ, причиною сравнительной некультурности бываеетъ не только борьба съ природою, но и борьба съ подобными себѣ, болѣе сильными людьми.

Наилучшими условіями для культурнаго развитія надѣленъ умѣренный поясъ земнаго шара, въ особенности, части его, соприкасающіяся съ моремъ. Послѣднее преимущество зависитъ отъ наибольшаго удобства для сношеній съ сосѣдями. Культуру можно назвать общимъ достояніемъ человѣчества, и люди, идущіе

щіе по пути ея, иногда вырабатываютъ нѣкоторыя стороны ея раньше другихъ, которые усваиваютъ эти плоды чужого труда или чужой мысли путемъ заимствованія. Такимъ образомъ, устанавливается обмѣнъ идей и изобрѣтеній, и культура становится общою для цѣлой части свѣта, какъ мы видимъ это въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ. Въ этой средѣ развивается и теоретическая, и прикладная наука, между прочимъ и наука о здоровомъ образѣ жизни, способствующемъ высшему физическому и умственному развитію человѣка. Соблюденіе правилъ этой науки должно парализовать нѣкоторыя несомнѣнно вредныя вліянія европейской культуры, зависящія отъ скученности населенія въ городахъ и отъ недостатка физическаго упражненія лицъ, посвящающихъ себя умственной работѣ. Превосходство европейской культуры надъ дикимъ состояніемъ и надъ азіатской полукulturой выражается всего нагляднѣе въ европеизированіи всего земного шара, т. е. постепенномъ распространеніи бѣлой расы въ качествѣ господствующаго племени по всему лицу земли. Это распространеніе не обходится безъ насилій надъ дикими туземными обитателями отдаленныхъ странъ которыхъ европейскіе пришельцы вытѣсняютъ изъ ихъ древнихъ мѣстообитаній, а иногда и прямо истребляютъ. Но видѣть одно насиліе въ распространеніи европейцевъ и отрицать всякую пользу ихъ вліянія на туземцевъ было бы несправедливостью. Многие дикари, правда, не выдерживаютъ этого столкновенія съ высшей культурой, которая приноситъ имъ многія изъ своихъ отрицательныхъ сторонъ, но тѣ изъ дикарей, которые оказываются болѣе воспріимчивыми къ европейской культурѣ и признаютъ ея положительныя стороны, едва ли теряютъ отъ того, что имъ приходится отказаться отъ ихъ прежней, хотя, повидимому, свободной, но тяжелой и нездоровой жизни. Въ дѣйствительности, культура въ высшемъ смыслѣ, т. е. полное развитіе человѣка въ физическомъ и умственномъ отношеніи, далеко не проникла еще и во всѣ слои европейскаго общества: низшіе слои послѣдняго нѣкоторыми сторонами своей жизни, напр., суевѣріями, несоблюденіемъ гигиеническихъ правилъ, немногимъ стоятъ выше полудикихъ народовъ другихъ частей свѣта. Однако, замѣтное среди этихъ слоевъ стремленіе къ просвѣщенію и къ улучшенію своихъ жизненныхъ условій служить нагляднымъ доказательствомъ, что и они уже вступили на путь культурнаго развитія. Когда это развитіе станетъ дѣйствительно общимъ для всего человечества, тогда можно будетъ сказать, что послѣднее достигло своего истиннаго назначенія.

Д. Коропчевскій.

«Осужденный», съ картины В. Маковского.

Н. Н. Кузьминъ.

Ө. М. Достоевскій въ каторгѣ и послѣ ссылки *).

Страдалецъ, унылые звуки
Носились въ тюрьмѣ надъ тобой!
И ихъ не забылъ ты въ минуты разлуки
И къ намъ ихъ принесть ты съ собой...
Звукъ цѣпи въ глаголы любви безконечной
Ты, сильный душой, передилъ,—
Покорный вѣщаньямъ Истины Вѣчной,
Клеймо и желѣза простишь...
1900 г. Н. М. Соколовъ.

Въ концѣ зимы 1859 года совершилось возвращеніе Ө. М. Достоевскаго изъ ссылки, а въ декабрѣ того же года произошелъ приѣздъ его въ Петербургъ изъ Твери, гдѣ онъ пробылъ на пути изъ далекой Сибири очень недолго. Сорокалѣтняя годовщина возобновленія Достоевскимъ писательской дѣтельности прошла у насъ совершенно незамѣченною, а между тѣмъ для людей, истинно любящихъ писателя и знакомыхъ съ подробностями его жизни, это событіе представляется юбилеемъ русской мысли и просвѣщенія, торжествомъ правды и, такъ сказать, настоящимъ идейнымъ праздникомъ просвѣщенія. Значеніе этого событія для всего русскаго общества, смѣемъ думать, очень велико, такъ какъ въ Ө. М. Достоевскомъ оно находило своего беззавѣтнаго служителя и яркаго выразителя великихъ христіанскихъ идей; онъ до сихъ поръ продолжаетъ оставаться однимъ изъ немногихъ писателей, большая часть произведеній котораго, какъ и въ дни ихъ появленія, трогаютъ наши сердца и едва-ли когда-нибудь могутъ „устарѣть“. Къ

*) Настоящая статья, посвященная памяти Ө. М. Достоевскаго, любезно просмотрѣна, по просьбѣ автора, и дополнена вдовой покойнаго писателя, Анной Григорьевной Достоевской. Не соглашаясь съ нѣкоторыми выводами автора статьи, помѣщаемъ ее въ виду интереса сгруппированнаго въ ней матеріала. Ред.

сожалѣнію у насъ, не имѣется до сихъ поръ порядочной біографіи великаго писателя, и въособенности скудны свѣдѣнія о періодѣ его ссылки и возвращеніи изъ Сибири. Между тѣмъ, теперь, именно, снова оживился интересъ къ произведеніямъ Достоевскаго, такъ какъ на двухъ образцовыхъ столичныхъ сценахъ, словно повинуваясь влеченію стихійной силы и власти, которую называютъ публикой, непрерывно появляются, дѣлая прекрасные сборы, передѣлки выдающихся по своему глубокому драматизму и психологическому интересу его произведеній: „Преступленіе и Наказаніе“, „Братья Карамазовы“ и „Идіотъ“.

Настоящая попытка восполнить пробѣлъ въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Ф. М. Достоевскомъ и, именно, о времени его ссылки и послѣдовавшемъ за нею возвращеніи въ Россію, является, по нашему мнѣнію, не безинтересною для читателей. Эта ссылка сыграла роль могучаго фактора въ дѣлѣ общенія Достоевскаго съ публикой и во всей его писательской дѣятельности, на которую оказало громадное вліяніе практическое ознакомленіе съ самыми темными сторонами и отрицательными явленіями многострадальной, скрытой отъ взоровъ другихъ, русской жизни. Вотъ почему она такъ ярко, иногда черезъ край, жизнь—какъ она есть, со всѣми незримыми страданіями, невыраженными еще до сихъ поръ у другихъ писателей муками, облитая слезами и желчью, — выступаетъ въ большинствѣ его произведеній, удивившихъ весь міръ своей силой и страстью. Съ этого періода—возвращенія изъ ссылки—начинается собственно быстрый и полный расцвѣтъ литературной и публицистической дѣятельности Достоевскаго.

Кромѣ „Бѣдныхъ людей“, до ссылки въ каторгу, Достоевскимъ былъ написанъ „Двойникъ“, произведеніе, по общимъ отзывамъ тогдашней критики, неудачное и, по своей туманности и расплывчатому сюжету, не пользующееся и въ настоящее время успѣхомъ. Почти тоже можно сказать о третьемъ его произведеніи, повѣсти „Хозяйка“, явившейся результатомъ начинавшаго порою овладѣвать имъ, раньше незнакомаго Ф. М. мистицизма, и полного уединенія, въ которое писатель погрузился передъ появленіемъ въ свѣтъ этой повѣсти, подобно ея герою. Повѣсть была встрѣчена невыносимыми для авторскаго самолюбія тогдашнюю Достоевскаго злыми нападками со стороны лучшихъ представителей критики, находившихъ, что талантъ въ Достоевскомъ падалъ и угасалъ. Добролюбовъ въ своей статьѣ: „Забитые люди“, отмѣчая также упадокъ таланта Достоевскаго, налегалъ на общественную приниженность главныхъ его героевъ со всѣми ея послѣдствіями и жестоко критиковалъ за это писателя.—И въ это время была задумана уже и набросана замѣчательная новая повѣсть его „Нечочка Незванова“, въ послѣдствіи болѣе тщательно имъ отдѣланная, но неоконченная. Не успѣвъ вернуться Достоевскій изъ ссылки, и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ развертывается во всей широтѣ его литературная и журнальная дѣятельность. Первые наброски его «Мертваго дома» *) относятся еще ко времени выхода его изъ острога.

*) Первые 3 или 4 главы появились въ «Русскомъ Мірѣ» (Редакція Героглифова).

и жизни въ Семипалатинскѣ. Это одно изъ самыхъ совершенныхъ и сильныхъ его произведеній, доказавшее, что каторга не убила въ немъ выдающагося изъ ряда таланта и открыла громадную сферу для его наблюденій; появилось оно, по возвращеніи изъ ссылки, въ предпринятомъ имъ изданіи, ежемѣсячномъ журналѣ «Время», и обратило на себя вниманіе всей прессы и публики.

Интересно, что по тогдашнимъ цензурнымъ соображеніямъ въ «Записки изъ Мертваго дома» не вошло описаніе крѣпостного, убившаго своего барина за то, что онъ обошелся съ его ново-брачною женою на основаніи обычая *jus primae noctis*. Этотъ ссылный, по замѣчанію Ө. М., былъ «однимъ изъ самыхъ смиренныхъ арестантовъ во всемъ острогѣ». Его исторія не разъ передавалась Достоевскимъ въ изустныхъ разсказахъ, и А. П. Милюковъ сообщаетъ о ней въ «Рус. Стар.» еще въ 1881 г.

Многими покажется страннымъ и даже рискованнымъ вспоминать 50-лѣтніе ссылки писателя, какъ нѣчто знаменательное и какъ будто даже отрадное, а, между тѣмъ, это событіе при всемъ своемъ драматизмѣ не только не внесло въ жизнь писателя того удручающаго по своей неприглядности и результатамъ элемента, какимъ оно представлялось въ теченіе цѣлаго полувѣка большинству его біографовъ и критиковъ, но, можно смѣло сказать теперь, даже спасло его отъ овладѣвшей имъ мысли о *самоубійствѣ*, отъ опасныхъ увлеченій, которыхъ онъ по прежнему легко могъ стать жертвою при своей неустойчивости и неустановившемся характерѣ; наконецъ, оно заставило его глубоко и серьезно *изучить* Евангеліе, *успросить* въ Бога и вмѣстѣ съ отрѣшеніемъ отъ атеизма и прежнихъ взглядовъ на жизнь *пріобрѣсти настоящій* жизненный опытъ и научиться *любить людей*. Болѣе широкаго взгляда на ссылку Достоевскаго не можетъ быть. И въ отрицательныхъ, иногда возмущающихъ насъ своей несправедливостью, своей поверхностной косностью явленій есть положительныя стороны. Нельзя не замѣтить и того, что если даже отбросить эгоистичные взгляды пользы для общества такихъ фактовъ, какъ ссылка Достоевскаго и жизнь въ изгнаніи на югѣ Пушкина, снабдившая кругозоръ его и новыми наблюденіями, и необычайной силой, и опьяняющимъ ароматомъ въ поэтическомъ творчествѣ,—если смотрѣть на ссылку, какъ на потрясающее событіе въ личной, индивидуальной жизни Достоевскаго, то, во всякомъ случаѣ, это былъ лишь толчекъ и довольно сильный, во время заставившій его вдуматься и спасшій ему *вдвойнѣ* жизнь. Если раньше Достоевскій замышлялъ о самоубійствѣ, какъ видно изъ писемъ, то теперь будетъ кстати вспомнить и объ *эшафотѣ*...

Ссылка въ Сибирь была для Достоевскаго замѣною смертной казни, которой онъ избѣгъ, находясь, такъ сказать, уже на краю плахи. Замѣна казни ссылкой исполненія всѣхъ обычныхъ формальностей.—чтенія *смертнаго* приговора и цѣлованія креста—это такая рѣдкая, великая радость въ жизни спасеннаго человѣка, выкинутаго уже за бортъ корабля во время бури и погибающаго,—такая радость, передъ которою блѣднѣютъ всѣ ужасы каторги. Легко себѣ представить, *чего* лишилась бы Россія, совершивъ эта ужасная казнь... Но намъ не суждено было

потерять такъ безвременно автора «Записокъ изъ Мертваго дома», «Преступленія и Наказанія», «Дневника Писателя» и «Братьевъ Карамазовыхъ», и Достоевскому волей судьбы было даровано въ самую послѣднюю минуту передъ исполненіемъ приговора еще болѣе тридцати лѣтъ жизни, изъ которыхъ десять не безплодно протекли для него въ далекихъ тундрахъ Сибири.

Рѣдкое смиреніе вынесъ Достоевскій изъ каторги, и онъ проявлялъ его и потомъ на каждомъ шагу всю свою жизнь. Если принято, съ легкой руки Вл. Соловьева, считать предсмертный выстрѣлъ Пушкина въ Дантеса послѣднею вспышкою злой воли и гордости, за которой наступили полное примиреніе съ врагами и христіанское смиреніе его передъ смертію, то моментъ, пережитый Достоевскимъ на эшафотѣ, и послѣдующій за нимъ періодъ ссылки съ проникновеніемъ въ сокровенный смыслъ Евангелія слѣдуетъ считать такимъ же поворотомъ въ его жизни и мировоззрѣніи.

12 іюня 1900 года послѣдовала отмѣна ссылки въ Сибирь, при чемъ вопросъ этотъ былъ внесенъ для разсмотрѣнія въ Государственный Совѣтъ какъ разъ въ 50-лѣтнюю годовщину со дня ареста Достоевскаго передъ ссылкой въ Сибирь. И вотъ совершился важный актъ, единодушно привѣтствуемый людьми всѣхъ направленій и лагерей. Ссылка пока оставлена только въ немногихъ случаяхъ для самыхъ тяжкихъ политическихъ преступниковъ и одновременно поднятъ вопросъ о реформахъ и переустройствѣ тюремнаго быта. Полъ-вѣка назадъ Достоевскій былъ сосланъ въ каторгу, гдѣ испыталъ и пережилъ не мало страданій и, совершенно переродившись, принесъ съ собою какъ бы очистительную жертву для грядущей жизни и дѣятельности; а, между тѣмъ, кажется, что цѣлая вѣчность отдѣляетъ насъ отъ тѣхъ ужасовъ, которые навѣваютъ на читателей леденящія страницы „Мертваго дома“ и подробностей изъ тюремнаго быта каторжниковъ, которыхъ мы знаемъ благодаря этому произведенію и рассказамъ самого Ф. М. Достоевскаго. Нельзя не замѣтить, что, именно, эта книга Достоевскаго способствовала обращенію на судъ вниманія на побудительныя причины преступленій, не принимая въ расчетъ только самаго факта преступленія, и, главное, проложила не только дорогу новой реформѣ отмѣны ссылки въ Сибирь, но въ свое время вызвала и другіе рѣшительные перевороты, положивъ начало скорѣйшаго введенія новаго суда и многихъ гуманнѣхъ мѣропріятій для улучшенія самаго быта арестантовъ въ царствованіе Александра II.

Какъ смотрѣлъ Достоевскій на каторгу и правы-ли мы, думая, что онъ порадовался бы отмѣнѣ ссылки?

Взглядъ на совершенную нецѣлесообразность и непригодность въ Россіи каторги не разъ открыто высказывался Федоромъ Михайловичемъ въ разговорахъ по возвращеніи изъ ссылки и ярко отмѣченъ также и въ его произведеніяхъ.

Этотъ мягкій сострадательный взглядъ подсказывалъ много разъ Достоевскому мысль, что «остроги и система насильныхъ работъ не исправляютъ преступника». Такъ пишетъ онъ въ «Мертвомъ домѣ» и прибавляетъ: «Я твердо увѣренъ, что знаменитая келейная система достигаетъ только обманчивой наружной

цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, и нравственно изсохшую мумію... представляетъ, какъ образецъ исправленія. Конечно, преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его, и почти считаетъ себя правымъ, а не виноватымъ» *). И въ послѣдствіи, въ *«Дневникъ писателя»*, онъ говоритъ: *«никогда никого не исправила каторга»*. И развѣ это не справедливо?

Развѣ этотъ взглядъ и на преступниковъ какъ на *людей*, этихъ истинно несчастныхъ людей—не чисто христіанскій, вынесенный изъ Евангельскихъ словъ о неосужденіи и прощеніи, извѣстныхъ всему христіанскому міру; вмѣстѣ съ тѣмъ это чистый русскій взглядъ, нашедшій свое краснорѣчивое выраженіе въ той простой, милой дѣвочкѣ, которая бѣжала за Достоевскимъ, когда онъ шелъ съ работы въ каторгъ и, подавая копеечку, кричала: *«на, несчастный!»*

А, между тѣмъ, только одинъ Достоевскій въ то время въ своихъ *«Эпохѣ»* и *«Времени»*, гдѣ появлялись его романы (въ шестидесятыхъ годахъ), могъ такъ открыто высказывать свои взгляды и осуждать систему наказаній. Появленіе *«Записокъ изъ мертваго дома»* въ журналѣ *«Время»* привѣтствовалъ и гр. Л. Н. Толстой, который въ своемъ письмѣ къ Н. Н. Страхову при жизни Ө. М. писалъ:

„Я не знаю лучше книги изъ всей новой литературы... не тонъ, а точка зрѣнія удивительная, искренняя, естественная и христіанская“. Эти слова гр. Л. Н. Толстого, относящіяся къ 80-тымъ годамъ, конечно, являются лучшей оцѣнкой произведенія Достоевскаго, которое представляетъ собою прямой результатъ пережитаго и продуманаго въ тяжеломъ одиночествѣ каторги.

Не установилось еще вполне правильнаго и справедливаго во взглядахъ на причины и поводъ ссылки Достоевскаго, благодаря нѣкоторой скудности свѣдѣній, относящихся къ этой эпохѣ. Между тѣмъ, теперь, имѣя въ своемъ распоряженіи новыя свѣдѣнія и документы, добытые два года назадъ. Ан. Гр. Достоевской совмѣстно съ г-жей Ниной Гофманъ, нѣмецкимъ біографомъ Достоевскаго, пріѣзжавшей съ этой цѣлью нарочно въ Россію, можно вполне утвердительно признать нѣкоторую виновность Достоевскаго въ переходѣ извѣстной дозволенной черты и границы, что повлекло за собою роковыя послѣдствія въ страшное и тяжелое повсюду, не только у насъ въ Россіи, время, когда приходилось быть особенно осторожнымъ. Юный, увлекающійся, проникнутый социализмомъ, свободомысліемъ и неустановившійся еще въ ту пору Ө. М. Достоевскій не сумѣлъ во время остановиться. Тогда, во имя „общечеловѣческой справедливости“, устраивались молодежью кружки и ассоціаціи,—какъ было не примкнуть къ нимъ такому гуманисту и либералу, какъ юный Достоевскій? И онъ понесъ, по собственному сознанію, заслуженную кару: за пре-

*) Писатель высказывался не только противъ каторги, но, какъ видятъ читатели, и, вообще, противъ современныхъ мѣропріятій по отношенію къ преступникамъ, противъ всей системы.... Отмѣна ссылки, имѣющая громадное значеніе по отношенію къ цѣлому обширному краю, *въ сущности*, конечно, нисколько не мѣняетъ положенія преступниковъ, а потому особенныхъ мотивовъ радоваться въ данномъ случаѣ не имѣется.... Ред.

ступленіемъ слѣдуетъ наказаніе... но не всякаго оно примиряетъ такъ, какъ Достоевскаго, съ жизнью.

Интересны въ этомъ отношеніи и собственные взгляды Ѳ. М. Достоевскаго на справедливость его наказанія. *По вловамъ близкихъ лицъ*, вспоминая не разъ въ разговорахъ объ Императорѣ Николаѣ I, онъ никогда не питалъ къ нему чувства злобы и постоянно всѣмъ говорилъ, что въ ту пору съ нимъ слѣдовало такъ поступить, и что онъ понесъ вполне заслуженную по тѣмъ временамъ кару.

Однажды, по возвращеніи Ѳ. М. изъ Сибири, на одномъ вечерѣ, кто-то изъ его старыхъ пріятелей обратился къ нему съ замѣчаніемъ: «Какое, однако, несправедливое дѣло была эта ваша ссылка». «Нѣтъ,—коротко, какъ всегда, обрѣзаль Достоевскій, нѣтъ, *справедливое*. Насъ-бы осудилъ русскій народъ. Это я почувствовалъ тамъ только, въ каторгѣ». Какъ относился впоследствии Достоевскій къ суровому наказанію, которому онъ подвергся, можно судить и по слѣдующему эпизоду. У И. С. Аксакова сидѣлъ какъ-то Достоевскій и велъ разговоръ объ Императорѣ Николаѣ I, о которомъ отзывался съ величайшимъ уваженіемъ. Въ это время вошелъ извѣстный англійскій путешественникъ Мекензи Уоллесъ, котораго Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ тутъ-же познакомилъ съ Достоевскимъ, продолжавшимъ свою характеристику покойнаго Императора. «Вы говорите, что это Достоевскій?» спросилъ Аксакова англичанинъ. Когда ушелъ Федоръ Михайловичъ.—«Да».—«Авторъ Мертваго Дома?»—«Именно, онъ».—«Не можетъ быть. Вѣдь онъ былъ сосланъ въ каторгу».—«Былъ, ну, что-же?» «Да какъ же онъ могъ хвалить челоуѣка, сославшаго его на каторгу?»—«Вамъ, иностранцамъ, это трудно понять, отвѣчалъ И. С. Аксаковъ, а намъ это понятно, какъ черта вполне національная».

Замѣчательно и то, что Достоевскій всегда отказывался читать «Записки изъ Мертваго Дома» публично, чтобы публика не подумала, что онъ жалуется. Отсюда выросло понятіе о его запуганности, которой, какъ мы уже видѣли—вовсе не было, разъ онъ рѣшался критиковать дѣйствія суда и правительства *), протестуя открыто противъ ссылки и каторги.

Въ сочельникъ 1849 г. Достоевскій приговоренъ и сосланъ былъ въ каторгу на четыре года. Невеселый для него былъ этотъ сочельникъ. Арестованный въ ночь на 23 апрѣля 1849 г. онъ провелъ еще до дня отправленія въ ссылку 8 долгихъ мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости. Опубликованная *въ 1898 году* **) «Оправдательная записка» Ѳ. М. Достоевскаго по дѣлу Петрашевскаго, найденная въ архивахъ бывшаго „Третьяго отдѣленія“, проли-

*) Достоевскій своей горячей психологической и гуманной статьей, въ которой громко возставалъ противъ обвинительнаго приговора по дѣлу Корниловой, выбросившей въ окно ребенка, непотерпѣвшаго при этомъ, произвелъ такое сильное впечатлѣніе на умы и настроеніе общества, что добился пересмотра дѣла и оправданія подсудимой другими словами, возвращенія ея къ мужу и вовсе не ненавидимому ею ребенку.

**) Въ „Космополитѣ“ 1898 г., „Neue Freie Presse“ и оттуда въ „Бирж. Вѣд.“

васть новый свѣтъ на дѣло Петрашевскаго. „Ни по характеру, ни по многимъ взглядамъ не сходилъ я съ Петрашевскимъ писать въ ней Достоевскій. Поэтому я поддерживалъ сношенія съ нимъ только въ той степени, въ какой этого требовала вѣжливость, т. е. я посѣщалъ его приблизительно разъ въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже“. Тѣмъ не менѣе, установленъ тотъ фактъ, что въ одно изъ своихъ посѣщеній Достоевскій принесть и прочелъ громко въ большомъ собраніи гостей у Петрашевскаго рукописное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю съ рѣзкимъ осужденіемъ въ немъ тогдашней дѣйствительности.

Достоевскій никогда не мечталъ о революціи, какъ на него донесли, быть можетъ, изъ за одной необдуманной, неосторожно вырвавшейся фразы. Дебу рассказываетъ о Достоевскомъ между прочимъ слѣдующее: „Какъ теперь вижу я передъ собою Федора Михайловича на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго, вижу и слышу его рассказывающимъ о томъ, какъ былъ прогнанъ сквозъ строй фельдфебель финляндскаго полка, или-же о томъ, какъ поступаютъ помѣщики со своими крѣпостными. Не менѣе живо помню его, рассказывающаго намъ свою „Неточку Незванову“ гораздо полнѣе, чѣмъ она была напечатана. Помню, съ какимъ живымъ человѣческимъ чувствомъ отнесился онъ и тогда къ общественному продукту, олицетвореніемъ котораго явилась у него въ послѣдствіи „Сонечка Мармеладова“...

Болѣе яркія и опредѣленные указанія на слишкомъ возбужденное въ то время состояніе Достоевскаго даетъ намъ еще Милуковъ.

Въ своихъ запискахъ онъ рассказываетъ: „Я помню, какъ съ обычной своей энергіей до ссылки Достоевскій читалъ стихотвореніе Пушкина—„Уединеніе“. (Это происходило въ собраніяхъ кружка), Какъ теперь слышу восторженный голосъ, съ какимъ онъ произнесъ заключительный куплетъ:

Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?

«Только разъ Достоевскій вспылилъ и увлекся. Когда однажды споръ перешелъ на вопросъ: «ну, а если бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе какъ черезъ возстаніе?» Достоевскій воскликнулъ;—«такъ хотя бы черезъ возстаніе!» «Дуровцы», какъ вспоминаетъ Милуковъ, «въ своихъ бесѣдахъ не мало сѣтовали на строгость цензуры. Но особенно ихъ занимали политическіе вопросы и прежде всего вопросъ объ освобожденіи крестьянъ». Конечно, чуть ли не самымъ отзывчивымъ на такіе вопросы въ ихъ кружкѣ являлся юный другъ и защитникъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» Ө. М. Достоевскій.

Проникнутый высокими и гуманными идеями, отзывчивый только на все доброе, какъ человѣкъ глубоко вѣрующій въ сознаніе русской самобытной національности, Достоевскій не могъ и мыслить о какомъ-нибудь политическомъ переворотѣ; но слишкомъ чуткій, слишкомъ отзывчивый, онъ не сумѣлъ таить въ себѣ сочувствія къ рѣзкимъ сужденіямъ Бѣлинскаго.

«Оправдательная записка» его дышетъ мыслями и чувствами человѣка, истинно любящаго свою родину, человѣка искренняго и благороднаго. «Кто видѣлъ мою душу? У кого мѣрило вѣроломства, дурного вліянія и подстрекательства, въ которыхъ меня обвиняютъ?—пишетъ въ ней Ѳ. М. Достоевскій. «Я три раза говорилъ; два раза о литературѣ и одинъ разъ о предметѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ политикою—о личности и человѣческомъ эгоизмѣ. Ничего политическаго и либеральнаго не было въ моихъ словахъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ еще слѣдующія знаменательныя и откровенныя по тому времени строки: «Да, если желать лучшаго — есть либерализмъ и свободомысліе, то я, можетъ быть, въ этомъ смыслѣ свободно мыслящій, какъ всякій человѣкъ, который въ глубинѣ сердца чувствуетъ свое право быть гражданиномъ, такъ какъ онъ въ своемъ сердцѣ носитъ какъ *любовь къ отечеству*, такъ и сознаніе того, что онъ никогда и ничѣмъ не будетъ ему вреденъ». Въ этихъ словахъ, звучащихъ независимо и искренно, выразилась, именно, теплая любовь къ родинѣ Достоевскаго, все его credo. «Въ самой невинной, чистой фразѣ ищутъ преступной мысли... Преувеличенное молчаніе и чрезмѣрная боязнь бросаютъ на нашу повседневную жизнь темный колоритъ... Я говорилъ о цензурѣ и ея чрезмѣрной строгости въ наше время», сознается въ концѣ своей исповѣди Достоевскій, «но я подвергся строгому цензурному запрещенію только потому, что картина, набросанная мною—была нарисована слишкомъ мрачными красками. Я очутился лицомъ къ лицу съ неизбежною цѣлѣю три мѣсяца оставаться безъ хлѣба, и еще хуже этого, такъ какъ работа давала средства къ существованію». Онъ справедливо жалуется дальше на то, что безъ литературы общество не можетъ существовать, что цѣлыя отрасли искусства должны этимъ путемъ исчезнуть, доказываетъ, что хотя онъ сочувствовалъ, какъ неизбежному историческому кризису, революціи во Франціи, «ведущему ее къ лучшему будущему», но отстаиваетъ самобытность нашей страны, «несложившейся подобно Западу», и видитъ спасеніе ея въ силѣ власти, силѣ самодержавія. Этимъ истощается содержаніе драгоцѣннаго и знаменательнаго, для оцѣнки личности Достоевскаго и мотивовъ, послужившихъ къ ссылкѣ его, документа. Въ немъ звучитъ голосъ человѣка гуманнаго, вѣрующаго въ Бога и свое отечество, чуждаго европеизма на русской почвѣ, съ горячей любовью къ роднымъ основамъ и литературѣ, но можетъ быть слишкомъ чуткаго для того тревожнаго времени, слишкомъ честнаго и правдиваго публициста, который не могъ покоиться въ сладкомъ самоусыпленіи во время всеобщей литературной спячки и отозвался не во время со всей полнотой и энтузіазмомъ юной, свѣжей, чистой, нетронутой души.

Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что происходило вокругъ него (стѣсненіямъ цензуры и пр.), онъ раздѣлялъ всѣ скорби и радости литературной семьи послѣ появленія своихъ «Бѣдныхъ Людей» и къ нему въ ту эпоху вполне примѣнимы слова поэта:

„Писатель, если только онъ—
Волна, а океанъ—Россія.

Не можетъ быть не возмущень,
Когда возмущена стихія!
Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода!"

Страшный 1848 годъ для Россіи былъ особенно тяжелымъ и памятнымъ. Неурядицы Россіи были слишкомъ очевидны, безчеловѣчное отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ и эгоистичная жизнь на счетъ труда ихъ распространились въ обществѣ. Литература въ началѣ 1848 года подпала подъ тяжелый гнетъ небывало строгой цензуры. Кромѣ общихъ цензурныхъ комитетовъ, еще каждое министерство начало подвергать цензурѣ статьи, касавшіяся его вѣдомства. Эти мрачныя дни отмѣчены временемъ полной пріостановки умственного движенія въ Россіи. Только что прогремѣвшая революція 1848 г. въ Парижѣ подняла за собою народныя массы въ большей части европейскихъ столицъ—въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ и др. городахъ и заставила наше правительство принять всѣ мѣры строгости въ это тревожное, полное политическихъ смуть и волненій въ Европѣ время, хотя у насъ не замѣчалось ни особеннаго недовольства порядкомъ вещей, ни политическихъ страстей.

Замѣчательную характеристику этого безпочвеннаго глухого времени даетъ намъ Тургеневъ въ слѣдующихъ словахъ: „На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча. Генераль, и даже не начальникъ, а такъ просто генераль, оборвалъ или, что еще хуже, поощрилъ тебя... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ; взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ, какъ скала, казармы на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ (послѣ 1848 г.) сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча повисла и постоянно виситъ надъ всѣмъ такъ называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ—хоть рукой махни!». Не безъ основанія также и Герценъ находилъ въ эту далекую отъ насъ эпоху «Мертвыхъ душъ» въ самомъ заглавіи Гоголевской эпопеи «глубокій и грустный смыслъ». Единственнымъ спасеніемъ для всякой живой русской души была область тѣснаго кружковаго существованія и самозабвеніе въ великихъ абстракціяхъ философін, скрывавшихъ неприглядную дѣйствительность современной жизни и открывавшихъ широкія перспективы на будущее. Тургеневъ въ своемъ «Рудинѣ» превосходно охарактеризовалъ эту эпоху необычайнаго подъема мірового идеализма и крайней некультурности нравовъ, когда русскіе люди стремились постичь философскія идеи и всѣ тайны вселенной, чтобы отдохнуть душой отъ печальной домашней дѣйствительности.

Въ числѣ 34 арестованныхъ, Федоръ Михайловичъ Достоевскій былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣліаніе.

Въ Петропавловской крѣпости Достоевскій, сидя въ заключеніи, написалъ свою повѣсть «Маленькій герой». Меньше, чѣмъ всѣ произведенія Достоевскаго, эти невинныя воспоминанія дѣтства съ неподходящей для 11-лѣтняго ребенка средой, въ которой онъ испытываетъ чувства первой любви къ играющей имъ женщиной—напоминаютъ произведеніе, написанное «заговорщикомъ», какъ его называли, и политическимъ каторжникомъ! Въ крѣпости Достоевскій читалъ библію при свѣчахъ, гулялъ въ крѣпостномъ саду, «въ которомъ 17 деревьевъ», писалъ и прочелъ присланную братомъ (какъ видно изъ переписки ихъ) *по-слабѣнною* для него книжку «Отечественныхъ Записокъ». «Это для меня счастье», писалъ онъ, довольный всѣмъ этимъ, и предвкушая быть можетъ близость полной неволи и стѣсненія свободы. Какое то предчувствіе, какъ рассказывалъ онъ впоследствии, преслѣдовало его въ эту пору.

Послѣ 8 мѣсяцевъ заключенія въ крѣпости и окончанія «*Маленькаго героя*», въ одинъ изъ пасмурныхъ декабрьскихъ дней 1849 г. Достоевскій, вмѣстѣ съ поэтомъ Дуровымъ, Петрашевскимъ и др. товарищами злополучной исторіи, стоялъ на мѣстѣ казни. Достоевскій рассказывалъ, что, увидя всю обстановку казни, онъ не сомнѣвался, что доживаетъ послѣднія минуты жизни, но когда во время чтенія длиннаго смертнаго приговора, вдругъ, выглянуло солнышко на сѣромъ небѣ, онъ невольно сказалъ одному изъ своихъ товарищей: «Не можетъ быть, чтобъ насъ казнили».

Однако, всѣ обычныя формальности слѣдовали, какъ будто предшествуя совершенію казни, одна за другой. Осужденнымъ предложено было приложиться къ кресту. Блеснувшій лучъ солнца не обманулъ Достоевскаго: видно, Россіи суждено было не лишиться своего безсмертнаго писателя.

Приговоръ суда былъ смягченъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и смертная казнь отмѣнена для всѣхъ; но вѣсть объ этомъ пришла только, когда уже приговоръ былъ прочтенъ осужденнымъ, когда имъ предложено было исповѣдываться, и всѣ командныя слова разстрѣліянія, кромѣ послѣдняго, были произнесены. Каково было пережить молодому, неустановившемуся организму Ѳ. М. Достоевскаго эти страшныя минуты, минуты ожиданія смерти на эшафотѣ,—легко судить по тому, что одинъ изъ осужденныхъ, Григорьевъ, когда его отвязали отъ столба, оказался помѣшавшимся.

По слышанному нами разсказу, Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій вспоминалъ съ особеннымъ ужасомъ о тѣхъ страшныхъ минутахъ, которыя онъ пережилъ еще въ Петербургѣ до отбѣзда въ далекую ссылку. 24 декабря 1849 г. какъ разъ въ сочельникъ, который онъ всегда привыкъ проводить въ семьѣ брата, онъ, вмѣстѣ съ другими ссыльными арестантами, въ новой одеждѣ проѣзжалъ изъ Петропавловской крѣпости мимо ярко освѣщенныхъ, залитыхъ свѣтомъ оконъ квартиры своего брата, Михаила Михайловича.

Проѣзжая такъ близко мимо этого, хорошо знакомаго ему дома и выглянувъ въ дверцы кареты, привлеченный свѣтомъ въ окнахъ, онъ увидѣлъ елку и мелькавшія въ окнахъ тѣни гостей и знакомыя ему фигурки любимыхъ имъ дѣтей брата,

безпечно веселившихся вокругъ елки въ тотъ самый мигъ, когда онъ мчался въ далекій путь, гдѣ его ждала суровая неизвѣстность.

«Одна неотвязная мысль преслѣдовала меня тогда,—говорилъ онъ,—для дѣтей брата зажигаютъ елку, а меня нѣтъ съ ними, и не знаю, вернусь-ли когда нибудь, и мнѣ стало страшно тяжело на душѣ».

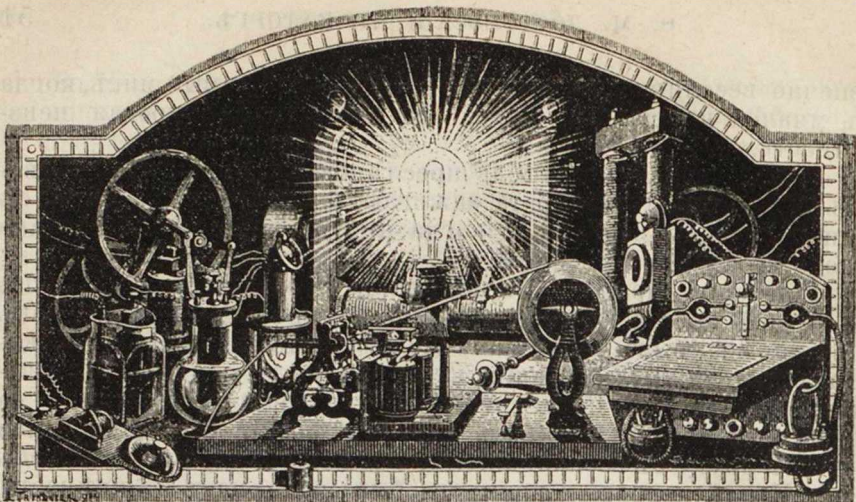
Еще одно мрачное воспоминаніе сохранилось въ душѣ его—о днѣ ареста въ Юрьевъ день, 23 апрѣля 1849 года. Какъ извѣстно, онъ былъ арестованъ ночью. Потомъ писатель рассказывалъ, что въ III отдѣленіи, куда онъ былъ привезенъ въ закрытой каретѣ, онъ повстрѣчался въ глубокой ночной часъ со многими знакомыми, не безъ горькой ироніи обращавшимися другъ къ другу съ восклицаніемъ: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» Послѣ перваго допроса онъ былъ заключенъ въ крѣпость, а младшій братъ его, Андрей Михайловичъ, а затѣмъ и старшій братъ, арестованные по ошибкѣ, были выпущены на свободу.

За то вмѣстѣ съ нимъ здѣсь остались другіе посѣтители Буташиевича-Петрашевскаго, заподозрѣнные, какъ и онъ, въ политическомъ заговорѣ. Все это были лица наиболѣе горячія, невоздержныя и особенно сочувствовавшія въ ту пору стѣсненій наиболѣе приниженнымъ и угнетеннымъ, а такихъ были тогда цѣлыя массы. Не мало страданій выпало затѣмъ на ихъ долю, и одинъ Достоевскій, можетъ быть, нравственно уцѣлѣлъ въ этой общей сумятицѣ.

Въ ночь передъ Рождествомъ Достоевскій видѣлся со своимъ любимымъ братомъ Михайломъ, въ слезахъ вышедшимъ къ нему навстрѣчу и умолявшимъ конвойныхъ устроить это свиданіе, продолжавшееся не болѣе полъ-минуты. Послѣднія слова, произнесенныя при окончательномъ прощаніи Θ. М. Достоевскимъ, носили бодрый характеръ и вмѣстѣ отпечатокъ кротости и свойственнаго ему уже въ этотъ моментъ истиннаго христіанскаго смиренія, которое не покидало его вполнѣдствіи всю жизнь. «И въ каторгѣ не звѣри, а люди,—можетъ еще и лучше меня, можетъ достойнѣе меня», смиренно говорилъ Достоевскій.

Окончаніе слѣдуетъ.

В. А. Тюринг.

Вещества „дѣйствующія однимъ своимъ присутствіемъ“.

Если мы имѣемъ смѣсь водорода и кислорода въ пропорціи: одинъ объемъ кислорода на два объема водорода, помѣщенную въ закрытомъ сосудѣ при „обыкновенной“ (комнатной) температурѣ, то такая смѣсь можетъ оставаться года и года *повидимому* безъ измѣненій. На основаніи многихъ соображеній *надо думать*, что наши водородъ и кислородъ, понемножку, *очень медленно* все же соединяются между собой, образуя воду. Такъ, мы знаемъ, что при высокихъ температурахъ соединеніе обоихъ газовъ происходитъ, и при томъ, тѣмъ быстрее, чѣмъ температура выше. Наблюдая быстроту „химической реакціи“, о которой рѣчь, при различныхъ температурахъ, и выражая зависимость этой быстроты отъ температуры математическими формулами, мы придемъ къ убѣжденію, что и при комнатной температурѣ наша „химическая реакція“ не вовсе останавливается, а лишь замедляется, но замедляется настолько сильно, что мы и *не можемъ* ее замѣтить.

Но внесемъ въ нашъ сосудъ немного платины въ томъ рыхломъ видѣ, въ которомъ она извѣстна подъ именемъ губчатой платины—и что же? Та самая „химическая реакція“—соединеніе водорода съ кислородомъ въ воду, которая шла такъ медленно, что мы могли лишь догадываться о ней, но не имѣли возможности ее обнаружить,—эта самая реакція пойдетъ у насъ *очень быстро*, и можетъ даже произойти *взрывъ*. При этомъ интересно отмѣтить, что та платина, которая оказала столь яркое дѣйствіе, *осталась такою же, какою была, не потерпѣла никакихъ измѣненій*, не соединилась съ образовавшеюся водой и вообще *подѣйствовала какъ бы однимъ своимъ присутствіемъ*.

Точно также мы знаемъ, что подъ дѣйствіемъ сѣрной кислоты винный спиртъ превращается въ смѣсь воды съ *эфиромъ*, причемъ, однако, сѣрная кислота не претерпѣваетъ *повидимому* никакихъ измѣненій; если она вступаетъ въ тѣ или другія со-

единенія, то потомъ снова выступаетъ изъ нихъ и въ результатъ, въ итогъ, остается, повторяю, такую же какую была, и мы можемъ и даже должны сказать, что она какъ бы *поддѣйствовала* однимъ своимъ присутствіемъ.

Также, когда мы варимъ съ какою нибудь разведенной кислотой крахмалъ, то онъ быстро превращается въ сахаръ и гумми (декстринь), безъ того чтобы кислота претерпѣла какія-либо измѣненія. (Интересно при этомъ отмѣтить, что и безъ кислоты крахмалъ, если его варить съ водою, превращается въ сахаръ же и декстринь, но *очень медленно*.)

Подобныя вещества, дѣйствующія какъ бы своимъ однимъ присутствіемъ, называются „*атализаторами*“, а самое дѣйствіе присутствіемъ—„*катализомъ*“.

Такъ какъ катализъ играетъ очень важную роль и въ техникѣ и въ біологіи, то я скажу здѣсь нѣсколько словъ о немъ пользуясь главнымъ образомъ — хотя не исключительно — недавней лекціей знаменитаго нѣмецкаго, или правильнѣе, всемірнаго ученаго профессора Оствальда.

Одинъ изъ очень интересныхъ и красивыхъ случаевъ катализа—это кристаллизація изъ „пересыщенныхъ“ растворовъ. Внесемъ, напр., въ воду глауберову соль въ избытокъ, такъ чтобы ея растворилось сколько можно, и остался бы еще нѣкоторый нерастворившійся излишекъ. Сольемъ съ этого излишка нашъ *насыщенный* растворъ въ другой сосудъ и будемъ его тамъ осторожно выпаривать. Благодаря этому выпариванію нашъ растворъ—повторяю, уже насыщенный!—будетъ становиться все крѣпче и, тѣмъ не менѣе, изъ него (пока его крѣпость не станетъ уже очень велика) не будетъ осаждаться глауберова соль. Но вбросимъ въ этотъ пересыщенный растворъ маленькій кристалликъ этой соли, и тотчасъ же начнется выдѣленіе на него новыхъ и новыхъ кристалловъ до тѣхъ поръ, пока нашъ *пересыщенный* растворъ не станетъ вновь только насыщеннымъ. Замѣчательно, что *ничтожное количество* глауберовой соли можетъ, такъ сказать, разрушать пересыщенность огромнаго, даже безграничнаго, количества раствора. Ничтожное, но все же не безпредѣльно малое. Однако-жъ, по опытамъ Оствальда, чтобы вызвать эффектъ, о которомъ рѣчь, *требуется*, во всякомъ случаѣ, не меньше одной миллиардной доли миллиграмма (т. е. одной билліонной доли грамма) глауберовой соли; и во всякомъ случаѣ *достаточно* одной десяти-милліонной доли миллиграмма.

Можно бы, пожалуй, возразить, что явленіе, о которомъ рѣчь, не совсѣмъ правильно называть каталитическимъ, такъ какъ вѣдь кристаллъ глауберовой соли, разрушающій — или если угодно *разрушающій*, спускающій—пересыщенное состояніе раствора, не остается въполнѣ неизмѣннымъ; на него, вѣдь, осѣдаютъ новые кристаллики... Но уже не говоря о томъ, что такое замѣчаніе быть можетъ страдало бы нѣкоторымъ педантизмомъ, мы можемъ совершенно устранить его, если по окончаніи процесса отыщемъ нашъ первоначальный кристалликъ и срѣжемъ все что на него наросло. При такой постановкѣ опыта мы бы ужъ навѣрное имѣли нѣкоторую „реакцію“, вызванную даннымъ кристалликомъ, который однако-жъ и послѣ конца реакціи оказался совершенно такимъ же, какимъ былъ до начала ея. Что

отличать первый кристалликъ было бы затруднительно -- это, разумѣется не мѣняетъ сущности дѣла.

Точно также можно охладить воду много ниже 0 безъ того, чтобъ она замерзла, но если въ такую переохлажденную воду бросить кусочекъ льда, то замерзаніе начнется.

Интересно отмѣтить, что можно приготовить смѣсь двухъ расплавленныхъ и переохлажденныхъ веществъ, напр. уксуснокислаго натрія и сѣрноватистокислаго натрія, и въ такой смѣси кристалликъ уксуснокислаго натрія вызываетъ застываніе уксуснокислаго натрія же, оставаясь безъ вліянія на сѣрноватистокислый натрій и наоборотъ.

Оствальдъ отмѣчаетъ, что быть можетъ наша кровь представляетъ пересыщенный растворъ многихъ веществъ и что въ различныхъ органахъ имѣются различные катализаторы, вызывающіе осажденіе одинъ одного, другой другого изъ этихъ веществъ, и что, именно, благодаря этому, разные органы берутъ изъ той же крови каждый то вещество, которое ему нужно... Но, конечно, какъ оговаривается и самъ Оствальдъ, эта идея нуждается еще въ тщательной провѣркѣ.

Каталитическія явленія, подобныя тѣмъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, играютъ важную роль и въ фотографіи. Подъ дѣйствіемъ свѣта на фотографическія пластинки, въ слѣдъ, нанесенномъ на стекло, происходятъ различныя химическія реакціи, но въ которыхъ участвуютъ лишь ничтожныя количества различныхъ веществъ. Однако потомъ при проявленіи пластинокъ эти ничтожныя количества вызываютъ своимъ присутствіемъ вокругъ себя другія реакціи, уже гораздо болѣе крупныя, и продукты этихъ реакцій и даютъ уже фотографическое изображеніе.

Огромное значеніе имѣетъ для техники катализъ въ примѣненіи къ фабрикаціи сѣрной кислоты. Вообще она получается изъ газа, называемаго „сѣрнистымъ газомъ“, который можно получить, напр., просто сжигая сѣру. Сѣрнистый газъ въ свою очередь соединяется съ кислородомъ воздуха, „сгораетъ“, если угодно, и уже это соединеніе сѣры съ кислородомъ, соединяясь затѣмъ еще съ водою, и даетъ „сѣрную кислоту“, столь важную для химической промышленности. Однако, „горѣніе“ сѣрнистаго газа происходитъ такъ медленно, что для техники, для которой „время—деньги“, оно можно сказать бесполезно — если его не ускорить; а это, именно, можно сдѣлать при помощи того же катализатора, о которомъ я упоминалъ раньше—платины. Подъ дѣйствіемъ этого катализатора воздухъ — или правильнѣе кислородъ воздуха—очень быстро окисляетъ сѣрнистый газъ. „Платиновый“ способъ фабрикаціи сѣрной кислоты—сравнительная новостъ; и раньше, для того чтобъ ускорить окисленіе сѣрнистаго газа кислородомъ воздуха, техники прибѣгали къ катализу, но катализаторомъ брали „окись азота“.

Огромное значеніе и для обыденной жизни, и для біологіи, и для техники имѣютъ случаи катализа, въ которыхъ катализаторами служатъ различныя закваски и бродила. Такъ, въ хлѣбопеченіи большую роль играютъ закваски — тѣ закваски, небольшого количества которыхъ достаточно на „три мѣры муки“ чтобы „вскисло все“ *).

*) См. Евангеліе отъ Маттея, Глава 13.

Я упомяну еще объ образованіи *сахара изъ крахмала* подѣйствіемъ *солода* (чѣмъ пользуются въ пивовареніи) и также подѣйствіемъ различныхъ бродиль, вырабатываемыхъ въ нашемъ организмѣ—благодаря чему мы и усваиваемъ мучнистыя и крахмалистыя пищевыя вещества.

Но этимъ вѣроятно далеко не исчерпывается важность каталитическихъ явленій для нашей жизни. Дѣло въ томъ, что всякаго человѣка и всякое животное можно уподобить до извѣстной степени, напр., керосиновому двигателю. И въ нашемъ организмѣ все время „*горитъ*“, окисляется кислородомъ вдыхаемаго нами воздуха *топливо*, но только не керосинъ, а различные вещества, которые мы ввели въ себя—за завтракомъ или обѣдомъ. И подобно тому, какъ въ керосиновомъ двигателѣ, и въ нашемъ организмѣ благодаря сгоранію топлива получается частію энергія, идущая на производство различныхъ работъ (напр., на подниманіе тяжелыхъ грузовъ), частію тепло, излучаемое въ окружающій воздухъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что различные жиры и т. п. „*топливо*“, которымъ мы отапливаемъ себя, медленно окислялось бы кислородомъ воздуха, т. е. сгорало-бы, даже находясь внѣ нашего организма. Однако, если не давать этому топливу очень нагрѣваться и не позволять ему значительно переступать сравнительно умѣренную температуру (37° Ц.), называемую температурой крови, то это *медленное горѣніе*, которое, несомнѣнно, имѣло бы мѣсто, было-бы „медленнымъ“ до такой степени, что потребовались-бы—рискованно сказать десятилѣтія или столѣтія, но, во всякомъ случаѣ, *очень долгое, долгое время* для того, чтобы „сгорѣло“ то количество топлива, которое въ нашемъ организмѣ сгораетъ въ одинъ день! Остальдѣ думать, что столь ускоренное сгораніе топлива въ нашемъ организмѣ, имѣющемъ столь низкую (по сравненію, напр. съ топками нашихъ паровыхъ машинъ) температуру, обусловлено, именно, дѣйствіемъ катализаторовъ, ускоряющихъ окисленіе различныхъ „горючихъ веществъ“ въ нашемъ организмѣ—подобно тому, какъ губчатая платина ускоряетъ сгораніе сѣрнистаго газа или водорода.

Но какимъ, именно, образомъ дѣйствуютъ катализаторы? Допустить, что они, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствуютъ просто своимъ присутствіемъ, мы не можемъ; такой мистицизмъ противорѣчилъ бы всему направленію и духу науки. Во всякомъ случаѣ, надо думать, что причины катализа вообще различны въ различныхъ случаяхъ. Каталитическое дѣйствіе платины на окисленіе водорода и сѣрнистаго газа кислородомъ, вѣроятно, обусловлено тѣмъ, что она впитываетъ въ себя всѣ эти газы и какъ бы растворяетъ ихъ и что въ такомъ состояніи газы, о которыхъ рѣчь, реагируютъ между собой быстрѣе. Очень вѣроятно, что въ каждый данный моментъ въ платинѣ растворено лишь *немного* газовъ, но когда *эти* порціи соединились между собой, то тогда платина растворяетъ новыя порціи, которыя опять соединяются между собой, и т. д.

Но, конечно, надо еще изслѣдовать, почему, именно, растворенные въ платинѣ газы реагируютъ на столько быстрѣе?

Дѣйствіе окисловъ азота при прежнемъ способѣ фабрикаціи

сѣрной кислоты очень можетъ быть обусловлено тѣмъ, что эти окислы азота еще окисляются кислородомъ воздуха, и что сѣрнистый газъ, дѣйствуя на эти получившіеся *высшіе* окислы азота, отнимаетъ отъ нихъ кислородъ; послѣ этого весь процессъ идетъ снова „*dal capo ad fine*“, какъ говорятъ музыканты. Но чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что это объясненіе которое находишь почти во всѣхъ учебникахъ химіи — правильно, надо бы еще, какъ указываетъ Оствальдъ, отдѣльно удостовѣриться въ томъ, что реакціи, о которыхъ рѣчь, и *конечнымъ* результатомъ которыхъ является окисленіе сѣрнистаго газа кислородомъ воздуха, протекаютъ очень быстро.

Ученымъ XX-го вѣка придется еще во всякомъ случаѣ много поработать въ загадочной области каталитическихъ явленій... Но уже и теперь можно и *надлежитъ* отмѣтить слѣдующее въ высшей степени важное обстоятельство. Какъ мы видѣли, катализаторы могутъ вызывать явленія, которыя безъ нихъ совсѣмъ не произошли бы, напр., замерзаніе переохлажденныхъ жидкостей, осажденіе кристалловъ изъ пересыщенныхъ растворовъ, а также они могутъ чрезвычайно *ускорять* различные процессы, которые протекали бы и безъ нихъ, — но очень медленно (окисленіе сѣрнистаго газа кислородомъ воздуха и т. п.). *Но безусловно невозможно* подыскать такіе катализаторы, которые, такъ сказать, *мгновенно бы направленіе* даннаго химическаго процесса, заставляли бы его *идти наоборотъ*. Я сейчасъ поясню нѣсколько на частномъ примѣрѣ это утвержденіе. Мы видѣли, что напр. платина ускоряетъ соединеніе водорода съ кислородомъ въ водѣ — которое происходило бы и *безъ нея*, хотя при низкой температурѣ — *очень медленно*. Но *нечего и искать* такое вещество, которое могло бы своимъ присутствіемъ *вызывать разложеніе* воды на кислородъ и водородъ. Еслибъ мы нашли такое вещество, то сейчасъ же бы могли воспользоваться имъ и *осуществить вѣчное движеніе*, „*perpetuum mobile*“. Въ самомъ дѣлѣ, мы бы взяли тогда нѣкоторое количество воды и дали бы ей разложиться подѣ каталитическимъ дѣйствіемъ этого вещества на водородъ и кислородъ; затѣмъ смѣсь этихъ газовъ мы помѣстили бы въ какой-нибудь сосудъ, заставили бы ее тамъ дать взрывъ, которымъ воспользовались бы для поднятія нѣкоторой гири, а образовавшуюся при взрывѣ, снова, воду опять налили бы на вещество, о которомъ рѣчь. Она снова разложилась бы на водородъ и кислородъ, и т. д., и т. д., т. е. мы бы, повторяя, получили *вѣчное движеніе*, и именно, этотъ *невозможный* выводъ — вполне однако логичный! — и убѣждаетъ насъ, что катализаторовъ, которые бы *превращали*, опрокидывали бы химическіе процессы *итѣ и не можетъ быть*.

Въ этомъ отношеніи катализаторы очень напоминаютъ *смазки*. Какая-нибудь бочка можетъ катиться внизъ по наклонному помосту очень медленно, если этотъ помостъ не смазанъ и значительно ускорить свое движеніе, если этотъ помостъ намазать масломъ; но нечего и искать такихъ смазочныхъ веществъ, присутствіе которыхъ заставило бы бочку *вмѣсто того, чтобъ катиться внизъ, взбираться на верхъ*.

Въ заключеніе моей статьи я отмѣчу еще одинъ очень недавній блестящій успѣхъ химической промышленности — получение индиго дѣйствіемъ сѣрной кислоты на нафталинъ въ при-

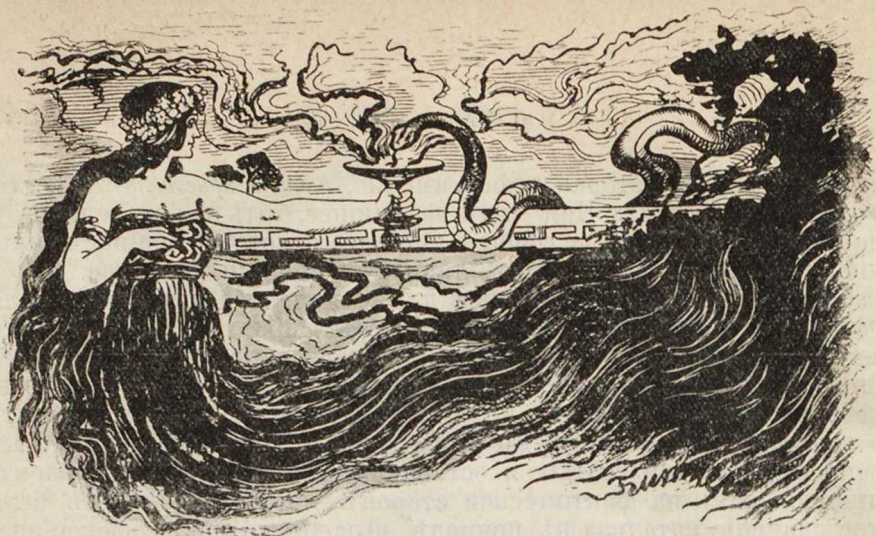
сутствіи *ртути*, которая здѣсь, именно, *только присутствуетъ, служитъ катализаторомъ*. При чемъ не лишнее, быть можетъ, еще разъ напомнить, что и сама сѣрная кислота, о которой сейчасъ было упомянуто, получается опять таки при помощи катализа.

Важное значеніе катализа для химической технологіи, для различныхъ отраслей технологіи, броженія и, наконецъ—last not least (последнее по порядку, но не последнее по важности обстоятельство!)—для физиологій — быть можетъ послужить мнѣ нѣкоторымъ извиненіемъ за то, что я позволилъ себѣ напомнить о важнѣйшихъ фактахъ въ этой области возбудить нѣкоторые вопросы. Въ этой статьѣ, я останавливался главнымъ образомъ, именно, лишь на фактической сторонѣ, могущей освѣтить важное значеніе катализа въ природѣ, выводы же, философское значеніе этого явленія я позволяю себѣ предоставить сдѣлать самимъ читателямъ *).

Вл. Тюринъ.

*) Редакція надѣется со временемъ посвятить этому вопросу болѣе обстоятельную статью.

Проф. П. И. Ковалевскій.

Д т ц е у б і й ц ы.

(Соціально-психологическій очеркъ).

Общечеловѣческое безмятежное существованіе чуть не ежедневно нарушается противозаконными дѣйствіями и поступками, — дѣйствіями и поступками, нарушающими общепринятые условія бытія даннаго общества, извѣстными въ обществѣ подъ именемъ преступленій. Нарушители законмѣрнаго человѣческаго бытія извѣстны подъ именемъ преступниковъ. Преступники—это люди, не такъ думающіе, какъ всѣ, не такъ желающіе и не такъ поступающіе, какъ всѣ остальные люди. Преступники—это люди, обладающіе злою волею, направляющею ихъ дѣйствія ко вреду общественному въ угоду собственнымъ низкимъ, грязнымъ и животнымъ страстей и зиждящихся на нихъ недостойнымъ мыслей.

Уже давно, однако, человѣчество замѣтило, что не всѣ преступники принадлежать къ одной категоріи. Одни изъ нихъ въ своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ направляются своею личною злою волею, — у другихъ преступныя дѣйствія направляются поселившимися въ нихъ злыми, нечистыми духами, демонами, сатаною, дьяволомъ... Въ концѣ концовъ и тѣ и другіе являлись преступниками, заключались въ оковы, бросались въ тюрьму, — и послѣдніе, одержимые злыми духами, наказывались еще строже — они сожигались на кострахъ. Разница между этими двумя категоріями заключалась въ существѣ, — разница эта отражалась и на наказаніяхъ. Чувство темной человѣческой справедливости было удовлетворено.

Геній XIX вѣка разъяснилъ несчастное недоразумѣніе. Солнце науки освѣтило невѣжественную тьму. Свѣтъ знанія показали, что одержимые злыми духами не преступники, не люди, направляемые сугубо злою волею, а люди несчастные, страдальцы, больные въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, направляемые больною волею. Не сожигать ихъ должно, а сожалѣть; не наказывать, а сострадать; не заковывать въ цѣпи и зашарить, а лечить. Къ чести человѣчества должно сказать — въ XIX вѣкѣ оно быстро усвоило эту идею. Даже въ Россіи нынѣ душевно больные не замучиваются, а призрѣваются и лечатся.

Еще въ началѣ моей дѣятельности въ 70-хъ годахъ XIX ст. я засталъ въ больницѣ цѣпи, связываніе, истязанія, убійства и побои—какъ мѣры исправленія и излеченія нашихъ душевно больныхъ. Прошло всего только 25 лѣтъ, и вся европейская земская Россія покрыта сѣтью домовъ умалишенныхъ, гдѣ десятки тысячъ несчастныхъ страдальцевъ, лишенныхъ образа божія и человѣческаго находятъ себѣ призоръ, присмотръ, заботу, лечение и даже нерѣдко излеченіе въ рукахъ опытныхъ специалистовъ и подъ надзоромъ общественныхъ избранниковъ. Великое и необыкновенно симпатичное наслѣдіе получилъ XX вѣкъ отъ своего предшественника. XIX вѣкъ создалъ себѣ необыкновенно симпатичный нерукотворенный памятникъ. Изъ толпы злодѣевъ, преступниковъ была выдѣлена группа несчастныхъ, нашедшихъ себѣ человѣколюбивый пріютъ.

Но если бы мы захотѣли поставить памятникъ рукотворенный XIX вѣку и украсить его соотвѣтственно его заслугамъ на пользу страждущаго человѣчества, то, къ большому нашему огорченію, мы нашли бы, что памятникъ русскихъ былъ бы далеко менѣе украшенъ, чѣмъ памятникъ французовъ, американцевъ, нѣмцевъ и англичанъ. И вотъ почему. Есть категорія лицъ, которая страдаетъ головою, но это не сумасшедшіе,—совершаетъ ужасныя преступленія, но это и не преступники,—болѣетъ, но они не принимаются въ больницу,—работаетъ, но это и не здоровые люди. Я говорю объ эпилептикахъ. Эти люди страдаютъ кратковременными припадками, въ теченіе которыхъ они иногда совершаютъ самыя ужасныя, безчеловѣчныя и звѣрскія преступленія,—а за тѣмъ они приходятъ въ сознаніе и могутъ работать, какъ всѣ. Это группа несчастныхъ своего рода. Они не здоровы, но и не больны. Имъ нѣтъ мѣста ни въ обществѣ, ни въ больницѣ, ни въ тюрьмѣ, ни въ домѣ умалишенныхъ. Просвѣщенное общество Америки, Франціи, Германіи, Англіи и Швейцаріи создало особые спеціальныя дома для эпилептиковъ, куда помѣщаются всѣ эпилептики страны, находятъ тамъ себѣ пріютъ, безопасность, работу, лечение и излеченіе. Поднимали мы нашъ голосъ и въ Россіи, но, несмотря на то, что во главѣ государственной медицины стоялъ специалистъ невропатологъ,—нашъ голосъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Наши эпилептики—на улицѣ, подъ заборомъ, въ тюрьмахъ и домахъ умалишенныхъ. Это великій долгъ XIX вѣка и онъ долженъ быть немедленно покрытъ русскимъ обществомъ.

II.

Просвѣщенное, разумное, мыслящее человѣчество отдѣлило отъ людей съ злою волею больныхъ людей, отъ злодѣевъ—несчастныхъ. Первыхъ оно наказываетъ, вторымъ сострадаетъ. Такъ и должно быть. Это совершенно правильно... Да, правильно ли это? Справедливо ли?.. Дѣйствительно ли преступники—такіе злодѣи, коимъ нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ?.. Часто приходится сказать—да, это правда. Въ самомъ дѣлѣ, сынъ, убивающій свою мать—развѣ не злодѣй? Отецъ, растлѣвающій свою дочь—развѣ не звѣрь? Братъ, отравляющій сестру, и сестра, устраивающая гибель своему брату—развѣ это люди, развѣ имъ есть

мѣсто среди честныхъ людей?.. Да, это такъ и до тѣхъ поръ это „такъ“, пока мы будемъ разсматривать факты сами по себѣ. До тѣхъ поръ будетъ это такъ, пока мы будемъ разсматривать эти преступленія, какъ проявленія злой воли. XIX вѣкъ имѣетъ великую заслугу, пробудивъ въ умахъ мыслящихъ людей мысль—да есть ли дѣйствительно такая злая воля. Не есть ли она порожденіе ужасныхъ отбросовъ человѣческаго жизненнаго строя и несовершенства человѣческой природы. Лучшіе умы общества пришли къ тому заключенію, что злой воли, какъ таковой, нѣтъ,—а есть несчастная воля, управляемая въ однихъ случаяхъ несовершенствомъ и извращеніемъ человѣческой природы, а въ другихъ ужасными и невѣроятно извращенными жизненными условіями бытія даннаго лица. Въ самомъ дѣлѣ. Преступленіе современно фабулезному человѣческому ходу. Развѣ не первая въ мірѣ женщина явилась преступницей, подъ вліяніемъ соблазна покусившись на чужую собственность, на запрещенный плодъ. Развѣ не первый мужчина, подъ вліяніемъ воздѣйствія женщины, совершилъ нарушеніе закона!.. Мало того, за преступленіемъ послѣдовало и наказаніе—административная высылка изъ даннаго мѣста жительства. Но такъ какъ преступленіе носило характеръ слишкомъ щепетильный, скорѣе нравственнаго характера, то и исполнители были болѣе высокіе. Не было этапной пересыльной команды, не было и бударей,—ангелъ выдворилъ ихъ изъ рая, а на вратахъ рая поставленъ былъ первый часовой!.. Развѣ не второй на свѣтѣ мужчина совершилъ братоубійство, и развѣ не онъ же положилъ начало бродяжничеству... Такимъ образомъ, уже первые шаги человѣчества указываютъ на несовершенство человѣческой природы, на прирожденные антисоціальныя элементы ея организаціи, при чемъ тяжкія преступленія совершаются, несмотря на необыкновенно благопріятныя условія бытія, когда не было ни водки, ни картъ, ни притоновъ, ни игры на биржѣ, ни рысаковъ и брильянтовыхъ нарядовъ... Объ этомъ очень стоитъ подумать прежде, чѣмъ отвергать прирожденность преступности.

Современные образованные криминалисты какъ юристы, такъ и медики, пришли къ тому выводу, что классъ преступниковъ не составляетъ однообразную массу людей и состоитъ изъ различныхъ элементовъ, различныхъ коренно и по существу. Одни преступники являются такими отъ рожденія,—другіе являются такими подъ вліяніемъ тяжкаго воспитанія среди кабака, нищенства, разврата и притона,—третьи преступники—случайные, подъ вліяніемъ ужасно сложившихся обстоятельствъ, и четвертые—душевно-больные.

Едва ли стоитъ останавливаться на преступникахъ душевно больныхъ. Они хорошо изучены и даже уже устроены. Мало интереса представляютъ и преступники случайные. Это дѣло несчастія. Каждый изъ насъ сегодня же можетъ стать таковымъ при несчастно сложившихся жизненныхъ условіяхъ. Мы остановимся на преступникахъ настоящихъ, къ которымъ относятся преступники: прирожденные и привычные.

III.

Истинные преступники тѣ люди, коими въ ихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ руководить злая воля. Такимъ образомъ, важнѣйшій и главнѣйшій элементъ преступности есть злая воля. Этотъ элементъ въ душевной жизни человѣка предполагается не только, какъ самостоятельный, но и доминирующий и всеѣмъ въ человѣческомъ существѣ заправляющій. У человѣка воля добрая—онъ честный человѣкъ,—воля злая—онъ злодѣй.

Но откуда же берется эта способность души—воля—, прирождена ли она, или создается путемъ воспитанія и жизненной обстановки? Если она человѣку прирождена, то чѣмъ же злодѣй виноватъ, что онъ отъ родителей унаслѣдовалъ злую волю!.. Если она является путемъ воздѣйствія жизненныхъ условій, обстановки и воспитанія, чѣмъ человѣкъ виноватъ, что онъ воспитывался при условіяхъ жизни создающихъ злую волю!.. И въ томъ и другомъ случаѣ личная отвѣтственность человѣка съ злою волею является актомъ высочайшей несправедливости. Наука, однако, идетъ дальше. Она говоритъ, что воля не есть способность самостоятельная, а тѣмъ болѣе доминирующая. Воля есть равнодѣйствующая двухъ силъ и началъ: разумка и страсти или чувства. У всеѣхъ людей существуетъ и то и другое начало, при чемъ принимается, что у людей здравомыслящихъ, особенно же у образованныхъ и развитыхъ, сторона чувственная должна подчиняться разуму. На этомъ основано личное существованіе человѣка и его личная отвѣтственность. Есть категорія людей, у которыхъ страстная и чувственная сторона развита сильнѣе умственной, первая преобладаетъ надъ второй, и дѣйствія и поступки такихъ людей являются слѣдствіемъ воздѣйствія страсти, а не разсудка. Воля у такихъ людей является выраженіемъ воздѣйствія чувства, а не ума. Замѣчательнѣе всего, что у этихъ людей въ большинствѣ случаевъ страсти и чувства развиваются преимущественно низкія, животныя, подлыя; отсюда, естественно, что и дѣйствія этихъ людей, иногда при сознаніи умомъ ихъ недоброкачественности, будутъ направлены на удовлетвореніе низшихъ животныхъ страстей, въ силу чего, сплошь и рядомъ, они являются нарушающими и оскверняющими общепринятые условія общественной жизни, а потому ео ipso преступными.

Какъ проявленія ума, такъ и проявленія страсти суть отправления центральной нервной системы, преимущественно головного мозга. Уклоненія въ мышленіи отъ общепринятаго совершаются подъ вліяніемъ двухъ условій—прирожденности и воспитанія. Человѣкъ мыслить не какъ всеѣ или потому, что уже отъ рожденія его мозгъ былъ такъ направленъ,—или потому, что при воспитаніи ему даны были познанія, несогласныя съ распространенными въ обществѣ, противныя общепринятымъ, вредныя и опасныя для общества. Точно также и эмотивная, или страстная сторона жизни человѣка можетъ направляться въ томъ или другомъ направленіи или отъ рожденія, или отъ вліянія жизненныхъ условій и воспитанія. Есть люди, которые отъ своихъ родителей уже наслѣдуютъ склонность къ проявленію эмотивной стороны жизни благородной, возвышенной и заслуживающей уваженія, какъ: любовь къ родинѣ, роднымъ, ближнему, чело-

вѣку,—состраданіе, жалость, самопожертвованіе и т. д. Нѣтъ слова, и у этихъ людей, наравнѣ съ добрыми, могутъ существовать и существуютъ страсти низкія, животныя, но эти послѣднія бываютъ слабо выражены, въ зачаточномъ состояніи и потому легко побораются и сдерживаются разсудкомъ. Почему въ ихъ жизни и дѣйствіяхъ мы видимъ проявленіе ума и добрыхъ побужденій.

Бываютъ, однако, случаи, что дѣти, рожденныя при вышеуказанныхъ духовныхъ условіяхъ, уже съ малаго дѣтства попадаютъ въ дурную среду—пьяницъ, людей развратныхъ, безчестныхъ, низкихъ и т. д. Тогда постоянный примѣръ окружающихъ, а равно и воздѣйствіе ихъ въ смыслѣ воспитанія и обученія, атрофируютъ добрыя чувственные начала и выдвигаютъ элементы низкіе, грязные и животные. Такія дѣти, подъ вліяніемъ окружающей обстановки и воспитанія, становятся въ диссонансъ съ обычною жизнью, являются нарушителями жизненныхъ условій и преступниками существующихъ нравственныхъ и формальныхъ законовъ. Такъ создаются преступники привычныя.

Но еще чаще встрѣчаются другія условія возникновенія преступности. Дѣти пьяницъ, нищихъ, воровъ, мошенниковъ, дѣти вертеповъ и преступниковъ уже рождаются на свѣтъ съ недостаткомъ добрыхъ, нравственныхъ началъ. Какъ рождаются на свѣтъ дѣти слѣпые и глухіе, такъ точно могутъ родиться дѣти, никогда не испытывающіе любви къ матери, ближнему, животнымъ. У нихъ въ этомъ отношеніи является духовная слѣпота, духовный пробѣлъ отъ рожденія. Эти дѣти уже отъ рожденія бываютъ лишены добрыхъ и возвышенныхъ чувствъ и существуютъ съ одними низкими, грязными и животными страстями.

Такой порокъ является у нихъ прирожденнымъ, и уже отъ рожденія они предопредѣляются къ пути порока, низости, разврата, пьянства и преступленія.

Хорошо еще, если дѣло ограничивается атрофіей добрыхъ эмоціонныхъ началъ: любви, состраданія, жалости и т. д. Бываетъ хуже. Бываетъ, что эквивалентомъ этихъ высокихъ началъ являются элементы давно минувшихъ временъ, какъ: жестокость, ненависть, наслажденіе кровавыми картинами и страданіемъ другихъ и т. д. Въ первомъ случаѣ мы наблюдаемъ вырожденіе рода человѣческаго съ недостаткомъ добрыхъ началъ, минусомъ высшихъ нравственныхъ элементовъ и наличностью грязныхъ и животныхъ страстей; во второмъ случаѣ мы имѣемъ минусъ всего добраго, наличность низшихъ животныхъ страстей и плюсъ звѣрскихъ склонностей и побужденій. Такое тройное сочетаніе духовныхъ началъ создаетъ прирожденного преступника.

Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что ребенокъ, получившій отъ рожденія эти ужасныя качества, и воспитывается въ ужасной средѣ, породившей его: въ обществѣ пьянства, разврата, нищенства и преступности. Такіе люди являются преступниками вдвойнѣ: и по рожденію и по воспитанію.

Спросимъ себя—виновны ли они въ своей преступности? Кто породилъ ихъ? Кто воспиталъ ихъ? Не мы ли виною всему этому?..

Человѣчеству надлежитъ подумать объ этомъ. Не доста-

точно судить и осудить, недостаточно даже судить и осудить честно. Это бочка Данаидъ. Современный судъ не уменьшаетъ количества преступниковъ, а увеличиваетъ. Общественное сознание не удовлетворено современнымъ положеніемъ суда. Оно требуетъ разумной борьбы съ преступностью. Оно требуетъ уничтоженія преступности въ корнѣ, въ основѣ ея. Для этого требуется изученіе преступника, условій возникновенія преступности, устраненіе жизненныхъ условій, создающихъ ее, и исправленіе самого преступника. Чѣмъ больше общество будетъ знать о преступникѣ, тѣмъ правильнѣе оно будетъ понимать его и тѣмъ разумнѣе оно будетъ относиться къ борьбѣ съ преступностью. Мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленія, по образцу полицейскаго права, отжили свой вѣкъ и требуютъ мѣръ новыхъ и болѣе разумныхъ, и болѣе цѣлесообразныхъ. Для этого же прежде всего требуется знаніе преступника

IV.

Въ настоящемъ своемъ очеркѣ я рѣшилъ представить вниманію общества краткій очеркъ психологій отцеубійцъ. Отцеубійство—преступленіе въ высочайшей степени тяжкое и возмутительное, и душевный строй этихъ преступниковъ долженъ быть рѣзко выраженъ и обособленъ. Почти всегда отцеубійцы являются преступниками отъ рожденія и потому прирожденными преступниками. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на изложеніи отличія прирожденныхъ и привычныхъ преступниковъ,—это нами изложено въ другомъ мѣстѣ, и мы перейдемъ непосредственно къ изложенію результатовъ клиническихъ наблюденій надъ отцеубійцами.

Dr. Asselin, занявшійся тщательнымъ изученіемъ душевнаго состоянія отцеубійцъ по процессамъ за много лѣтъ, а также по клиническому матеріалу въ клиникѣ prof. Regis, нашелъ, что съ какою бы цѣлію ни было совершено отцеубійство, почти всѣ преступники были вырожденки—дегенераты. Въ самомъ дѣлѣ, убить мать, убить отца можетъ только вырождокъ. Не нужно изучать и процессовъ для того, чтобы прійти къ такому не мудрому, подсказываемому чистымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, заключенію. Правда, во многихъ подобныхъ процессахъ мы находимъ смягчающія обстоятельства, какъ свирѣпость, пьянство и истязанія отца, защиту истязаемой матери, невѣрность и подлый обманъ матерью отца и т. д.,—но развѣ всѣ эти мотивы въ нашей головѣ все таки могутъ уложиться съ мыслью объ убійствѣ отца или матери? По истинѣ, только нравственный уродъ, только вырождокъ - дегенератъ можетъ совершить такое преступленіе. Злодѣй, злодѣй закоренѣлый, злодѣй отъ рожденія можетъ совершить такое преступленіе, и факты жизни вполне подтверждаютъ это.

Отцеубійство, понимая подъ этимъ убійство отца и матери, создается только на почвѣ вырожденія, на почвѣ дегенерации, разумѣется, если оно не было случайнымъ.

Поэтому, чтобы понять душу отцеубійцы, должно хотя вкратцѣ ознакомиться съ состояніемъ его дегенерации. Проявленіе дегенерации необыкновенно широко. По Morel'ю, „dégénérescence c'est

deviation malade du type normal“—точноѣ, это значитъ вся патологія человѣческаго организма. Мы коротко коснемся только тѣхъ проявленій вырожденія, кои наиблизе стоятъ къ натурѣ отцеубійцъ и составляютъ основу ихъ души. Это не будетъ уже болѣзнь организма, а только лишь отклоненіе отъ нормы, асиметрія проявленій—то переразвитіе, то недостатокъ и пробѣлы—какъ въ душевной, такъ и въ физической жизни даннаго лица. Ихъ умственные проявленія въ однихъ отношеніяхъ бываютъ усилены противъ нормы, въ другихъ съ дефектами: еще большая неустойчивость и неуравновѣшенность бываетъ въ нравственной области. Особенно у этихъ людей бываетъ усилено и разстроено соображеніе; „elle est veritablement fu folle du logis“, которое, однако, царитъ надъ разсудкомъ и направляетъ поступки и дѣйствія. Ихъ вниманіе ничтожно. Они перепархиваютъ съ предмета на предметъ, не могутъ фиксироваться, не могутъ усвоить прочно того или другого знанія, а потому остаются недоучками и школьными неудачниками. Тоже ожидаетъ ихъ въ жизни. Они переходятъ отъ ремесла къ ремеслу, отъ профессіи къ профессіи, и тѣмъ не менѣе полного изученія во всемъ этомъ не достигаютъ: сначала они накидываются на новое дѣло, но затѣмъ скоро ко всему охладѣваютъ, утомляются, получаютъ отвращеніе и впадаютъ въ апатію; представляя недостаточное вниманіе, эти выродки обладаютъ и плохую памятью, хотя въ этомъ отношеніи бываютъ иногда частичныя исключенія въ видѣ обостренія къ одному какому либо виду знаній: одни необыкновенно богато помнятъ имена, другіе—цифры и счисленіе, третьи—архивныя дѣла и проч. Особенно у дегенератовъ поражается воля: они отличаются *) нерѣшительностью, насильственностью дѣйствій, импульсивностью и отсутствіемъ задерживающей способности ума. Часто они рѣшительно не могутъ сдерживать своего языка и потому нерѣдко у нихъ слетаютъ съ языка такія слова и рѣчи, которыя нѣтъ-только неумѣстны, но и непозволительны. Ихъ нравственность слишкомъ низкопробна. Они фаты *) надменны, трусы, боязливы, лицемеры, легко возбудимы, гнѣб-ливы, ничѣмъ не довольны, всегда шумятъ, не дисциплинированы въ школѣ и работѣ, плохіе товарищи и ко всему питаютъ какую-то непріязнь и нерасположеніе. Господствующая черта ихъ характера эгоизмъ, эгоизмъ абсолютный, совершенно уничтожающій проявленія альтруизма. Чувства уваженія, сочувствія и состраданія у нихъ нѣтъ. Къ отцу и матери, дѣтямъ и женѣ они безразличны. Жестокость составляетъ инстинктивно родную черту ихъ характера. Страданіе другихъ имъ пріятно и для вѣчнаго наслажденія они сами являются палачами несчастныхъ жертвъ. Половая жизнь ихъ часто не нормальна, представляя то ослабленіе, то усиленіе, то извращеніе. Эти лица могутъ мастурбировать въ присутствіи другихъ, иногда безсознательно,—они склонны къ изнасилованію и иногда доходятъ до оскверненія труповъ. Подкальватели въ большинствѣ принадлежатъ къ этой категоріи людей. Сама физическая организація нерѣдко у нихъ

*) Н. И. Ковалевскій. Психологія преступника, 1901—La Psychologie criminelle 1903.

страдаетъ; они малы ростомъ и нерѣдко уродливы. Въ обществѣ они не признають никого равными себѣ и потому ведутъ борьбу противъ всѣхъ, особенно противъ авторитетовъ: въ школѣ противъ учителей, въ мастерской противъ мастера, въ обществѣ противъ людей сильныхъ, въ семьѣ противъ родителей. Особенно выродки невыносимы въ семьѣ.

Они плохія дѣти. Въмѣсто любви они питають къ родителямъ презрѣніе и на каждомъ шагу отравляютъ ихъ жизнь,—въ маломъ возрастѣ это дѣлается невольно: хилостью, слабостью, частыми болѣзнями съ конвульсіями и пр., ихъ рѣчь запаздываетъ, и ходьба дается съ трудомъ,—а за тѣмъ уже сознательно—дурными чертами своего характера. Они грубы и необыкновенно лживы. Порядочная умственная тупость, а особенно лѣнь и склонность ко всякимъ гадостямъ служить причиною тому, что постоянно приходится мѣнять боннѣ, гувернантокъ и учителей. Это невольно ведетъ къ взаимному озлобленію. Отсутствие чувства любви къ родителямъ и рядомъ стоящая импульсивность служить основою индифферентизма и инстинктивной злобы къ родителямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и у этихъ выродковъ существуютъ кое-какіе проблески любви къ родителямъ, но остальные проявленія ихъ характера—вспыльчивость, гнѣвъ, жестокость и проч. совершенно убиваютъ родителей. Иногда такой ребенокъ любитъ одного родителя и ненавидитъ другого,—что особенно часто бываетъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ одинъ родитель пьяница и истязаетъ другого и всю семью. При такомъ недостаткѣ добрыхъ качествъ, такіе выродки представляютъ обильный эквивалентъ въ подборѣ злыхъ качествъ и низкихъ инстинктовъ. Въмѣсто любви къ родителямъ у нихъ удерживается циничный индифферентизмъ,—такъ, на вопросъ одному изъ такихъ выродковъ — жалко ли ему умирающихъ его родителей онъ отвѣчалъ: „да вѣдь они стари“. Такое же отсутствіе любви проявляется и ко всѣмъ людямъ вообще—остается только одна плотская любовь, да и ту они упраздняють онанизмомъ. Недостатокъ любви заполняется презрѣніемъ и ненавистью къ человѣчеству, а душевная пустота порождаетъ жажду наслажденій. Въ дѣтствѣ удовлетвореніе этой потребности даютъ истязанія животныхъ, мученія и страданія которыхъ доставляютъ ихъ палачамъ безжалостное и безстыдное удовольствіе. Несмотря однако на существованіе этой жестокости и удовольствія въ лицезрѣніи страданій, трудно допустить, чтобы у маленькихъ дѣтей отцеубійство проявлялось иначе, какъ только инстинктивно. Такъ Parent Duchâtelet описываетъ случай, въ которомъ дѣвочка 8 лѣтъ, занимавшаяся съ 4 лѣтъ онанизмомъ, покушалась на убійство матери и обдумывала, какъ убить отца. Несомнѣнно, это побужденіе было неосмысленное, а инстинктивное, — но съ возрастомъ такіе инстинкты становятся опаснѣе, дѣти, подростая, становятся болѣе жестокими и болѣе рѣшительными. Тотъ же авторъ приводитъ и другой, чрезвычайно поучительный, случай. Одинъ мальчикъ, съ трехъ лѣтъ занимавшійся онанизмомъ и пекшывавшій истинное наслажденіе при видѣ обезглавленныхъ животныхъ, въ шесть лѣтъ, увидя какъ шла кровь изъ носа его брата, воскликнулъ: „je veux tuer ce petit; je veux voir du sang, cela seul me procure du plaisir...“ Когда его спросили, рѣшился ли бы онъ убить свою мать, онъ

отвѣчалъ: „Assurement et comment l'aimerais-je, si je ne m'aime moi-même. Oh, je veux bien la tuer, et, si je ne peux le faire aujourd'hui, j'attendrai d'être grand"... Asselin рассказываетъ объ одномъ мальчикѣ, который необыкновенно жестоко истязалъ свою чахоточную мать; когда его стыдили въ томъ, что онъ такъ безстыдно и безжалостно сокращаетъ и безъ того недолгіе дни жизни матери, онъ на то только улыбался. Желая же часть своей вины взвалить на мать, онъ бросался въ колодець и послѣ того заявлялъ, что мать хотѣла его утопить. Отца этотъ выродокъ боялся и потому не осмѣливался трогать.

Особенно некрасивъ у этихъ выроdkовъ періодъ отрочества. Въ это время вспыхиваютъ, какъ подъ ударомъ кнута, всѣ дурныя наклонности, а также инстинкты самоубійства и убійства. Если въ эту пору онанизмъ ихъ не удовлетворяетъ, то они набрасываются на всѣхъ „toutes sont bonnes pour satisfaire ses instincts de brute“. Особенно много здѣсь помогаетъ наслѣдственное пьянство, при чемъ прирожденная импульсивность находитъ себѣ большую поддержку, порождая въ импульсивности отъ опьяненія. Пьянство и кутежи требуютъ денегъ, недостатокъ денегъ влечетъ за собою выколачиваніе ихъ у матери. Передъ удовлетвореніемъ ихъ скотской потребности, эти уроды становятся нечувствительны къ старости, холоду, голоду, нищетѣ и болѣзненности родителей. „Le dégénéré est un être inactif“.

Импульсивность особенно рѣзко выражена у дегенератовъ, и чѣмъ ниже дегенератъ, тѣмъ грязнѣе и ниже его импульсивность; менѣе пораженные дегенераты проявляютъ преимущественно психическую импульсивность. У низшихъ дегенератовъ импульсивность проявляется въ побужденіи къ воровству, отравленію, самоубійству, убійству и отцеубійству, поджогу, скотоложству, оскверненію труповъ и проч. Импульсивность проявляется какъ во всемъ поведеніи дегенератовъ, такъ и въ отдѣльныхъ жизненныхъ проявленіяхъ. Несдерживаемая здравымъ разсудкомъ, она особенно тягостна для родителей, какъ для людей, постоянно стоящихъ въ сношеніи съ дегенератами. По изслѣдованіямъ Regis, импульсивность дегенератовъ выражается съ сохраненіемъ сознанія и послѣдующимъ воспоминаніемъ.

Импульсивность дегенератовъ не исключаетъ и преднамѣренности съ ихъ стороны, питаемой прирожденной безнравственностью и душевной нечувствительностью. Преднамѣренность дегенерата сопровождается нерѣдко строгой обдуманностью, хотя далеко не всегда осторожностью и благодушіемъ. Замѣчательны обстоятельства, сопровождающія преступленія этихъ людей: если они бьютъ свою родную жертву, то бьютъ безжалостно, немилосердно, до смерти и даже иногда мертвую. Обдуманная отцеубійства, однако, совершаются рѣже,—чаще же въ ослѣпленіи гнѣва, ярости и какъ бы мимолетнаго безумія. При этомъ убійцы не обращаютъ вниманія ни на обстоятельство, ни на орудіе. Остервенѣніе, съ которымъ жертвѣ наносятся истязанія данными убійцами, очень характерно для дегенератовъ. Имъ недостаточно убить,—они упиваются видомъ страданія и мученія. Этимъ Asselin объясняетъ склонность прирожденныхъ преступниковъ, вскорѣ по совершеніи преступленія, возвращаться посмотрѣть на свою

жертву. Одинъ изъ отцеубійцъ нанесъ убитой своей матери 17 ударовъ ножомъ,—другой бьетъ мертвого своего дѣда, пока не доходить до истощенія,—еще одинъ садится на трупъ своей матери, чтобы удобнѣй было наносить удары. До какого звѣрства доходятъ отцеубійцы—доказывается тѣмъ, что два изъ нихъ не ограничиваются убійствомъ, а вырѣзываютъ своимъ жертвамъ сердце, зажариваютъ его и съѣдаютъ. Какъ убійцы, такъ и отцеубійцы склонны къ подражательности, что, вѣроятно, составляетъ одну изъ видныхъ чертъ вырожденія.

По совершеніи убійства, отцеубійцы держатъ себя двояко: или отказываются безсознательностью въ моментъ совершенія преступленія,—или же они съ окровавленными руками являются въ общество и, бахвалясь, со всѣми подробностями заявляютъ о содѣянномъ преступленіи. Объ убійствѣ они говорятъ съ такимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, что слушатели отказываются вѣрить. При этомъ иногда они поносятъ свои жертвы въ самыхъ грубыхъ и циническихъ выраженіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они проявляютъ невѣроятную беззаботность и легкомысліе въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, указывающія на очевидную нравственную неустойчивость и даже безсознательность. Свобода ихъ выбора въ дѣйствіяхъ и поступкахъ подавляется импульсивностью. Даже послѣдствія содѣяннаго они далеко не вполне оцѣниваютъ и часто поступаютъ съ дѣтскимъ неблагоразуміемъ. Совершивши преступленіе, они не стремятся уйти, а, оставивъ явные слѣды, прячутся въ ближайшій лѣсъ и тамъ живутъ въ положеніи дикаря. Даже болѣе дальновидные отцеубійцы обычно не удаляются изъ своей страны. Пойманные они легко сознаются въ своемъ преступленіи и никогда не прибѣгаютъ къ системѣ отрицанія. Они раскрываютъ всѣ мелочи преступленія и не ищутъ смягчающихъ обстоятельствъ. Замѣчательно то, что почти всѣ эти преступники въ заключеніи, во время суда и даже отбытія наказанія проявляютъ какую-то отупѣлость.

Заключенные въ тюрьму, они интересуются ѣдой, платьемъ, новымъ мѣстомъ заключенія, куда ихъ пошлютъ, но никогда не думаютъ о совершенномъ ими преступленіи и о всей тяжести содѣяннаго. Ихъ цинизмъ на судѣ поражаетъ всѣхъ. Но это собственно не цинизмъ,—это только полное отсутствіе пониманія значенія содѣяннаго. О своемъ преступленіи они говорятъ, какъ о чемъ-то самомъ обыкновенномъ. Къ приговору они относятся также вполне безразлично,—изъ всей переполненной залы они тронуты менѣе всѣхъ. Тоже спокойствіе и безразличіе часто они проявляютъ и въ моментъ казни. Искать раскаянія у нихъ бесполезно. Къ своимъ жертвамъ относятся болѣе, чѣмъ индифферентно. „Elle est morte, ça va bien, je ne m'en repens pas, je le ferais encore...“ „Si c'était à recommencer, je tacherais de ne pas le faire,—или вотъ еще одно ихъ замѣчаніе: „Je reconnais avoir mal fait, c'est vrai“.

Всѣхъ отцеубійцъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ совершаютъ преступленія въ состояніи душевной ненормальности,—другіе—подъ тяготѣніемъ, подавляющихъ ихъ разсудокъ, болѣзненно усиленныхъ страстей.

V.

Вотъ душевная картина отцеубійцы. Тяжелые выводы она навѣваетъ на насъ. Это самые тягчайшіе преступники, это величайшіе въ мірѣ злодѣи, поднявшіе руку на своихъ родителей. Эти люди по своему строю или несомнѣнно душевно-больные, или несомнѣнно душевно-неустойчивые. Такая ихъ душевная ненормальность обусловливается или пророжденнымъ унаслѣдованіемъ, или жизненною обстановкою и воспитаніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ они невинны. Въ томъ и другомъ случаѣ они глубоко несчастны. Они плоть отъ плоти нашей и кровь отъ крови нашей. Вина за ихъ преступленіе падаетъ на насъ, создавшихъ ихъ. Виновы родители, породившіе злодѣевъ, — виновно общество, создавшее и поддерживающее среду, воспитывающую этихъ страдальцевъ или людей безусловно несчастныхъ. Не проклятію и презрѣнію они должны подлежать, а состраданію и глубокому сожалѣнію. Виновы мы и мы должны потерпѣть наказаніе за ихъ звѣрское преступленіе. Отцеубійцы — преступники несчастны еще и тѣмъ, что имъ нѣтъ мѣста между людьми нормальными. Они должны быть изъяты изъ общества и интернированы въ особыя заведенія. Если человѣчество, ища защиту и охрану себѣ, удаляетъ ихъ изъ общества, то оно должно обставить изгнанныхъ остракизмомъ такъ, чтобы они не страдали въ изгнаніи. Долгъ общества состоятъ въ томъ, чтобы оно устроило пріюты для этихъ несчастныхъ, въ которыхъ специально подготовленные люди позаботились бы о перевоспитаніи и излеченіи изгнанныхъ изъ общества. Слишкомъ легко сослать въ ссылку на каторжные работы и на поселеніе. Еще легче повѣсить злодѣя преступника. Но кто же виновенъ въ этомъ? Преступный ли плодъ, или создатели этого плода?.. Легко намъ обрушиваться на злодѣя, еще легче требовать ему казнь. Но это несправедливо и тысячу разъ несправедливо. Подумаемъ же объ этомъ и поищемъ исхода болѣе гуманнаго и болѣе справедливаго, достойнаго XX вѣка.

П. И. Ковалевскій.

Андрей Алексѣевичъ Исаевъ.

Проф. А. А. Исаевъ.

Развитіе промышленности на Западѣ и въ Россіи.

I.

Важныя изобрѣтенія послѣднихъ десятилѣтій способствовали чрезвычайному развитію промышленности. Наблюдаемое повсюду, оно имѣетъ вездѣ свои отличительныя особенности; онѣ не позволяютъ распространить выводы, сдѣланные относительно одного народа, на всѣ другіе народы. Въ однихъ странахъ развитіе экономической жизни охватываетъ болѣе или менѣе равномерно всѣ стороны народнаго труда. Въ другихъ—мы находимъ пренебреженіе однихъ отраслей и слабые успѣхи если даже не застой во многихъ областяхъ хозяйственной жизни. У однихъ народовъ это являлось слѣдствіемъ цѣлаго ряда причинъ, которыя дѣйствовали въ опредѣленномъ сочетаніи и дали результаты, позволяющіе говорить о естественномъ развитіи хозяйства. У другихъ—ростъ промышленности былъ вызванъ, прежде всего, покровительственной таможенной политикой. Возьмемъ для примѣра производство желѣза и стали—и прослѣдимъ на немъ различіе въ быстротѣ развитія промышленности. Важное значеніе этой отрасли стоитъ внѣ спора, а потому и нѣтъ надобности дѣлать какія-либо дополнительныя объясненія.

За 1850 годъ міровое производство желѣза опредѣлялось цифрою въ 4.401.415 тоннъ. Больше половины этого количества падаегь на Великобританію: 2.300.000 тоннъ; второе мѣсто занимаютъ Соединенные Штаты—563.755; третье—Франція—405.653;

четвертое — Германія съ Люксембургомъ — 350.000 тоннъ. Въ Россіи, которая стоитъ на 6 мѣстѣ, производство не превышало 227.555 тоннъ. За 1900 годъ міровое производство достигло 40.087.616 тоннъ. Въ мѣстахъ, занимаемыхъ народами, произошли перемѣны. Первое мѣсто принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, которые произвели 13.789.242 тонны сырого желѣза; Великобританія спустилась на второе мѣсто (8.059.691 тоннъ); Германія занимаетъ третье (8.381.373), а Россія—четвертое (2.859.815 тоннъ). Но относительные успѣхи, сдѣланные разными народами въ этой отрасли, далеко не одинаковы: производство Соединенныхъ Штатовъ увеличилось въ 24 раза, Германіи почти столько же, Россіи въ 12 разъ, Англіи почти въ 4 раза. Производство стали было въ 1850 г. совсѣмъ незначительно; для всего міра оно опредѣлялось цифрою въ 85.000 тоннъ, изъ которыхъ 40.000 падало на Великобританію. Какъ въ Россіи, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ оно составляло не болѣе 2.000 тоннъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ, послѣ введенія бессемерова способа, производство стали начинаетъ быстро развиваться; въ 1900 году оно достигаетъ 27.130.815 тоннъ. Теперь во главѣ этой отрасли стоятъ Соединенные Штаты (10.188.329 тоннъ), второе принадлежитъ Германіи съ Люксембургомъ (6.257.745). Великобританія спустилась на 3-е мѣсто (5.050.000 тоннъ). Россія заняла четвертое (1.800.366). Приведенныя цифры проливаютъ свѣтъ на ростъ этой важной отрасли народнаго труда въ предѣлахъ всего мірового рынка. Производство желѣза увеличилось слишкомъ въ 9 разъ, а стали, строго говоря, возникшее въ теченіе этихъ 50 лѣтъ, уже превысило $\frac{2}{3}$ производства желѣза.

Поразительные успѣхи, сдѣланные Соединенными Штатами относительно производства желѣза и стали, могутъ быть прослѣжены и въ другихъ областяхъ. Сопоставимъ цифры за 1860 и 1900 года. Въ началѣ 40-лѣтняго періода Соединенные Штаты имѣли 140.433 предпріятія, которыя владѣли капиталомъ въ 1.010 милліон. доллѣр., занимали 1.311.246 рабочихъ и произвели продуктовъ на 1886 милліон. доллѣровъ. Въ 1900 г. было 512.586 промышленныхъ предпріятій; ихъ капиталъ достигъ 9.854 милліоновъ, число рабочихъ — 5.310.598, цѣнность продуктовъ — 13.019 милліон. доллѣровъ. Относительное увеличеніе этихъ цифръ представляется въ такомъ видѣ: число промышленныхъ предпріятій возрасло въ $3\frac{1}{2}$ раза, капиталъ почти въ 10 разъ, число рабочихъ въ 4 раза, а цѣнность произведенныхъ продуктовъ — въ 7 разъ.

Успѣхамъ обрабатывающей промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ сопутствуетъ и процвѣтаніе земледѣлія. Это особенно замѣтно въ центральныхъ западныхъ штатахъ: Иллинойсѣ

Индіанѣ, Огаіо, Миссури, Небраскѣ, Висконсинѣ, Айовѣ, Мичиганѣ, Канзасѣ, Миннезотѣ и обѣихъ Дакотахъ. Въ 1840 году, при 5, 4 милліонахъ жителей, тамъ было открыто для культуры только $27\frac{1}{4}$ милліоновъ экровъ земли, а въ 1890 году, при 26 милліонахъ жителей, подъ культурой было 157 милліоновъ экровъ. Въ концѣ этого періода на 1 жителя приходилось больше 9 экровъ земли, а въ началѣ его только 5. Въ этихъ штатахъ производительность сельскаго хозяйства необыкновенно велика: за 3 года (1893—95) на одного сельскаго рабочаго урожай далъ 560 бушелей, а въ Германіи за то же время—только 72 бушеля, въ 9 разъ меньше. Размѣры скотоводства были въ этихъ штатахъ такъ велики, что за то же трехлѣтіе на 1 работника приходилось 1610 англ. фунтовъ мяса, тогда какъ въ Англіи 970 ф. а въ Германіи 360.

Когда говорятъ о расцвѣтѣ экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ, то прежде всего припоминаемъ Калифорнію. Въ 50-хъ годахъ 19 вѣка она пережила золотую горячку. Капиталисты, рабочіе, искатели приключеній стекались въ нее большими массами; она была страной необузданной спекуляціи, самой напряженной алчности, фантастическихъ выигрышей въ немного недѣль и даже дней. Но постепенно она стала на путь правильнаго хозяйственнаго развитія. Повсюду въ штатѣ затрачены милліоны и милліоны на орошеніе земли. Плодоводство сдѣлало очень большіе успѣхи; именно, въ Калифорніи эта отрасль сельскаго хозяйства впервые организована на началахъ крупнаго производства: есть сады во многія сотни экровъ. За 1900 годъ она произвела 362 милліона фунтовъ сушеныхъ фруктовъ (что равняется 18.000 вагоновъ), 182 милліона свѣжихъ фруктовъ и 60 милліоновъ банокъ варенья. Винодѣліе также развивается очень быстро.

По многосторонности экономическихъ успѣховъ и большому масштабу, которымъ нужно измѣрять ихъ, ни одна страна не выдерживаетъ соперничества съ Соединенными Штатами. Первое мѣсто послѣ нихъ, и абсолютно очень высокое мѣсто, занимаетъ Германія. Къ цифрамъ, уже приведеннымъ о развитіи производства желѣза и стали, мы приобщили еще нѣкоторые данныя о Германіи. За 1861—65 года средній годичный продуктъ горнозаводскаго дѣла въ Германіи составлялъ 26 милліоновъ тоннъ, а въ 1899—1909 милліоновъ тоннъ; цѣнность этихъ продуктовъ поднялась за то же время отъ 151 до 1059 милліоновъ марокъ. Среднее годичное производство бумажной пряжи за 1856—60 года не превышало 37.000 тоннъ, а въ 1897 году 232.600. Упомянемъ и о сахароваренной промышленности, которою (въ приготовленіи свекловичнаго сахара) Германія опередила всѣ

европейскія страны: въ 30-хъ годахъ она производила только нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ сахара въ годъ, въ 1866 г.—только 70.000 тоннъ, а въ 1900—1.722.000, т. е. почти въ 25 разъ больше. Но особенно выдвигаются успѣхи этой страны въ двухъ отрасляхъ—электротехнической и химической, которыя и заняли первое мѣсто на міровомъ рынкѣ. Въ 1880 году электрическое дѣло было въ зачаточномъ состояніи: въ половинѣ 80-хъ годовъ казалось почти невѣроятнымъ, что начала работать электро-динамическая машина въ 1000 лошадиныхъ силъ; а теперь уже дѣйствуютъ машины въ 5000 силъ и больше. Значеніе этой промышленности сказывается прежде всего въ томъ, что въ Германіи быстро распространяется примѣненіе электричества къ освѣщенію и, въ качествѣ двигательной силы,—къ уличнымъ передвиженіямъ. А германская химическая промышленность съ годичнымъ производствомъ въ 1 миллиардъ марокъ заняла на міровомъ рынкѣ особенно почетное мѣсто. Начатки этого дѣла восходятъ къ 40-мъ годамъ 19 вѣка, когда стали довольно широко распространяться обработка соды и приготовленіе красокъ. Особенный толчокъ получило это производство съ конца 60-хъ годовъ, послѣ того, какъ цѣлый рядъ сдѣланныхъ въ Германіи изобрѣтеній позволилъ замѣнить естественныя красильныя вещества искусственными. Великіе химики—Либихъ и Бунзенъ—руководили систематическими изслѣдованіями всѣхъ способовъ пользованія каждымъ веществомъ, особенно—отбросами. Въ 1882 г. въ этой отрасли было 71.000 рабочихъ, а въ 1898 г.—136.700.

Объ угнетенномъ состояніи германскаго сельскаго хозяйства говорятъ уже давно, съ конца 70-хъ годовъ; и нужно согласиться, что сельскіе хозяева поставлены въ Германіи менѣе благопріятно, чѣмъ предприниматели обрабатывающей промышленности. Но сдѣланы замѣтные успѣхи и въ германскомъ земледѣліи. Болѣе глубокая пахота, лучшее обращеніе съ навозомъ, примѣненіе искусственныхъ удобреній,—все въ большихъ размѣрахъ, усердное пользованіе машинами привели къ повышенію урожайности. Если сопоставить среднюю жатву въ Пруссіи за 1836—39 года и 1895—98, то получимъ на 1 моргенъ центнеровъ: 8,26 и 12,27 для ржи, 7,75 и 16,40 для пшеницы, 7,12 и 16,30 для овса и 4,03 и 16,18 для картофеля. Разверстаніе угодій и уменьшеніе черезполосицъ также способствовали большому сбереженію труда. За 14 лѣтіе (1874—87) изъ 2.084,755 земельныхъ клочковъ въ Пруссіи было образовано 507,049.

Одинъ современный изслѣдователь ссылается, въ видѣ примѣра, на округъ Лингензальца: въ деревняхъ этого округа, вслѣдствіе уменьшенія черезполосицы, сбереженіе на работѣ составило 4,28 марки съ 1 моргена ¹⁾. Успѣхи германскаго сель-

¹⁾ Pohl. Deutschland am Scheidewege. 1902.

скаго хозяйства выражаются и въ развитіи скотоводства: въ 1883 году цѣнность скота опредѣлялась въ 5.576,900,000 марокъ, а въ концѣ 1900 года—въ 7.698,300,000; увеличилось и количество скота: число лошадей на 663,000, а рогатаго скота на 3.153,000 штукъ.

Не касаясь подробностей, мы сошлемся также на быстрые успѣхи, сдѣланные за послѣднее время всѣми отраслями промышленности въ маленькихъ странахъ: Бельгіи, Швейцаріи, Дании, Швеціи, Норвегіи и другихъ.

Если взять всѣ отрасли промышленности, какъ одно цѣлое, то Англія еще занимаетъ первое мѣсто; но ея успѣхи болѣе медленны, чѣмъ нѣкоторыхъ другихъ странъ, а потому нерѣдко говорятъ о начинающемся упадкѣ англійской экономической жизни. Вліятельные органы англійской печати сѣтуютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ и нѣкоторыхъ государствахъ европейскаго материка предприниматели вводятъ новыя машины и способы производства болѣе энергично, чѣмъ въ Англіи ²⁾. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, напримѣръ, въ химической промышленности, Англія далеко отстала отъ Германіи. Для объясненія причинъ этого замедленнаго развитія, нужно припомнить совокупность впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ воспитывались англичане въ теченіе цѣлаго столѣтія. Это были впечатлѣнія непрерывныхъ успѣховъ, которые послѣ отпаденія Соединенныхъ Штатовъ не измѣняли Англіи. Отпаденіе было тяжелымъ ударомъ, но онъ былъ смягченъ приобрѣтеніемъ колоній во всѣхъ частяхъ свѣта и забытъ послѣ успѣховъ, которые отъ времени борьбы съ Наполеономъ выпали на долю Англіи во внѣшней политикѣ, въ развитіи промышленности и міровой торговли. Англичанинъ привыкъ собирать поборы съ самыхъ разнообразныхъ племенъ и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара. Англійскій флагъ сталъ развѣваться на всѣхъ моряхъ. Англійскій языкъ сталъ слышаться все чаще и чаще въ самыхъ глухихъ мѣстахъ обоихъ полушарій. Англійскіе товары нигдѣ не встрѣчали соперниковъ. Увѣренные въ твердости своего положенія, въ своей непобѣдимости, какъ промышленники и торговцы, англичане провели въ торговой политикѣ принципъ почти неограниченно свободнаго обмѣна. Не мудрено, что эти впечатлѣнія внѣдряютъ въ англичанина отъ ранняго дѣтства убѣжденіе въ собственномъ превосходствѣ надъ всѣми другими народами. Не мудрено, что англичанинъ, и притомъ во всѣхъ общественныхъ слояхъ, нѣсколько ослабѣлъ въ предпріимчивости, больше проникся самоувереніемъ, чѣмъ бы слѣдовало. Все это, однако,

²⁾ *Economist*, 17 May 1902.

не даетъ основанія говорить объ упадкѣ Англіи: народъ, издавна привыкшій къ самодѣятельности, воспитавшій энергію воли, сумѣетъ преодолѣть временныя колебанія и двинуться впередъ съ новой силой.

Положеніе Франціи представляется менѣе благопріятнымъ. Ея промышленность дѣлаетъ мало успѣховъ; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ наблюдается даже застой. Вывозъ фабрикатовъ, которые составляли славу французскаго трудолюбія, уменьшается; заграничный отпускъ шерстяныхъ и шелковыхъ товаровъ, давшій за 1895 годъ цѣнность въ 601.400,000 франковъ, послѣ колебаній опустился въ 1899 году до 542.300,000 франковъ. Торговый флотъ Франціи совсѣмъ незначителенъ: въ 1850 году онъ, слишкомъ вдвое превышалъ германскій: 683,000 и 200,000 тоннъ въ 1870 г. второй почти сравнялся съ первымъ: Германія имѣла 928,000 тоннъ, а Франція 1.072,000. Въ 1899 году мы находимъ огромный перевѣсъ на сторонѣ Германіи: у нея было 1.735,000 тоннъ, тогда какъ вмѣстимость судовъ Франціи сократилось до 1.052,000 тоннъ. Какъ относительно торговаго флота, такъ и относительно всѣхъ сторонъ хозяйственной жизни, положеніе Франціи представляется особенно неблагопріятнымъ при сравненіи съ Германіей: въ 60-хъ годахъ первая была впереди почти на всѣхъ пунктахъ; за послѣднее время Германія обогнала ее. Нерѣдко объясняютъ застой Франціи слабымъ приростомъ населенія. Французскіе писатели сѣтуютъ по поводу малой рождаемости у французовъ, проводятъ мысль, что люди, намѣренно ограничивающіе число дѣтей, смотрятъ на будущее съ боязнью и не имѣютъ энергіи, столь необходимой для хозяйственныхъ успѣховъ ³⁾. Это объясненіе не можетъ быть принято. Будь оно вѣрно, то экономическіе успѣхи страны становились бы медленнѣе по мѣрѣ уменьшенія рождаемости. Но мы не видимъ этого. Маленькая и рѣдко населенная Швеція сдѣлала въ концѣ 19-го вѣка большіе успѣхи, а приростъ ея населенія уменьшился болѣе, чѣмъ на половину: въ 40-хъ, 50-хъ, 60-хъ годахъ прошлаго вѣка ежегодный приростъ составлялъ 1,07—1,08‰, а въ 80-хъ годахъ только 0,50‰. И данныя изъ жизни Франціи побуждаютъ насъ оспаривать это объясненіе. Мелкіе крестьяне-собственники Франціи особенно заботятся о томъ, чтобы число дѣтей не было велико. И, именно, въ этой средѣ мы замѣчаемъ проявленіе большой энергіи; она сказалась въ возобновленіи огромныхъ площадей виноградниковъ, уничтоженныхъ филлоксерой. Если бы слабый приростъ населенія такъ умалялъ энергію французовъ, какъ думаютъ многіе писатели, то возстановленіе сотенъ

³⁾ Blondel. La France et le marché du monde, 1901. 90—96.

тысячъ гектаровъ, опустошенныхъ филлоксерой, не было бы выполнено въ столь короткое время.

Я считаю главной причиной застоя французской экономической жизни бюрократизмъ; онъ давилъ Францію нѣсколько столѣтій тому назадъ и давить ее до сихъ поръ. Бюрократизмъ дѣлаетъ государственную службу особенно привлекательной; онъ побуждаетъ стремиться къ ней массы молодежи, которыя въ болѣе свободныхъ странахъ посвящаютъ себя промышленнымъ занятіямъ. Бюрократизмъ ведетъ къ изданію безчисленнаго множества законовъ, которые стѣсняютъ предпріимчивость людей. И при бюрократизмѣ могутъ быть сдѣланы успѣхи въ экономической жизни; но они ограничиваются преимущественно тѣмъ, что соотвѣтствуютъ укоренившимся образцамъ, за которыми стоитъ старинный, всѣмъ извѣстный обычай. Всюду же, гдѣ нужно обнаружить предпріимчивость, пойти по новому пути, начать дѣло неизвѣданное, связанное съ большимъ рискомъ, административная опека служитъ большой помѣхой.

Населеніе страны, скованное бюрократическимъ управленіемъ, при широкомъ размахѣ предпріимчивости, охотнѣе посвящаетъ себя такимъ занятіямъ, въ которыхъ мало новизны. Многіе готовы открыть лавку, трактиръ, пекарню на ряду съ безчисленнымъ множествомъ лавокъ, трактировъ и булочныхъ, но лишь очень рѣдко находятся люди, готовые пожертвовать своимъ временемъ и денежными средствами, чтобы заняться малоизвѣстной отраслью производства. Достааетъ энергіи, чтобы упорно трудиться надъ возобновленіемъ виноградниковъ, но нѣтъ смѣлости посвятить себя отраслямъ промышленности, которыя изготовляютъ значительную массу товаровъ для иноземныхъ рынковъ, гдѣ не можетъ пособить вся попечительность своего начальства.

Страны жаркихъ поясовъ сдѣлали за послѣднее десятилѣтіе также очень крупныя успѣхи. Фридрихъ Листъ не считалъ возможнымъ, чтобы обрабатывающая промышленность когда-либо достигла подъ тропиками значительнаго развитія. Но это движеніе уже началось. Въ Мексикѣ окрѣпло хлопчатобумажное дѣло. Чулковазальная промышленность такъ упрочилась въ этой странѣ, что ввозъ чулокъ замѣтно уменьшился. Подвинулась впередъ и обработка шерсти. 50,000 мексиканцевъ уже кормятся отъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ. Замѣтно подвинулось впередъ и производство мебели. Въ Аргентинѣ развивается электротехническое производство. Бразилія не отстаетъ отъ своей сосѣдки: вѣлѣдствіе высокихъ таможенныхъ налоговъ въ Бразиліи, выросло хлопчатобумажное дѣло; 15 крупнѣйшихъ предпріятій изготовили за 1900 г. больше 116.000,000 метровъ тканей; возни-

каютъ также фабрики шерстяныхъ и джутовыхъ издѣлій; зарождается электро-техническая промышленность.

Въ Остѣ-Индіи обработка хлопка представлена такими цифрами: 190 фабрикъ съ капиталомъ въ 275 милліоновъ франковъ и 156,000 рабочихъ. Выработкой джута занято 110,000 рабочихъ; въ эту отрасль вложено 80 милліоновъ франковъ. Для 1901 г. опредѣляютъ въ 480 милліоновъ франковъ капиталъ, вложенный въ банки и промышленныя предпріятія этой страны. Остѣ-Индіа имѣетъ для развитія многосторонней экономической жизни тѣ благопріятныя условія, что населеніе сохранило наслѣдственный навыкъ къ промышленнымъ занятіямъ. Въ сѣверозападныхъ провинціяхъ Индіи возстановили нѣкоторые архитектурныя памятники временъ Великаго Могола. Изъ рабочихъ, нанятыхъ для этого сооруженія, многіе оказались превосходными ремесленниками. По всей вѣроятности, предки этихъ людей работали при Акбарѣ. Для постройки дворца въ Миссорѣ нужно было больше 1,000 искусныхъ каменщиковъ, плотниковъ, рабочихъ по металламъ. И таковыя были найдены ⁴⁾. Согласно съ переписями 1875 и 1895 годовъ, въ Остѣ-Индіи были заняты: обработкой волокнистыхъ веществъ 2.490,000 и 2.883,000, металловъ и драгоценныхъ камней—745,000 и 870,000, стекла и глиняныхъ издѣлій—446,000 и 501,000, кожи, кости и рога—575,000 и 666,000 человекъ.

Въ Японіи развились разныя отрасли производства. Вотъ нѣкоторыя цифры: въ 1886 году издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ оцѣнивались въ 17.825,645 іенъ, а въ 1898—въ 143.739,198. Количество бумажной пряжи, произведенной въ 1886 году, равнялось 1.785,424 кванъ (8,281 ф.=1 кванъ), а въ 1898—33.546,489 кванъ. Торговый флотъ Японіи достигъ въ 1898 году почти полумилліона тоннъ. Упомянемъ также о Сіамѣ. За послѣдніе годы въ Банкокѣ стали возникать разныя промышленныя заведенія особенно электротехническія, и обширныя лѣсопилины для заготовленія матеріаловъ изъ цѣнныхъ лѣсныхъ породъ. Пути сообщенія въ этой странѣ совсѣмъ первобытны. Иногда деревья передвигаются нѣсколько лѣтъ изъ лѣсовъ на сѣверѣ Ріама до Банкока сперва на слонахъ, а потомъ—водой. При обмелѣніи рѣчекъ, многія деревья застряваютъ въ руслахъ по нѣсколько лѣтъ.

Однородный процессъ наблюдается и въ русской промышленности. Цифры, собранныя министерствомъ финансовъ, представляютъ намъ промышленность въ такомъ видѣ. Въ 1897 году насчитывали 39,029 фабрикъ и заводовъ; они выработали издѣлій

⁴⁾ Chatterton. Industrial Education in India. *Calcutta Review*, april 1902.

на 2.839,144,000, слишкомъ вдвое больше, чѣмъ въ 1887 году: тогда цѣнность изготовленныхъ издѣлій составляла только 1.334.499,000 рублей. Число рабочихъ возрасло за этотъ періодъ почти въ $1\frac{1}{2}$ раза: отъ 1.318,048 въ 1887 году оно поднялось до 2.098,262 въ 1897. Во главѣ отраслей промышленности Россіи стоитъ обработка волокнистыхъ веществъ съ годичной цѣнностью издѣлій въ 946.296,000 рублей. Приготовление питательныхъ продуктовъ съ цѣнностью издѣлій въ 648.166,000 занимаетъ второе мѣсто. Третьею и четвертою группами являются горное и горнозаводское дѣло съ цѣнностью издѣлій въ 393.749.000 рублей и изготовление металлическихъ издѣлій—на 310.626.000 въ годъ. По сравненію съ 1887 годомъ, наибольшаго относительнаго развитія достигли слѣдующія группы: обработка дерева (25.688.000 и 102.897.000 рублей), химическія производства (21.509.000 и 59.555.000 руб.), металлическія издѣлія (112.618.000 и 310.626.000 р.), горное и горнозаводское дѣло (156.012.000 и 393.749.000 руб.). Обработка волокнистыхъ веществъ также увеличилась слишкомъ вдвое (463 и 946 миллионѣвъ). Почти $\frac{3}{5}$ изъ общаго числа рабочихъ приходится на обработку волокнистыхъ веществъ (642.500) вмѣстѣ съ горнымъ и горнозаводскимъ дѣломъ (544.333).

Развитію промышленности повсюду сопутствовало нарастаніе другихъ экономическихъ явленій: удлиненіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, ростъ торговаго флота, увеличеніе числа кредитныхъ учрежденій и расширеніе ихъ оборотовъ, основаніе учебныхъ заведеній, служащихъ промышленности, распространеніе почтовыхъ и телеграфныхъ учреждений и т. д. и т. д. Приведемъ нѣкоторыя цифры. Въ 1840 году желѣзнодорожное дѣло было въ зародышѣ: длина желѣзныхъ путей на земномъ шарѣ составляла только 8.641 километровъ. А въ 1900 г. было 756.671 километровъ; изъ этого $\frac{2}{5}$ причитаются на Соединенные Штаты (въ 1898 году 307.050 километровъ). Торговый флотъ даетъ намъ такую картину. Въ 1874 году вмѣстимость торговаго флота всѣхъ странъ достигала 17.994.000 тоннъ, а въ 1901 году—22.782.000 тоннъ. Въ началѣ этого періода преобладали парусныя суда (14.523.000 тоннъ вмѣстимости); за послѣднее же время пароходы получили большой перевѣсъ (14.663.000 тоннъ.).

Въ развитіи экономической жизни названныхъ странъ и многихъ другихъ мы находимъ, на ряду со сходствами, и существенныя различія. Отмѣтимъ два основныхъ сходства.

1) Почти вездѣ сельское хозяйство утратило значеніе, которое оно имѣло раньше, скажемъ, полъ вѣка тому назадъ. Не слѣдуетъ думать, будто состояніе сельскаго хозяйства измѣнилось къ худшему. Мѣстами его состояніе ухудшилось; въ другихъ странахъ оно утратило свое значеніе только относительно:

бывъ ранѣе главнымъ источникомъ богатства, оно или уступило эту роль обрабатывающей промышленности или же сохранило ее за собой, но предоставило фабричной промышленности больше мѣста, чѣмъ послѣдняя занимала раньше. Утрата сельскимъ хозяйствомъ значенія первоисточника народнаго дохода совершилась въ Англіи давно, еще въ первой половинѣ 19 столѣтія. За послѣднія десятилѣтія это выпало на долю Германіи, которая и стала страной, ввозящей массу хлѣба. Теперь въ ней живетъ только 40% населенія на доходъ отъ сельскаго хозяйства, а 60% отъ промышленности и торговли. За 1900 г. всѣ доходы плательщиковъ, подлежащіе подоходному налогу въ Пруссіи, были опредѣлены въ 7.841.000.000 марокъ; изъ нихъ причиталось 5,489 милліоновъ на города и 2,351 милліонъ на деревни. Подобное же явленіе мы находимъ и въ другихъ государствахъ Германіи. Между 1879 и 1892 годами въ городахъ Саксоніи доходъ поднялся отъ 545 до 1040 милліоновъ марокъ, а въ деревняхъ отъ 499 до 672 милліоновъ. Фабрики и заводы Германіи сдѣлали очень большіе успѣхи; а способы пользованія землей измѣнились очень мало. Въ 1883 и 1900 годахъ культуры распредѣлялись такъ: 26.177.351 и 26.257.696 гекторовъ подъ пашнями и садами, 5.903.501 и 5.965.117 гектаровъ подъ лугами и 13.908.398 и 13.995.513 гект. подъ лѣсами. Тоже можно сказать относительно Бельгіи и Швейцаріи. Въ нѣкоторыхъ странахъ—Франція, Австро-Венгрія—сельское хозяйство уступило фабричной промышленности часть своего прежняго значенія. Въ иныхъ, какъ Соединенные Штаты, сельское хозяйство далеко подвинулось впередъ и сохранило значеніе главной отрасли народнаго труда, но успѣхи обрабатывающей промышленности, еще недавно очень мало развитой, отвели ей важное мѣсто въ экономической жизни всей страны. Отчасти можно сказать это и о Россіи.

Мы находимъ въ хозяйственномъ развитіи народовъ ту вторую общую черту, что малоимущіе классы населенія извлекли изъ успѣховъ промышленности гораздо меньше выгодъ, чѣмъ состоятельные классы.

За этими сходствами начинаются существенныя различія. Въ деталяхъ ихъ очень много. Различіе же общаго характера сводится къ тому, что въ однѣхъ странахъ развитіе экономической жизни даетъ картину цѣльнаго движенія, гармонично охватывающаго всѣ стороны быта, въ другихъ же—не наблюдается такой гармоніи. Чѣмъ меньше областей не затронуты этими успѣхами, тѣмъ съ большею увѣренностью можно говорить о многостороннемъ развитіи даннаго народа.

Соединенные Штаты и Германія служатъ лучшими примѣрами того, насколько движеніе можетъ быть гармонично. За по-

слѣднее время въ хозяйственной жизни сѣверо-американцевъ была одна слабая сторона: упадокъ торговаго судоходства. Отъ 1874 до 1901 года торговый флотъ замѣтно пошелъ назадъ: въ началѣ этого періода флотъ Соединенныхъ Штатовъ вмѣщалъ 2.684.009 тоннъ, а въ 1898 году—1.831.000. Уменьшеніе отразилось и на участіи американскаго флота во внѣшней торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ: въ 1869 году судовъ подъ американскимъ флагомъ было 23,1% общаго числа судовъ, въ 1889—14,3, а въ 1899—только 8,9%. Упадокъ торговаго флота въ странѣ, которая ведетъ большую внѣшнюю торговлю и имѣетъ на двухъ океанахъ береговую полосу во много тысячъ верстъ, представляется явленіемъ ненормальнымъ. Оно объясняется, преимущественно, тѣмъ, что высота таможеннаго налога на матеріалы для судостроенія, удорожала постройку судовъ и не позволяла американскимъ пароходамъ соперничать съ пароходами другихъ странъ, сдѣланными изъ болѣе дешеваго матеріала. Но энергія американцевъ стремится быстро пополнить и этотъ пробѣлъ. Въ маѣ 1901 года уже сдѣланъ важный шагъ въ этомъ направленіи. Американскіе капиталисты съ Моргэномъ во главѣ купили цѣлую англійскую пароходную линію (Leyland). Владѣя 34 пароходами вмѣстимостью въ 300.000 тоннъ, она совершаетъ правильные рейсы изъ Ливерпуля въ Средиземное море и Востокъ-Индію. Ея акціи стоили при покупкѣ 1.200.000 фунт. стерл. Американскіе капиталисты дали 1.760.000 фунтовъ, и владѣльцы акцій, соблазненные высокимъ барышомъ, согласились на продажу. Эта покупка является очень крупнымъ предпріятіемъ. Германіи понадобилось 29 лѣтъ (1870—99), чтобы увеличить торговый флотъ на 807.000 тоннъ. Еще нѣсколько такихъ покупокъ—а при огромномъ запасѣ капиталовъ въ Соединенныхъ Штатахъ это можетъ быть совершено въ короткое время—и сѣвероамериканскій флотъ займетъ первое мѣсто послѣ англійскаго.

Германія служить другимъ примѣромъ болѣе или менѣе нормальнаго развитія всѣхъ сторонъ хозяйственной жизни. Сюда же слѣдуетъ приобщить и нѣкоторыя маленькія страны, особенно Бельгію, Швейцарію, Данію. Такое развитіе есть слѣдствіе свободнаго дѣйствія цѣлага ряда причинъ, которыми опредѣляются экономическіе успѣхи народа.

Соединенные Штаты обладаютъ всѣми этими условіями и населеніе пользуется ими съ большимъ искусствомъ. Особенности климата—отъ умѣреннаго до жаркаго—дѣлаютъ возможнымъ чрезвычайное разнообразіе сельскаго хозяйства. Богатое царство ископаемыхъ даетъ матеріалъ для всевозможныхъ отраслей, обрабатывающихъ металлы и минералы, а также для денегъ. Къ этому присоединяются личныя качества людей. Всѣ

разсужденія о поразительной предпріимчивости и изобрѣтательности американцевъ стали общимъ мѣстомъ, а потому нѣтъ надобности останавливаться на нихъ. Выселенцы въ другія страны — особенно въ колоніи, населенныя выходцами изъ англогерманскаго міра, по своимъ личнымъ качествамъ не уступаютъ выселенцамъ въ Соединенные Штаты. Но на сторонѣ послѣднихъ то преимущество, что имъ достались болѣе обильныя естественныя богатства. Въ этомъ отношеніи съ Соединенными Штатами не могутъ соперничать австралійскія колоніи, внѣшняя природа которыхъ довольно однообразна. Въ Южной Америкѣ есть обширныя пространства, не уступающія Соединеннымъ Штатамъ, но поселенцы принадлежатъ къ романской расѣ, менѣе предпріимчивой и менѣе способной къ напряженному труду. Отлично пользуясь естественными богатствами страны, сѣвероамериканцы создали цѣлый рядъ условій, важныхъ для процвѣтанія промышленности. Они упорядочили заселеніе пустующихъ земель и далеко расширили предѣлы сельскаго хозяйства. Они поняли значеніе усовершенствованныхъ путей сообщенія, покрыли страну очень густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ и каналовъ. Они сознали, какъ важны для торговли разныя приспособленія (кредитныя учрежденія, элеваторы и т. д.) и сдѣлали много для ихъ развитія. Они пришли къ убѣжденію, что сосредоточеніе капиталовъ способствуетъ усовершенствованію производства и довели концентрацію до размѣровъ, неизвѣстныхъ другимъ странамъ. Покровительственная таможенная политика сѣвероамериканцевъ не занимаетъ первенствующаго мѣста среди этихъ условій, но она несомнѣнно ускорила возникновеніе и развитіе многихъ отраслей. Итакъ, населеніе Соединенныхъ Штатовъ неутомимо работало надъ усиленіемъ дѣйствія тѣхъ причинъ, которыя непосредственно связаны съ экономической жизнью. При этомъ не останавливалась работа и надъ усовершенствованіемъ общекультурныхъ условій: распространеніе знаній въ массахъ народа, созданіе учебныхъ заведеній для развитія техническихъ знаній. Личную свободу гражданъ, необходимую для развитія предпріимчивости, ревниво оберегали и продолжаютъ оберегать отъ всякихъ посягательствъ.

Къ странамъ Европы не примѣнимы нѣкоторыя изъ установленныхъ положеній. Но тамъ, гдѣ наиболѣе подвинулись въ области хозяйства, замѣчается усиленная работа надъ всѣми условіями, способствующими успѣхамъ народа. Въ Германіи, Швейцаріи, Даніи, даже Австро-Венгріи дѣлаются уже нѣсколько десятилѣтій напряженныя усилія, чтобы провести въ народъ значительную сумму общихъ техническихъ знаній. Личная свобода сдѣлала повсюду замѣтные успѣхи. Нѣтъ основаній счи-

татъ покровительственную таможенную политику главной причиною успѣховъ, которые сдѣланы передовыми народами Европы.

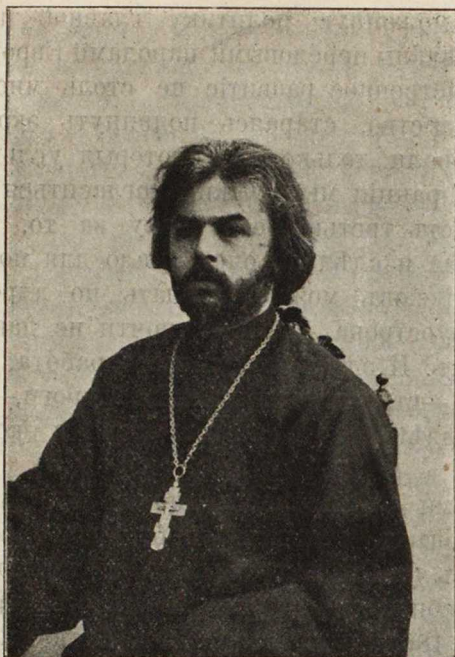
Тамъ, гдѣ народнохозяйственное развитіе не столь многосторонне, общество и государство, стараясь подвинуть экономическую жизнь, воздѣйствовали только на нѣкоторыя условія, а не на всѣ. Относительно Франціи мы должны согласиться съ писателями, которые упрекаютъ третью республику за то, что она не ослабила бюрократизма и сдѣлала очень мало для популяризаціи знаній. Много упрековъ можно сдѣлать по адресу Италіи и Пиринейскаго полуострова, которые почти не даютъ признаков движенія впередъ. И здѣсь выполнялась работа, которая уже стала шаблонною,—строились желѣзныя дороги,—но не принималось мѣръ для воздѣйствія на разныя стороны экономической жизни.

Параллельно съ успѣхами въ промышленности мы замѣчаемъ въ главныхъ культурныхъ странахъ и большой ростъ потребленія, какъ предметовъ необходимости, такъ и товаровъ, которые удовлетворяютъ потребностямъ удобства. Возьмемъ цифры для Англіи за 37 лѣтъ, отъ 1860 до 1896 года. Потребленіе мяса на душу возросло съ 100,51 фунта въ 1868 году до 130,39 фунтовъ въ 1896 г. Въ началѣ этого періода на 1 англичанина приходилось 34,14 ф. сахару, а въ концѣ его—85,29. Среднее потребленіе чаю поднялось съ 2,67 на 5,77 фунта. Потребленіе хлопчатой бумаги не увеличилось (39,63 въ 1860 году и 39,81 ф. въ 1896 г.), но улучшеніе одежды доказывается распространеніемъ шерстяныхъ тканей: въ 1860 году на 1 англичанина приходилось 8,65 ф. шерсти, а въ 1896—13,40. Мы находимъ однородные факты въ другихъ странахъ и относительно другихъ товаровъ.

Не останавливаясь на изслѣдованіи условій, при которыхъ развивалась промышленность въ мало подвинувшихся странахъ—Италіи или Испаніи, мы попытаемся выяснитъ это относительно Россіи.

А. Исаевъ.

Григорій Спиридоновичъ Петровъ.

Священ. Г. Петровъ.

Дорожныя думы и впечатлѣнія.

(По городамъ Европы).

I.

Теперь самые большіе европейскіе города въ большинствѣ случаевъ щеголяютъ главнымъ образомъ своимъ вышнимъ благоустройствомъ: мостовыми, освѣщеніемъ, бойнями, водопроводомъ и т. д. Въ этомъ отношеніи всякое нововведеніе, улучшеніе въ хозяйствѣ одного города тотчасъ-же дѣлается достояніемъ всѣхъ городовъ остального цивилизованнаго міра. Но внутреннее благоустройство городовъ, вѣрнѣе самихъ горожанъ, ихъ духовное развитіе, нравственное воспитаніе оставляютъ желать очень многого.

Нѣкогда мать Гракховъ, среди римскихъ матронъ, на громкую похвалу ихъ то красотой лица, то блескомъ нарядовъ, то богатствомъ украшеній, указала на двухъ своихъ сыновей, гордость и утѣшеніе римскаго народа, и съ достоинствомъ сказала:

— Я воспитала этихъ птенцовъ.

Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы городскія управленія, въ случаѣ какихъ-либо научныхъ многочисленныхъ съѣздовъ въ городѣ, или общественныхъ конгрессовъ, могли указать пріѣзжимъ не бойни только, элеваторъ, доки, какъ это бываетъ часто теперь, а прежде всего, какъ лучшую силу и украшеніе, — городскія школы, свои образовательныя и воспитательныя учрежденія, затѣмъ въ любое время дня уличную толпу, вообще молодежь, новое поколѣніе и, подобно матери Гракховъ, сказать:

— Насколько зависѣло отъ насъ, это мы вырастили и воспитали такое свѣтлое и духовно-сильное поколѣніе.

Кое-что въ данномъ направленіи кое-гдѣ и дѣлается, иногда дѣлается даже очень хорошо, но пока все разсѣяно, раздроблено, является удачными попытками, счастливыми исключеніями. Необходимо, чтобы все это единичное свѣтлое стало общимъ правиломъ, сдѣлалось повсемѣстнымъ достояніемъ.

Я былъ въ Прагѣ, въ столицѣ Чехіи. Тамъ, на одной изъ главныхъ улицъ, на высокомъ концѣ ея, на холмѣ, видное издали, стоитъ громадное красивое зданіе. Это—городской музей. Въ немъ собрано все, что такъ или иначе наглядно можетъ освѣтить исторію чешскаго народа. Тутъ и металлы, добываемые въ Чехіи, и всѣ виды мѣстныхъ растений, животныхъ, птицъ и рыбъ, всевозможные промыслы, наконецъ, длинный рядъ большихъ стеклянныхъ витринъ. За этими стеклами устроена богатѣйшая этнографическая выставка. Каждая витрина—цѣлая крестьянская изба той или другой мѣстности Чехіи. Вся обстановка, утварь, фигуры людей—мужчинъ, дѣтей и женщинъ, одѣтыхъ въ мѣстные костюмы,—наглядно говоритъ, какъ идетъ жизнь въ разныхъ концахъ Чехіи.

Я былъ въ музеѣ трижды и каждый разъ былъ пораженъ обиліемъ школьниковъ. Учителя приводили свои школы и въ нѣсколько пріемовъ объясняли, рассказывали, что было и что есть у нихъ въ Чехіи.

Другой примѣръ. Я былъ въ Австріи, въ Триестѣ. Окна моей комнаты въ гостиницѣ выходили на главную городскую площадь. Какъ-то я долго наканунѣ засидѣлся на морѣ, пришелъ домой и еще долго просидѣлъ такъ у окна, наслаждаясь теплою ночью и чистымъ морскимъ воздухомъ. Легъ спать поздно. Вдругъ, утромъ просыпаюсь: подъ окномъ гремитъ музыка. Глаза слипаются, страшно хочется спать. Очевидно, еще рано; а музыка гремитъ и гремитъ. Беру часы—семь. Подхожу къ окну—по площади маршируетъ цѣлая армія малышей, учениковъ городскихъ школъ, а впереди батальонъ изъ товарищей-музыкантовъ, цѣлый заправскій военный духовой оркестръ.

Я заинтересовался, забылъ сонъ, быстро одѣлся и пошелъ за ними. Ученики отправлялись на морскую прогулку. У берега ихъ ждалъ большой городской «пожарный» пароходъ и они съ музыкой, съ пѣніемъ отплыли въ море.

Надо было видѣть радость, оживленіе, блескъ глазъ дѣтвора! А музыканты? Съ какою серьезностью, сознаніемъ долга они надували свои милыя лица!

Третій примѣръ и послѣдній. Я былъ въ Берлинѣ за городомъ, на окраинѣ Тиргартена. Отошелъ отъ дороги въ сторону и съ книгой сѣлъ на полянкѣ. День былъ тихій, теплый. Кругомъ тишина. Я смотрѣлъ на памятникъ какому-то нѣмецкому герою посреди поляны, слушалъ, какъ жужжатъ пчелы, и мечталъ. Вдругъ послышалось пѣніе. Оно росло и приближалось. Пѣли громко и удивительно стройно. Очевидно, пѣлъ большой и хорошо организованный хоръ. Голоса были дѣтскіе. Я пошелъ на пѣніе. Изъ-за поворота показалась сотенная толпа дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. То была прогулка городскихъ школьниковъ.

Дѣти шли рядами. На каждые четыре-пять рядовъ были учитель или учительница. Сбоку шелъ руководитель прогулки. Сзади въ повозкѣ, на маленькой ручной тележечкѣ дѣтшки на себѣ везли свои закуски и приспособленія для игры.

У полянки всѣ остановились и окружили руководителя. Онъ велѣлъ достать сачки и поймать бабочку. Десятки дѣтшекъ съ веселымъ крикомъ бросились ловить и черезъ двѣ-три

минуты осторожно въ сачкахъ принесли пятокъ бабочекъ. Руководитель выбралъ самую красивую, большую, съ причудливой формой и нѣжной окраски крыльями.

— Смотрите, дѣти, какая красота!—сказалъ онъ окружающій его толпѣ.—Никакія кружева не сравняются по нѣжности съ этими крыльями и никакой художникъ не нарисуетъ такъ мягко, такъ чудно-красиво, а мы съ вами возьмемъ вотъ сейчасъ, тряхнемъ бабочку и осыплется волшебная пыль ея крыльевъ; дадимъ ей щелчка—и умереть наша красавица, повиснутъ нѣжные крылья. И выйдетъ: Богъ создалъ, а грубый человѣкъ разрушилъ. И такъ во всемъ, во всемъ Божьемъ мірѣ: человѣкъ больше губить, разрушаетъ жизнь и безобразитъ красоту. Посмотрите сейчасъ на эту тихую и милую полянку: люблю смотреть, картинка; а мы побудемъ здѣсь, все перемнемъ, потопчемъ, переломаемъ кусты, разгонимъ птицъ, разоримъ гнѣзда, внесемъ ужасъ и смерть, и мирная полянка станетъ уголкомъ ада.

— Мы не будемъ ничего ломать, — закричали дѣти, — не станемъ мучить, разорять и убивать.

— Хорошо, дѣтишки, — продолжалъ руководитель; — но только это надо помнить не на одной этой полянкѣ, а на всемъ полѣ жизни. Одинъ великій мудрецъ говорилъ: «Богъ создалъ міръ и далъ тварямъ жизнь, а все живущее должно Творца благословлять. Я, если бы былъ цвѣткомъ, прославлялъ бы Его ароматомъ; если бы былъ соловьемъ, прославлялъ бы Его пѣніемъ; если бы былъ жукомъ, прославлялъ бы Его жужжаніемъ; но такъ какъ я человѣкъ, существо, озаренное разумомъ и сердцемъ, то я буду прославлять Бога разумной жизнью и любовью ко всему живущему—отъ червяка до человѣка». Наслаждайтесь же, дѣти, сейчасъ здѣсь, на поляхъ и въ лѣсу, сами Божьимъ міромъ и оставьте благословлять Творца все живущее здѣсь.

Руководитель выпустилъ бабочку. Та полетѣла, за ней разсыпалась дѣтвора. Дѣтишки бѣгали, играли въ игры, гонялись за бабочками и снова ихъ пускали. Когда устали, разсѣлись около учителей и учительницъ. Тѣ называли имъ жучковъ, деревья, цвѣты; говорили, какъ все это живетъ, какъ тѣсно связано все въ одно цѣлое. Говорили не школьнымъ языкомъ, по книгѣ, съ тычинками, усиками, щупальцами и другими скучными вещами, а такъ, что дѣти то замирали отъ вниманія, то катились по землѣ отъ смѣха. Нѣсколько человѣкъ навали цвѣтовъ и украшали памятникъ. Двое сидѣли въ сторонкѣ и набрасывали карандашомъ у себя въ тетрадкѣ памятникъ.

Послѣ закуски руководитель собралъ дѣтей къ памятнику и объяснилъ, кто этотъ герой, когда онъ жилъ и что сдѣлалъ.

— Грубое тогда было время, говорилъ онъ,—грубые жили люди, грубые и средства дѣйствія употребляли. Сами другихъ боялись и на другихъ умѣли только страхомъ дѣйствовать. Оттого и сами жили за толстыми каменными стѣнами, и ходили закованные въ желѣзо, и всѣ дѣла свои, споры, недоумѣнія рѣшали кулакомъ. Этотъ герой жилъ въ то «кулачное» время и много послужилъ родинѣ, не жалѣлъ своего тѣла, много пролилъ своей крови. Помянемъ его добрымъ словомъ, уберемъ памятникъ его цвѣтами, но за нимъ, за его славой не пойдемъ.

— Теперь иное время. Мѣсто кулака должны занять голова и

сердце. Нужно все правильно понять, по совѣсти рѣшить и сдѣлать такъ, чтобы ни совѣсть, ни разумъ тебя не могли укорить.

— Учитесь же, дѣтишки,—закончилъ руководитель,—набирайтесь разума и берегите свое доброе дѣтское сердце, не давайте въ немъ мѣста кулаку... А теперь пора и домой.

— Сказку! Сказку! Вы обѣщали намъ разсказать сказку!—закричали дѣти въ одинъ голосъ.

Очевидно, руководитель хорошо разсказывалъ сказки и дѣти на десертъ прогулки требовали сказку.

— Хорошо,—сказалъ руководитель.—Сказку, такъ сказку. Садитесь въ кружокъ, слушайте.

— Жиль-былъ мальчикъ. Мальчикъ, какъ мальчикъ; порой добрый, послушный, умный и порой глупый и капризный злока. Всяко бывало. Встрѣтила этого мальчика добрая фея и дала ему маленькій золотой колокольчикъ; а чтобы онъ колокольчикъ тотъ не потерялъ, она спрятала его мальчику въ груди. Попадеть мальчикъ къ дурнымъ людямъ, увидить, что худое, или самъ задумаетъ что злое, колокольчикъ начинаетъ тихо и жалобно звонить и такъ отъ этого звона мальчику грустно становилось на сердцѣ, противны дѣлались и зло другихъ людей, и собственныя скверныя думы, что онъ бѣжалъ отъ нихъ, закрывалъ глаза, затыкалъ уши,—а стихалъ колокольчикъ, проходила грусть.

Когда же мальчикъ дѣлалъ что-нибудь доброе, замышлялъ хорошее—колокольчикъ начиналъ громко и весело звонить, и звонъ его наполнялъ сердце мальчика свѣтлою радостью. Мальчикъ ходилъ веселый, лицо свѣтлое, глаза ясные голубые.

Росъ мальчикъ, выросалъ у него и колоколъ въ груди и громче и яснѣе теперь слышалъ юноша чудный звонъ внутри. Много онъ подъ этотъ звонъ сдѣлалъ добра людямъ, и когда онъ умеръ, когда въ груди его смолкъ послѣдній ударъ чуднаго колокола, тогда по всѣмъ церквамъ города загудѣли погребальныя колокола и люди говорили про умершаго:

— Вся жизнь его была чуднымъ благовѣстомъ добра и правды на землѣ.

— Вотъ и сказки конецъ,—сказалъ разсказчикъ,—но мнѣ хотѣлось бы, чтобы она не кончилась совсѣмъ, чтобы она продолжалась долго, повторялась во всѣхъ васъ, малышахъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы она всѣмъ вамъ въ груди повѣсила золотой колокольчикъ, и чтобы этотъ колокольчикъ вмѣстѣ съ вами росъ, звонилъ, не смолкая, до вашей смерти.

Сказка кончилась. Дѣти собрались, выстроились рядами и снова съ пѣснями пошли домой.

Вотъ три впечатлѣнія, случайно мною подмѣченныя при поѣздкѣ по чужимъ краямъ. Я не дѣлаю изъ нихъ никакихъ ни общихъ выводовъ, ни частныхъ примѣненій. Можетъ быть, это все единичные случаи, счастливыя исключенія. Я привелъ ихъ для того, чтобы яснѣе показать, какъ бѣдна наша обычная городская школа внутреннимъ содержаніемъ, и какъ многое-многое чуть не само просится въ нее, едва лишь задумаешься, начнешь вникать въ постановку дѣла. Главное же я хотѣлъ отгнать ту мысль, что первая и основная задача городской школы—быть доброй феей для учащихся дѣтей, не начинать имъ только память опредѣленной суммой знаній, а раскрыть имъ

сердце и тамъ глубоко и прочно, на всю жизнь повѣситъ хотя бы маленькій-маленькій, но золотой колокольчикъ.

Впрочемъ, какъ-бы хорошо школьное дѣло въ городахъ поставлено ни было, однихъ начальныхъ и иныхъ какихъ городскихъ школъ недостаточно. Масса городского населенія силою вещей, своимъ малообеспеченнымъ положеніемъ обречена рано становиться на собственные ноги, вынуждена браться за практическія занятія ради куска хлѣба, чуть только мало-мальски окрѣпнуть руки. Поэтому, помимо прекрасно устроенныхъ и многочисленныхъ школъ, въ городѣ необходимъ еще рядъ учреждений, которые бы восполняли пробѣлы въ знаніяхъ, развивали бы умственно и укрѣпляли бы нравственно массу рабочаго и служащаго, вообще, занятаго населенія, преждевременно порвавшаго связь со школой.

Я разумѣю не бібліотеки только для чтенія. Бібліотеки въ данномъ случаѣ—полумѣра. Онѣ уже предполагаютъ въ населеніи любовь къ чтенію, охоту къ книгѣ, стремленіе къ самостоятельнымъ поискамъ знанія. Этого въ большинствѣ даже грамотнаго населенія еще нѣтъ. Все это надо создавать, будить и развивать, въ лучшемъ случаѣ—сильно поддерживать. Вотъ, о средствахъ поддерживать и раздувать священный огонь въ массахъ городского населенія я и хочу говорить.

Г. Петровъ.

Петръ Ге.

Новое искусство.

Конецъ прошлаго столѣтїя, только что отошедшаго въ исторію, ознаменовался страстными спорами въ области искусства. Новизна и оригинальность въ творчествѣ—качества, всегда считавшіяся очень цѣнными, проявляясь новыми и совершенно неожиданнымъ образомъ, стали предметомъ ожесточенныхъ нападокъ одной партіи и страстнаго восхваленія другой. Наконецъ, начали говорить о созданіи новаго стиля, стали утверждать, что мы живемъ въ самое знаменательное время для искусства вообще, и что европейское общество—наканунѣ созданія новыхъ художественныхъ формъ, чего не было со времени развѣта искусства въ Греціи.

Прошло немного времени, всего нѣсколько лѣтъ, и новый стиль можно признать установившимся. Всѣ признаки для признанія этого факта на лицо. Со времени послѣдней всемірной выставки 1900 года новый стиль окончательно завладѣлъ не только выставками произведеній чисто художественныхъ, гдѣ большинство картинъ и статуй носятъ, хотя и въ разной степени, отпечатокъ его вліянія, но и массою промышленныхъ произведеній: матеріи для платьевъ, обои, издѣлія изъ золота, серебра и другихъ металловъ.

Мебель, посуда и рѣзба, даже двери и окна магазиновъ теперь постоянно исполняются по рисункамъ въ новомъ стилѣ. Это очень важное и безошибочное указаніе. Для того, чтобы стиль могъ быть съ такой легкостью примѣняемъ къ всевозможнымъ произведеніямъ ремесла, необходимо, чтобы основанія этого стиля были точно установлены. Простой работникъ, рисовальщикъ-ремесленникъ, рѣзчикъ и столяръ конечно могутъ по желанію заказчика исполнять различные предметы въ опредѣленномъ стилѣ, примѣняя характерныя его формы ко всевозможнымъ практическимъ требованіямъ только тогда, когда стиль этотъ строго установленъ, изученъ и разработанъ во всѣхъ подробностяхъ. Всякая неопредѣленность и неясность будетъ непреодолимымъ препятствіемъ для работника, нуждающа-

гося въ готовомъ матеріалѣ для ремесленныхъ цѣлей. Новый стиль имѣлъ столь быстрое распространеніе, именно потому, что основныя формы его съ самаго начала могли быть очень точно объяснены и указаны въ своихъ характерныхъ признакахъ.

Ничего нѣтъ обычнѣе въ критической литературѣ послѣднихъ двухъ десятилѣтій постоянного обвиненія всякаго художника, примыкавшаго къ новому направленію искусства, къ новому стилю,—въ безтолковости, безсмысленности, юродствѣ и даже безуміи. Критики громко негодовали, искренно удивляясь, какъ послѣ царства реализма, разумнаго изслѣдованія жизни, какъ послѣ многолѣтняго опыта, въ вѣкъ расцвѣта техническаго знанія въ примѣненіи ко всѣмъ областямъ человѣческой жизни, когда, казалось, человѣкъ не можетъ уже отказаться отъ установленныхъ пріемовъ познания дѣйствительности,—вдругъ появились люди, которые желаютъ жить исключительно въ области своей фантазіи, забавляться выдумками, какъ какой-нибудь первобытный дикарь. Очень почтенные цѣнители искусства негодовали и ругались даже, не подозревая, что всѣ ихъ разсужденія справедливы, но самый предметъ, о которомъ они говорятъ, ими еще не изслѣдованъ и потому всѣ выводы, исходя изъ невѣрныхъ положеній, должны быть несправедливы. Прошло очень немного лѣтъ, новый стиль сталъ уже обычнымъ явленіемъ. Его вполне возможно и легко изучить во всѣхъ подробностяхъ, и прежнимъ нападкамъ не можетъ быть уже мѣста. Не должно быть мѣста и самообману въ смыслѣ крайней исключительности въ восхищеніи новымъ стилемъ. Нельзя никоимъ образомъ сказать, что съ появленіемъ новаго стиля все сдѣланное человѣчествомъ до нашего времени должно отойти на второй планъ и уступить мѣсто новому искусству. Напротивъ, изучая характерные признаки новаго стиля и оцѣнивая его, какъ выразителя опредѣленнаго содержанія мысли и чувства, необходимо признать, что онъ далеко не всеобъемлющъ и, весьма пригодный для специальныхъ цѣлей, въ виду которыхъ онъ и былъ созданъ, онъ совсѣмъ безсиленъ для выраженія многого такого, что осталось намъ въ наслѣдство отъ прежнихъ поколѣній и отказываться отъ чего мы вовсе не желаемъ.

Всѣ противники новаго направленія были прежде всего неправы въ томъ, что не признавали прямой органической и логической связи новаго стиля съ предшествовавшимъ ему реализмомъ. Новый стиль есть именно прямое послѣдствие развитія точныхъ знаній во всѣхъ областяхъ умственной дѣятельности. Именно духъ изслѣдованія, открытія въ области физики, безчисленные опыты, произведенные въ XIX вѣкѣ во всѣхъ доступныхъ направленіяхъ, породили этотъ стиль *). «Около 1874 года, когда академія была всесильна, и нѣкоторый видъ нео-греческаго искусства царствовалъ, среди насъ во главѣ съ очень забытымъ теперь Кобанелемъ, сплотившаяся группа

*) Изъ письма J. F. Raffaëlli. Изъ сборника писемъ «De l'impressionisme en sculpture.» Edmond Claris. Paris. 1902.

независимыхъ умовъ безъ ясно опредѣленной цѣли. Нужно было лишь сплотиться, чтобы поддержать другъ друга и не быть раздѣленнымъ». Эти артисты имѣли лишь неопредѣленный идеаль, въ силу котораго они и становились въ оппозицію къ модному тогда искусству, а именно: они утверждали, что искусство *должно быть современно*. Вотъ главная идея новаго искусства и новаго стиля. Художники захотѣли быть современными. Они захотѣли пользоваться при созданіи своихъ произведеній всѣмъ тѣмъ, что даетъ имъ жизнь при современномъ состояніи науки, при современномъ развитіи челоѣка. Эта прямая непосредственная цѣль, столь очевидная при изслѣдованіи характерныхъ чертъ новаго стиля, прямо была признана первыми представителями этого стиля, какъ это утверждаетъ очевидецъ и участникъ новаго движенія. Вотъ какъ несправедливы всѣ нападки на новый стиль, какъ на нѣчто новое, незаконное, бессмысленное, чуждое преемственной связи съ прошлымъ. Напротивъ, новый стиль самое законное дитя вѣка изслѣдованій и опытовъ нашего вѣка, однимъ словомъ безъ него мы не могли бы жить. Невозможно представить себѣ, чтобы общество, пользующееся фотографіей, знакомое съ новѣйшими изслѣдованіями въ физикѣ и психологіи, не пыталось бы изучать и явленія искусства и оставалось бы все въ томъ же пониманіи красоты и правдивости, какое оно имѣло раньше до послѣднихъ успѣховъ знанія. Художники пожелали быть современными и чтобы стать таковыми они не могли избирать тотъ или иной путь. Они могли двигаться лишь къ единственному пути, который открывался передъ ними, по пути наблюденія и изслѣдованія. Они такъ поступили, и появился новый стиль.

Первые шаги этого новаго стиля были сдѣланы въ области непосредственныхъ объективныхъ наблюденій въ сферѣ свѣта и зрѣнія. Художники пожелали изображать то, что они дѣйствительно видѣли, только то что непосредственно видно, а не что либо иное, и появился *импрессионизмъ*.

Однако съ самаго же начала представители импрессионизма понимали, что изслѣдованіе чисто физическихъ явленій слишкомъ малая задача для художника. Они поэтому даже отказывались отъ названія «импрессионисты,» которое дано имъ было не въ видѣ похвалы, а какъ эпитетъ уничижительный. Въ томъ же письмѣ, которое мною цитировано выше, Рафаэлли говорить, что онъ сперва, также какъ и другіе, не хотѣлъ принимать названія «импрессионизмъ» и затѣмъ пытался даже замѣнить его словомъ «характеристичность». Но потомъ это слово стало наконецъ столь общеизвѣстнымъ, понятнымъ, вслѣдствіе многочисленныхъ точныхъ разъясненій, что его всѣ приняли, какъ терминъ, опредѣляющій направленіе искусства.

Для большой публики импрессионизмъ начинается съ Минэ, который избралъ для своей дѣятельности область изслѣдованія свѣтовыхъ эффектовъ. Его громадный трудъ, пріобрѣтшій значеніе общественнаго явленія благодаря большому таланту художника, прямо соприкасается съ физическими опытами.

До Минэ никто не пытался изобразить, что, именно, видно на солнцѣ каково отношеніе свѣта и тѣней въ смыслѣ красочности, и, наконецъ, какъ

распадаются отраженные лучи свѣта на всѣ цвѣта радуги. Впрочемъ, я ошибаюсь, говоря, что никто этимъ не занимался. Несомѣнно всѣ художники-живописцы во все время занимались этими вопросами и, пользуясь тѣми научными свѣдѣніями, какими они обладали, рѣшали эти вопросы какъ могли. Леонардо да Винчи, великій ученый, и художникъ и философъ, къ которому приходится всегда обращаться, когда дѣло идетъ о наблюдении природы, потому что онъ первый ясно установилъ самый методъ экспериментальнаго изслѣдованія,—въ своемъ трактатѣ о живописи подробно излагаетъ теорію дополнительныхъ цвѣтовъ; онъ говоритъ: «если ты хочешь, чтобы соеѣдство одного цвѣта придавало значеніе другому цвѣту, наблюдая что происходитъ, когда солнечные лучи производятъ радугу или прись; цвѣта рѣдятся отъ движенія дождя, ибо каждая капля, падая, принимаетъ цвѣтъ радуги», и далѣе онъ совѣтуетъ красное помѣщать рядомъ съ зеленымъ, такъ какъ это наиболѣе выгодное соеѣдство.

Итакъ, Леонардо да Винчи занимался тѣми же задачами, что и импрессионисты, изучавшіе эффекты «плэнъ-эръ». Но Манэ и его современники и послѣдователи изучали и изучаютъ эти задачи тѣми средствами и такъ, какъ это позволяетъ имъ современное состояніе науки. Этимъ они разнятся отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, но вслѣдствіе того же обстоятельства они прямо примыкаютъ къ длинному ряду изслѣдователей и художниковъ прежнихъ временъ и не могутъ быть разсматриваемы, какъ случайное и незаконное явленіе. Оно—неизбѣжное и необходимое слѣдствіе общаго развитія науки и искусства. Отличительной чертой искусства Манэ являются свѣтлыя краски: свѣтъ въ живописи. Этотъ признакъ, какъ очень характерный и важный, былъ перенять всѣми импрессионистами и сталъ отличительнымъ признакомъ всего направленія.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы свѣтлыя краски были самымъ существеннымъ признакомъ импрессионизма; они составляютъ лишь внѣшній самый замѣтный признакъ этого направленія въ живописи, которая въ свою очередь является въ наше время самой замѣтной отраслью изобразительныхъ искусствъ, и потому свѣдѣнія о появляющихся въ ней новостяхъ наиболѣе быстро распространяются въ публикѣ. Импрессионизмъ, какъ результатъ научнаго изслѣдованія въ области искусства, не можетъ имѣть какого либо одного непремѣннаго внѣшняго признака и проявляется еще болѣе въ скульптурѣ, гдѣ нѣтъ вовсе красокъ, чѣмъ въ живописи. Въ скульптурѣ импрессионизмъ, какъ и всякое серьезное художественное намѣреніе въ области способовъ исполненія, проявляется даже еще съ большей силой и рельефностью, чѣмъ въ живописи. Въ этомъ отношеніи скульптура всегда будетъ «свѣтильникомъ искусства.» какъ выразился Микель-Анджело въ письмѣ къ Бенедетто Варки, который обратился къ нему за разрѣшеніемъ тогда моднаго спора о томъ, что выше: живопись или скульптура? Въ краткихъ словахъ, извиняясь, что писательство не его ремесло, Буанорроти съ полной ясностью показалъ, что предметъ этотъ былъ имъ глубоко изслѣдованъ. Онъ сказалъ, что живопись и скульптура происходятъ изъ того

же знанія, и если преодоленіе большихъ трудностей не дастъ права на большее благородство, живопись равна скульптурѣ. И такъ скульптура является свѣтильникомъ искусства, потому что въ ней художникъ долженъ преодолевать большія матеріальныя трудности и слѣдовательно все его приемы наиболѣе замѣтны. Мнѣніе Микель-Анджело повторялъ потомъ Роденъ *), сказавъ, что «есть только одно искусство, и живопись и скульптура сдѣшиваются въ единственномъ искусствѣ—искусствѣ изображать». И такъ импрессионизмъ не есть что либо новое и неожиданное. Это прямое продолженіе умственного труда длиннаго ряда мыслителей и художниковъ, чередующихся во все продолженіе культурной жизни людей.

Почему же, при появленіи его въ концѣ прошлаго столѣтія, онъ вызвалъ такое изумленіе и даже негодованіе? Это произошло потому, что долгое время послѣ громаднаго подъема искусства въ Италіи въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтій,—когда появились такіе гении, какъ Леонардо да Винчи и Микель-Анджело, положившіе основаніе современному пониманію художества провозглашеніемъ принципа индивидуальности въ искусствѣ,—при постепенномъ распространеніи новыхъ идей по всей Европѣ и демократизации искусства, главное вниманіе было обращено на скорѣйшее изученіе основныхъ уже установленныхъ понятій. Правительства, взявшіяся за покровительство художникамъ, оказали сильное вліяніе на установленіе преподаванія искусства, которое неминуемо обратилось въ рутину. Уже при жизни Микель-Анджело была образована во Флоренціи, подъ покровительствомъ герцога, академія художествъ. Въ Римѣ послѣ смерти Рафаэля, также подъ покровительствомъ властей, была основана академія, послѣ чего во всѣхъ государствахъ Европы стали возникать академіи по образцу этихъ двухъ первыхъ. Вездѣ было установлено преподаваніе искусства. Что же можно было преподавать? Конечно то, что можно было найти въ лучшихъ произведеніяхъ мастеровъ. Такимъ образомъ, рутинная сдѣлалась обязательнымъ дѣломъ, и свободное изслѣдованіе было официально устранено. Изъ этого не слѣдуетъ, правда, чтобы свобода творчества совершенно прекратилась. Если бы это было такъ, то прекратилось бы и само искусство, но въ значительной степени она была затруднена и, главное, выпущено было столько официально признанныхъ художественныхъ произведеній, что вкусъ публики былъ приученъ къ опредѣленной условности, въ которой считалось невозможнымъ достиженіе правды и красоты. Духъ итальянскаго возрожденія, духъ свободы изслѣдованія и непосредственнаго чувства постепенно сталъ угасать, и, наконецъ, съ появленія нѣмецкой эстетики найдена и разработана была система познанія прекраснаго. Облеченное въ систематическую форму, понятіе объ условно художественномъ стало достояніемъ массы, не только образованныхъ людей, и такъ какъ большинство ихъ не занималось и не занимается и теперь вопросами искус-

*) Edmond Claris-Del'impressionnisme en sculpture.

ства, то понятно, что они равнодушны были ко всякимъ перемѣнамъ въ дѣлѣ, въ которомъ они себя считали совершенно достаточно свѣдущими.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы живой духъ наблюденія совершенно угасть въ людяхъ. Всѣ талантливые художники обладали имъ, но онъ проявлялся въ другихъ сторонахъ искусства и уживался съ внѣшними рутинными формами. Всѣ реалисты, напримѣръ, очень пристально наблюдали природу, замѣчали и характеры и отношенія людей; изслѣдовали ихъ жизнь, но тѣмъ не менѣе, будучи непосредственными въ разработкѣ сюжета, они продолжали заимствовать способы передачи и чисто матеріальную часть картины у прежнихъ мастеровъ и писали въ стилѣ голландцевъ или испанцевъ, стало быть говорили не своимъ собственнымъ языкомъ. Новые художники импрессионисты, какъ люди послѣдовательные, именно, взялись за эти элементарные приемы искусства, твердо вѣря, что только начавъ отсюда можно стать, дѣйствительно, самостоятельными.

Роденъ писалъ: «когда я былъ принятъ въ Школу, я рѣшительно взялся за дѣло. Я изучилъ древнихъ, скульптуру среднихъ вѣковъ и я обратился къ здоровой дающей силы природѣ. Я шелъ вначалѣ ощупью, но почувствовалъ увѣренность, когда убѣдился, что нахожусь на вѣрной дорогѣ традиціи свободы и правды. Я слѣдую традиціи, школа же изящныхъ искусствъ порвала съ ней вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ». *) И онъ былъ правъ, потому что онъ опять взялся за приемы всѣхъ великихъ художниковъ. Такъ поступалъ Джіотто и за нимъ всѣ великіе художники до Микель-Анджело включительно. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы всякій художникъ, взявшійся за истинный традиціонный методъ, достигъ совершенства: все зависитъ отъ способностей человѣка, но способъ познания формы, избранный всѣми великими художниками, несомнѣнно, истинный. Утвержденіе этого простого факта не можетъ возбудить ни малѣйшаго противорѣчія у непредубѣжденнаго человѣка. Не то было въ эпоху возникновенія новаго стиля. Тогда была мода на ученіе эстетики, какъ науки, и понятно, что отраженіе догматовъ этой науки казалось художникомъ ужаснымъ.

Импрессионизмъ конечно не ограничивается и не ограничивался никогда однимъ изслѣдованіемъ явленій окружающей человѣка природы. Желаніе быть объективнымъ изслѣдователемъ немедленно обнаруживаетъ, какое громадное влияніе имѣетъ субъективное чувство и настроеніе художника-наблюдающаго природу. Эта сторона дѣла немедленно поразила первыхъ же импрессионистовъ, и они тотчасъ же перенесли свое вниманіе на область чувствъ и впечатлѣній и здѣсь начали примѣнять тотъ же чисто научный методъ наблюденій и изслѣдованій. Наблюденія реалистовъ надъ явленіями людской жизни преемственно повели за собой наблюденія надъ непосредственно воспринимаемыми нашими чувствами, физическими явленіями очертаній и свѣта и надъ душевными состояніями самого художника, при-

*) Edmond Clairs—De l'impressionisme en sculpture.

дающего ту или иную общую окраску, тонъ, настроеніе своему произведенію. Такимъ образомъ появились импрессионисты, а за тѣмъ и *символисты*, которыхъ принято называть укоризненнымъ словомъ, ставшимъ однако же общеупотребительнымъ, а именно, *декадентами*. Декаденты—индивидуалисты. Это наиболѣе проникнутые научной теоріей художники, наиболѣе послѣдовательно доходящіе до крайнихъ выводовъ люди. Для нихъ ихъ собственные настроенія служатъ предметомъ объективныхъ изслѣдованій, и они изощряются, напримѣръ, чтобы передать жуткое чувство угасанія, томленіе увяданія, какъ отдѣльное нѣчто, по возможности безъ непосредственного соотношенія къ опредѣленнымъ фактамъ жизни.

Подъ вліяніемъ такого напряженного точнаго изслѣдованія самыхъ интимныхъ сторонъ, у художниковъ новаго поколѣнія измѣнилось и понятіе о красотѣ. Они по большей части устранили, очень возвышенное, но и очень неопредѣленное представленіе о красотѣ, какъ о проявленіи абсолютнаго совершенства, высшей полезности, правды, истины, идеи и обратились къ болѣе скромному, но и гораздо болѣе близкому къ непосредственному наблюденію надъ предметомъ, пониманію красоты, какъ ощущенію особеннаго удовольствія, совершенно чуждаго всякой личной выгоды, получаемой человѣкомъ всякій разъ, когда онъ свободно, кристально и сознательно наблюдаетъ природу и жизнь въ ея проявленіяхъ. Человѣкъ наиболѣе проникается впечатлѣніемъ красоты, когда онъ какимъ либо внѣшнимъ явленіемъ природы: закатомъ или восходомъ солнца, бурей, какимъ либо видомъ мѣстности или одушевленнымъ существомъ бываетъ приведенъ въ экстазъ, т. е. въ состояніе совершеннаго забвенія своей личности и полнаго восхищенія представляющимъ ему явленіемъ.

Произведенія искусства тоже могутъ приводить людей въ экстазъ, потому что въ нихъ есть отпечатокъ души художника, въ нихъ ясно выражено его чувство. Вотъ эта живая сторона художественнаго произведенія и дѣйствуетъ на зрителя. Правда, въ произведеніи искусства душа человѣка является лишь въ отраженіи, въ отпечаткѣ. Отпечатокъ этотъ конечно гораздо слабѣе дѣйствительности, почему оцѣнка художественныхъ произведеній и требуетъ спеціальнаго навыка, привычки и знаній. Но зато въ художественныхъ произведеніяхъ мы имѣемъ отпечатки души людей избранныхъ, очень цѣнныхъ душевныхъ проявленій и притомъ такихъ, которыя, какъ очень нѣжныя и дорогія людямъ, не могутъ встрѣчаться ежедневно. Пусть каждый представитъ себѣ любимыя свои произведенія въ разныхъ родахъ искусства, и все существо его несомнѣнно, наполнится радостью при одномъ воспоминаніи о томъ, что ему пришлось узнать столь прекрасныя проявленія души человѣческой.

Импрессионисты были бы очень плохими наблюдателями, если бы они точась же не заявили, какую громадную долю въ созданіи произведенія искусства, самаго правдиваго, играетъ самъ художникъ. Густавъ Жоффруа такимъ образомъ опредѣляетъ импрессионизмъ: это характерная особенность такого произведенія живописи, которое непосредственно относится

къ появленію и значенію предметовъ въ пространствѣ, и въ которомъ художникъ силится запечатлѣть синтезъ этихъ предметовъ въ томъ видѣ, какъ онъ сознавалъ его въ каждое мгновеніе ихъ появленія. Рафаэлли въ цитированномъ выше письмѣ говоритъ еще объ импрессионистѣ: импрессионистъ тотъ, кто сильно пораженный *идеями* явленій природы чувствуетъ себя обязаннымъ запечатлѣть это мгновенное впечатлѣніе и передаетъ его сообразно своего темперамента подъ видомъ произведенія искусства. Тоже самое, конечно, говорилъ и Зола. Онъ утверждалъ, что произведенія искусства это часть жизни, показанная или видимая зрителемъ или читателямъ *черезъ темпераментъ* художника. Всѣ эти ссылки на очень извѣстные опредѣленія произведений искусства импрессионистовъ, т. е. точныхъ наблюдателей природы, ясно доказываютъ, что при самомъ началѣ дѣйствительно серьезныхъ и объективныхъ изслѣдованій стало совершенно ясно, что художникъ при всемъ желаніи не можетъ отдѣлиться отъ самого себя, отъ своего я, и принужденъ силою необходимости, изображая природу, изображать въ

Портретъ Огюста Родэна (скульптора).

Снимокъ съ офорта работы А. Бенара.

картинѣ самого себя и свою душу. Разъ это положеніе установлено, то, понятно, очень скоро, идя по тому же пути послѣдовательно дальше, художникъ началъ чувствовать, что главное въ картинѣ не изображаемый предметъ, а настроеніе автора, и должны были появиться и появились произведенія новаго искусства, характерный признакъ которыхъ — намеренная субъективность.

Итакъ, основныя черты новаго искусства опредѣлились вполне. Это прежде всего искусство научное, основанное на изслѣдованіи и опытѣ; затѣмъ, это искусство въ высшей степени субъективное, намеренно воспроизводящее

все случайное и особенное, что можетъ ощутить душа художника. Импрессионизмъ и теперь еще даетъ девять десятыхъ всѣхъ произведений искусства, появляющихся на всѣхъ выставкахъ. Полная побѣда этого рода видна уже изъ того, что даже скульптура, свѣтильникъ искусства, какъ сказалъ Микель Анджело, охвачена имъ. Первыми представителями импрессионизма въ скульптурѣ считаютъ Родэна и Россо. Роденъ не является наиболѣе яркимъ представителемъ импрессионизма. Очень

талантливый и образованный художникъ, онъ, слѣдя за современнымъ движеніемъ мысли, сталъ импрессионистомъ, отдѣлившись отъ прежнихъ традицій, предшествующей эпохи академизма. Онъ правъ, когда утверждаетъ, что онъ, именно, и придерживается традиціи всѣхъ временъ—изслѣдованія природы, но въ тоже время на всѣхъ его произведеніяхъ видно, что онъ помнитъ и все то, что было сдѣлано великими мастерами до него. Болѣе всѣхъ очевидно ему нравится Микель-Анжело. Во всѣхъ вещахъ Родена есть нѣчто въ приемахъ работы, напоминающее

Огюсть Родэнъ. Бюсть женщины.
(Люксембургскій музей).

великаго флорентинца. Главныя достоинства произведеній Родена это сильно выраженное чувство, красота, и живость работы въ передачѣ человѣческаго тѣла. Правда, кажется, ни одно его произведеніе не представляется равномѣрно обработаннымъ въ этомъ отношеніи. У него всегда нѣкоторыя части фигуры сдѣланы изумительно сильно, а другія части какъ бы недоделаны и оставлены въ первоначальномъ состояніи намековъ. Въ этомъ и выражается примѣненіе теоріи импрессионизма. Нужно непременно стать на точку зрѣнія, выбранную авторомъ, какъ для разсматриванія его

статуи, такъ и для оцѣнки ея, чтобы понять его намѣреніе и получить тотъ эффектъ, котораго онъ добивался въ передачѣ непосредственныхъ явленій природы. Роденъ достигъ большого совершенства. Его статуи: «доисторическій человѣкъ», «Іоаннъ», «Ева» служатъ яркимъ доказательствомъ этого.

При появленіи первыхъ его произведеній необыкновенно жизненная обработка нѣкоторыхъ частей ихъ подала даже поводъ къ сочиненію сплетни, что Роденъ сформовываетъ съ живой модели ноги и руки и такимъ образомъ полученные слѣпки съ живого тѣла вставляетъ въ свои статуи. Но Роденъ не только подражаетъ природѣ въ ея отдѣльныхъ проявленіяхъ. У него есть общія мысли, фантазіи, стремленія, роящіяся у него въ головѣ. Онъ романтикъ, оставившій типичныя для романтиковъ прежняго поколѣнія настроенія и ищущій новыхъ. Это та сторона его творчества, которая наиболѣе заманчива, но въ тоже время и наименѣе ясная и опредѣленная. Роденъ всегда брался за разработку общихъ психологическихъ задачъ. Въ «Пощѣлуѣ», группѣ, которую онъ пополнялъ нѣсколько разъ въ различныхъ символическихъ статуяхъ, изображающихъ страсти людскія, въ памятникахъ даже, которыхъ онъ проектировалъ нѣсколько: «Клоду Лоррену», «Виктору Гюго» «Побѣжденному Отечеству», и еще болѣе въ громадной композиціи «Врата ада», вездѣ онъ занятъ не отдѣльнымъ случаемъ проявленія мысли и чувства, вообще жизни, а мечтой, общимъ, типичнымъ образомъ, выражающимъ эту мысль и чувство, исчерпывающимъ представленіе. Въ этомъ его сила и слабость. Сила потому—что этимъ онъ привлекаетъ вниманіе и сочувствіе зрителя, слабость, потому что онъ не можетъ выяснитъ этой задачи, не имѣя достаточно ясныхъ убѣжденій того, что худо, что хорошо, что велико въ жизни, что низко. Въ самомъ большемъ, самомъ сложномъ и стоившемъ ему больше всего труда, произведеніи «Porte de l'Enfer»—«Врата ада»—нѣ задумалъ изобразить все человѣчество, всю жизнь, всѣ страданія людей. Вещь эта не конченная и вѣроятно никогда не будетъ кончена. Въ ней сотни фигуръ нагроможденныхъ по двумъ пилястрамъ въ восемь метровъ вышины и такой же колоссальной перекладинѣ этихъ вратъ. Иныя фигуры превосходно задуманы, но въ общемъ это повтореніе всего того, что можетъ придумать по этому поводу умный и образованный человѣкъ. Внизу у цоколя помѣщены люди наиболѣе глубокой древности, а выше вѣчные образы дантовской «Божественной комедіи» вмѣстѣ съ аллегорическими фигурами.

Чтобы быть истиннымъ романтикомъ, надо вѣрять въ человѣка и въ его назначеніе. Роденъ какъ будто не твердѣ въ этой вѣрѣ и соединяетъ восторженное настроеніе проповѣдника съ хладнокровнымъ и зоркимъ взглядомъ наблюдателя-импрессиониста. Импрессионизмъ Родена яснѣе всего проявляется въ двухъ его произведеніяхъ «Les bourgeois de Calais» и статуй Бальзака. Въ особенности страстные толки вызвала эта статуя. Роденъ изобразилъ Бальзака идущимъ. Откинувъ назадъ голову, онъ идетъ, завернувшись въ плащъ, и гордо и прямо смотритъ впередъ. Вся голова и

фигура сработана смѣлыми общими чертами; всѣ мелочи пропущены; все приноровлено только къ тому, чтобы передать впечатлѣніе рѣшительной походки, и впечатлѣніе это достигнуто. Напрасно было бы однако искать въ этой статуѣ тѣ замысловатыя проникновенія въ существо творчества Бальзака, которыя приписываютъ этому произведенію его горячіе поклонники.

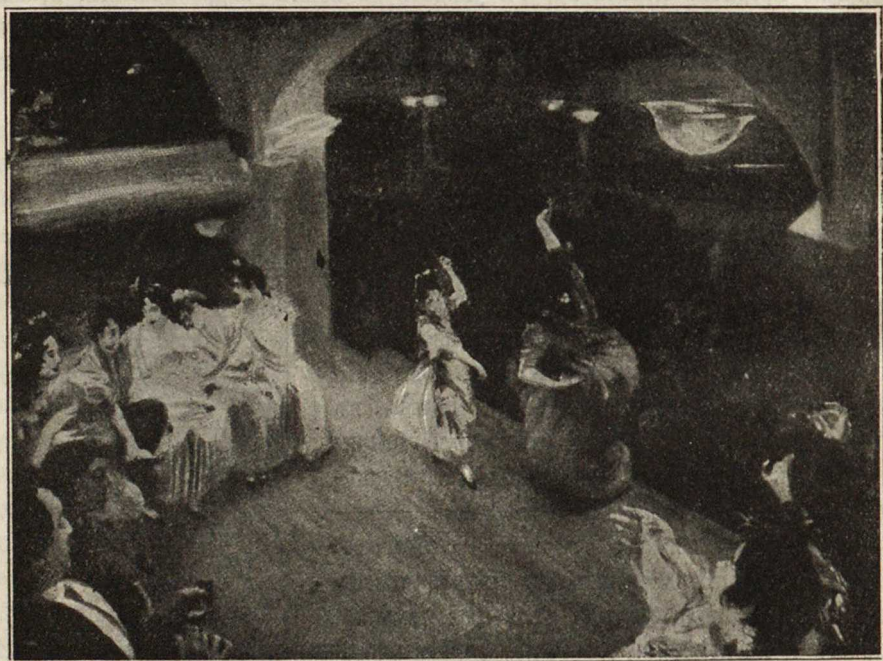
Первымъ дѣйствительно яркимъ чистымъ импрессионистомъ въ скульптурѣ былъ итальянецъ Медардо Россо. Онъ прямо приложилъ къ скульптурѣ тѣ же приемы, которыя были выработаны живописцами, а такъ какъ эти приемы были строго научны, то результатъ и оказался вполне соответствующимъ намѣренію автора. Россо прямо заявляетъ, что какой бы то ни было предметъ нельзя вдругъ увидеть во всѣхъ подробностяхъ, нельзя видѣть изолированнымъ, какъ статую на пьедесталѣ, и, сообразно съ этимъ, онъ дѣлаетъ въ общихъ чертахъ наброски, глыбы глины, въ которыхъ однако же выступаютъ очень тонко очерченныя и выгипсенныя лица, части лицъ, именно тѣ части лицъ, которыя бросаются въ глаза при первомъ взглядѣ, въ которыхъ сосредоточивается мимолетное выраженіе. Всѣ вещи Россо возбуждали при своемъ появленіи споры и полемику. Вначалѣ такая затѣя казалась абсурдомъ. Намѣреніе художника въ скульптурѣ изобразить не только предметъ, но и часть окружающей его атмосферы, изобразить воздухъ, передать въ одноцвѣтной глинѣ краски, свѣтъ и тѣни признавались нелѣпнымъ. Но, однако, Россо доказалъ, что все, что познается строгимъ наблюдениемъ природы, все что, черпается изъ этого общаго источника всѣхъ впечатлѣній, должно быть признаваемо полезнымъ и цѣннымъ, какъ бы проста и незатѣйлива ни была форма передачи, избранная художникомъ и, даже, именно, благодаря этой простой и непосредственной передачѣ.

Произведенія Россо появлялись на многихъ выставкахъ и вездѣ производили сильное впечатлѣніе. Многія изъ нихъ несомнѣнно останутся въ памяти зрителей навсегда, напримѣръ: «Мать и спящій ребенокъ», «Пѣвецъ безъ ангажемента», «Женщина подъ зонтикомъ», «Пьяница», «Больное дитя», «Больной въ госпиталѣ» и многія другія, въ особенности же, «Сцены пассажировъ въ omnibusъ». Все это наброски внѣшности, но въ этихъ наброскахъ, въ отдѣльных чертахъ вложено выраженіе дѣйствительной жизни. У насъ въ Россіи послѣдователемъ Россо является князь Трубецкой, вещи котораго обработаны въ томъ же направленіи. Однако, изъ первыхъ художниковъ, признавшихъ талантъ Россо, былъ Роденъ. Онъ увидалъ въ немъ то отношеніе къ дѣйствительности, къ которому онъ и самъ стремился, исходя изъ другихъ воззрѣній и пониманія жизни.

Огюстъ Роденъ. Бюстъ дѣвочки.

Я указалъ прежде всего на импрессионистовъ-скульпторовъ, потому что скульптурныя произведенія должны служить пробнымъ камнемъ для отѣнки каждой новой теоріи въ искусствѣ. Скульптурная форма въ высшей степени матеріальная и не только видимая, но и осязаемая, конечно, не можетъ поддаваться обманчивымъ только съ виду основательнымъ приемамъ. Въ живописи импрессионизмъ съ Манэ охватилъ во всей Европѣ столь большое поле—въ области искусства, что даже перечислить всѣхъ художниковъ-импрессионистовъ трудно. Картины этого типа заполняютъ всѣ европейскія выставки. Особенно пейзажъ выигралъ отъ ясно сознанаго права художника писать именно то, что онъ видитъ въ данную минуту, и только то, что онъ видитъ. Импрессионизмъ въ чистомъ видѣ, какъ

Альбертъ Бенаръ. Испанскій танецъ.

теорія искусства, основанная исключительно на объективномъ наблюденіи явленій природы, не могъ долго занимать публику. Такое искусство очень скоро должно было перейти въ область физики, изслѣдованія цвѣтовъ и свѣта. Художникъ-импрессионистъ, если бы онъ пожелалъ никогда не выходить за рамки, установленныя для него избранной теоріей, долженъ неминуемо обратиться въ специалиста-изслѣдователя и работа его несомнѣнно потеряетъ художественный интересъ въ глазахъ публики. Поэтому непосредственно за импрессионистами, выходя изъ того же настроенія и духа изслѣдованія и изученія, но съ несравненно болѣе широкими задачами и далекимъ кругозоромъ, явились художники новаго типа, которые и дали характерную окраску художеству нашего времени.

Символисты, индивидуалисты, декаденты продолжают вѣчную традицію въ искусствѣ. Духъ, который ихъ оживляетъ, во все времена и во всехъ школахъ искусства существовалъ, не угасая. Въ особенности же ярко было его проявленіе въ первые времена новой исторіи, въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ, когда въ Италіи окончательно въ нашемъ современномъ смыслѣ было выработано понятіе о личности. Произведенія Леонардо да Винчи и Микель-Анджело несомнѣнно въ высшей степени индивидуальны, и потому наши современные индивидуалисты имѣютъ полное право связывать себя традиціонно со всеми

Альбертъ Бенаръ. Конская ярмарка.

выдающимися художниками прежняго времени. Но отличительная черта современныхъ индивидуалистовъ это, именно, крайняя намѣренность. Они не просто индивидуальны, не просто выражаютъ свои мысли символически-потому что эта форма имъ удобна и свойственна. Они логическими разсужденіями пришли къ тому, что слѣдуетъ быть символистомъ. Они изучили, можетъ быть даже слишкомъ много изучили исторію живописи, анализировали каждое художественное произведеніе и старались открыть, въ чемъ, именно, въ какихъ его чертахъ кроется источникъ впечатлѣнія. Они отлично знаютъ, что самое дорогое въ искусствѣ непосредственность, и стараются ею обладать, но старанія въ данномъ случаѣ не приближаютъ, а

удаляютъ отъ цѣли. Они похожи на пожилого, очень хорошо выкрашеннаго красавца. Все у нихъ совершенно, но жаль только, что это совершенство стоило столькихъ трудовъ, приготовленій и соображеній. Въ этомъ отношеніи данный родъ искусства очень мѣтко названъ декадентствомъ. Онъ, дѣйствительно, имѣетъ признаки старости. Въ теоріи декаденты совершенно и безусловно правы. Они одни правы въ теоріи, потому что они одни серьезно занимались анализомъ процесса творчества, они одни изучали эффекты творчества и художниковъ всѣхъ эпохъ. На практикѣ же они, какъ и всѣ вообще, оказываются предоставленными своимъ непосредственнымъ силамъ и дѣлаютъ, что могутъ. Въ искусствѣ каждый дѣлаетъ не то, что хочетъ, а что можетъ, сказалъ Тургеневъ, и въ данномъ случаѣ справедливость этого замѣчанія выступаетъ съ особенной яркостью. Въ этомъ, можетъ быть, и причина многихъ несообразностей въ произведеніяхъ иныхъ декадентовъ. Многія изъ ихъ картинъ представляютъ одни намѣренія, которыя для глазъ зрителя вовсе не выполнены. Непосвященный въ замыслы художника человѣкъ, смотритъ на картину и видитъ не цѣльное художественное произведеніе, а программу, остоу, одни неосуществленные намѣренія и, конечно, ничего не понимаетъ.

Въ живописи направленіе, называемое декадентствомъ и обнимающее собою самыя разнообразныя проявленія художественнаго творчества, имѣетъ начало въ намѣренномъ подражаніи искусству одной изъ прежнихъ эпохъ. Во Франціи всѣ символисты имѣютъ родоначальниковъ Пювисъ-де-Шаванна и Густава Морэ. Пювисъ поставилъ себѣ задачею достигнуть стиля, обобщенія въ своихъ произведеніяхъ. Будучи превосходнымъ рисовальщикомъ, что ясно доказываютъ его этюды съ натуры, онъ въ своихъ картинахъ намѣренно упрощалъ и стилизовалъ формы, чтобы достичь общаго впечатлѣнія и чтобы его индивидуальный характеръ выступалъ съ большей ясностію, чѣмъ спеціальныя особенности изображенныхъ предметовъ. Несмотря на такое явное стремленіе къ индивидуальности, Пювисъ, какъ художникъ разсуждающій, а не непосредственный, долженъ былъ обратиться для выбора образца для своего стиля къ прежнимъ эпохамъ. Здѣсь проявились въ полной мѣрѣ, какъ его образованіе, такъ и критическія способности. Онъ очень вѣрно оцѣнилъ значеніе декоративной стѣнной живописи и заимствовалъ всѣ основныя черты какъ у Джіотто, такъ и у послѣдующихъ итальянскихъ мастеровъ. Пювисъ ясно установилъ, что стѣнная картина, фреска, должна быть прежде всего декораціей т. е. украшеніемъ церкви, залы, гдѣ она помѣщается, что въ силу этого она не должна кричащими тонами живописи выступать больше, чѣмъ нужно. Также правильно онъ нашелъ, что небо на такихъ картинахъ должно занимать лишь незначительную верхнюю часть и горизонтъ долженъ быть поднять примѣрно на три четверти высоты картины, что фигуры не должны имѣть много индивидуальныхъ особенностей. Все это имѣется въ произведеніяхъ старыхъ итальянцевъ. Но разница ихъ и Пювиса въ томъ, что у нихъ преобладаетъ непосредственное чувство, у него же на первомъ мѣстѣ теорія. Преоблада-

ніе теоріи и разсужденія придаетъ какой то старческой скучноватый тонъ произведеніямъ Пювись де Шованна, несмотря на большія ихъ достоинства.

Въ Англіи новое искусство ясно обрисовывается съ Бернъ-Джонса, который тоже изъ соображеній теоретическихъ столько же, какъ и изъ личнаго вкуса, обратился къ искусству прежнихъ эпохъ, какъ къ источнику для возрожденія новаго искусства; онъ опять конечно обратился къ итальянцамъ, безъ вліянія которыхъ не можетъ обойтись европейское искусство. Бернъ-Джонсъ полюбилъ итальянцевъ XV столѣтія, преимущественно Сандро-Ботичелли, и началъ разрабатывать его стиль. Онъ написалъ много прекрасныхъ вещей изящныхъ, тонкихъ, но и въ нихъ есть признаки старости, любовь къ археологіи. Всѣ вещи Бернъ-Джонса даже самыя лучшія, какъ, напримѣръ, дѣйствительно, прекрасная картина «Зер-

Эдуардъ Бернъ-Джонсъ. Зеркало Венеры.

кало венеры, > все же не могутъ сравниться съ работами Сандро Ботичелли. У Ботичелли очень много непосредственности, у Бернъ-Джонса все придумано и расчитано. Да и сравнивать такихъ двухъ совершенно различныхъ художниковъ и характеры невозможно. Въ Англіи искусство Бернъ-Джонса, какъ основанное на знаніи, образованности, тонкомъ вкусѣ, имѣло громадное распространеніе, и послѣдователей его появилось множество.

Въ Германіи старѣйшій изъ представителей новаго стиля, конечно, Беклинъ. Его искусство тоже основано на изученіи прежнихъ проявленій художественнаго творчества. Особенная, специально ему свойственная черта заключается въ грубоватой смѣлости, съ которою онъ беретъ готовые образцы изъ античнаго и итальянскаго искусства и безъ всякаго стѣсненія нагромождаетъ ихъ въ своихъ картинахъ для выраженія своихъ мыслей и чувствъ.

Нескрываемый откровенный эгоизмъ этого пріема какъ нельзя болѣе подходитъ художнику, современнику Ницше. Беклинъ имѣлъ громадное вліяніе на все нѣмецкое искусство.

Итакъ новое искусство, возникшее изъ теоріи, черпаетъ свое содержаніе изъ художественныхъ сокровищъ прежнихъ временъ. Если бы оно ограничилось въ этомъ отношеніи однимъ итальянскимъ искусствомъ, ему бы никогда не достигнуть теперешняго своего блестящаго развитія. Неожиданно открылась для него громадная и мало изслѣдованная область. Съ установленіемъ близкихъ и настоящихъ сношеній съ Японіей, вступившей въ концѣ прошлаго столѣтія въ общую международную жизнь, для европейскихъ художниковъ открылись всѣ богатства японскаго искусства. Японцы давно уже

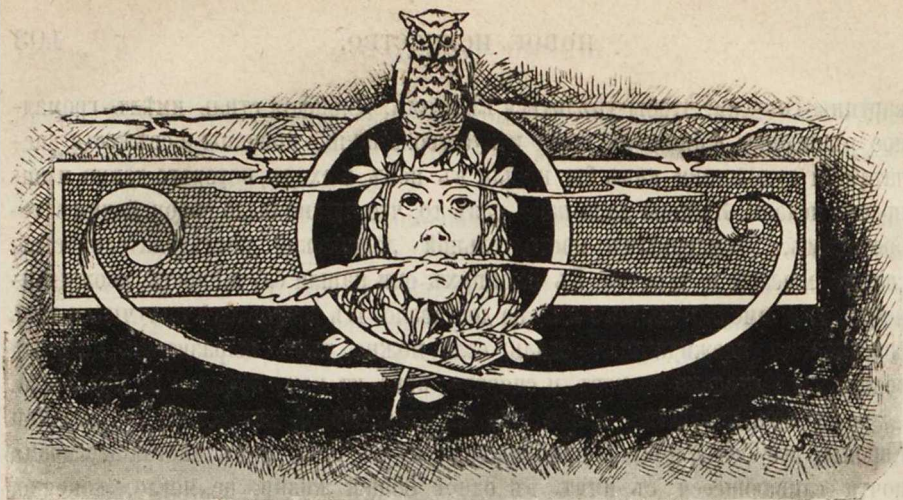
Арнольдъ Беклинъ. Снятіе съ креста.

признавались всѣми—неподражаемыми работниками въ дѣлѣ созданія мелкихъ бездѣлушекъ, но европейцы совсѣмъ не были знакомы съ настоящими произведеніями искусства Японіи. Только познакомившись съ ними, они убѣдились, что японцы превосходные, тонкіе и неподражаемые искусные художники въ передачѣ чувствъ и настроеній. Японцы совершенно не склонны дѣлать обобщенія. Всякая идея въ области развитія нравственности, пониманія жизни вообще, составляющая отличительную черту европейца, склоннаго все обобщать; совершенно отсутствуетъ у японца. Онъ воспитался и даже состарился при своемъ міровоззрѣніи, которое намъ мало понятно. Но за то въ передачѣ чувствъ и впечатлѣній, въ особенности непосредственныхъ и маловажныхъ, японцы достигли необычайнаго совершенства. Стоитъ только посмотрѣть прямо очаровательныя

картины Гокусай, чтобы убедиться въ этомъ. Японскій стиль имѣлъ громадное рѣшающее вліяніе на новое искусство. Ищущіе новизны и свѣжести впечатлѣнія художники какъ бы нашли въ немъ выходъ, котораго давно и напрасно искали. Японцы дали какъ разъ то, что нужно было европейскимъ теоретикамъ, утомленнымъ настоятельной логической послѣдовательностью своихъ мыслей и чувствъ. Въ японцахъ они нашли случайность, неожиданность, т. е. именно то, чего имъ не доставало. Въ результатѣ получился тотъ разсчитанно неожиданный стиль, если можно такъ выразиться, который возбуждалъ столько толковъ и споровъ, пока къ нему публика не привыкла.

Русское искусство, давно уже слѣдовавшее за искусствомъ Западной Европы, все болѣе и болѣе приближавшееся къ нему и въ настоящее время почти сливающееся съ нимъ въ одной общей жизни, не могло, конечно, оставаться чуждымъ новымъ вліяніямъ. Представители новаго искусства есть и у насъ. Уже съ г. В. Васнецова духъ изученія и теоретичности проникъ въ русское искусство. Г. Васнецовъ весь выросъ на археологіи и на возстановленіи духа прежнихъ временъ. При взглядѣ на вещи Васнецова несомнѣнно прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда это взято, въ какомъ это стилѣ? Византійскія изображенія, мозаики Равенны и св. Марка въ Венеціи перемѣшиваются въ его картинахъ съ образами позднѣйшихъ эпохъ, и въ общемъ получается сложный эффектъ, свойственный только человѣку нашего времени и нашей эпохи, человѣку, который какъ бы научился выражать свои чувства непосредственно и хочетъ выразить ихъ уже готовымъ образомъ, но въ новыхъ комбинаціяхъ. Г. Нестеровъ по приемамъ творчества въ своихъ религіозныхъ картинахъ совершенно слѣдуетъ В. Васнецову, но лишь образцы беретъ изъ другой области. Живописцами непосредственныхъ мимолетныхъ чувствъ и впечатлѣній являются у насъ довольно многочисленные пейзажисты, а подражателемъ стилю японцевъ въ особенности г. Маливинъ. Его извѣстная картина «Смѣхъ» представляетъ яркій образчикъ, именно, этого стиля. Наиболѣе типичнымъ и искреннимъ представителемъ новаго стиля у насъ необходимо признать М. Врубеля. Его картины на всѣхъ выставкахъ производили много шума, возбуждали много споровъ, именно, вслѣдствіе его безусловной искренности и крайней убѣжденности. Врубель чистый теоретикъ. Глядя на его странныя, въ частности мало понятныя произведенія, можно было подумать, что онѣ написаны, вдругъ, съ плеча. Но такъ думать было бы большою ошибкою. Врубель постоянно интересовался вопросами психологіи художественнаго творчества. Онъ не желалъ довольствоваться тѣмъ, чтобы обращаться съ готовыми художественными мыслями, онъ хотѣлъ дойти до примитивныхъ художественныхъ впечатлѣній и изслѣдовать ихъ. Въ послѣднее время въ особенности его занимала та сторона творчества художника, которая составляетъ его субъективное содержаніе. Картины его однако же остаются въ большей части загадками, и лишь одна сторона его таланта ясна и понятна всѣмъ, именно та, которая выражается въ блескъ его колорита и красокъ. Картины его въ этомъ отношеніи имѣютъ неоспоримыя достоинства.

Петръ Ге.

Артуръ Такенъ.

Новая теорія вулкановъ *).

Объясненіе вулканическихъ явленій основывается исключительно на гипотезахъ, изъ которыхъ наиболѣе распространенною является основанная на допущеніи существованія внутри земли огня, *пиросферы*. Полагаютъ, что земля вначалѣ представляла собою туманность, отдѣлившуюся отъ солнца, при чемъ высокая температура удерживала ее въ газообразномъ состояніи. Постепенно уплотняясь, туманность обратилась въ раскаленную до бѣла массу, которая, теряя мало по малу тепло, покрылась наконецъ твердой, непрерывно утолщавшейся корой. Тутъ вступаемъ мы въ область чистой гипотезы, а потому воображенію дается полный просторъ.

Толщина этой коры должна быть не велика: отъ 60 до 70, а Гопкинсъ (Hopkins) щедро назначаетъ ей отъ 12 до 1600 километровъ; извѣстно, что земной радіусъ равенъ 6367 километрамъ. Слѣдовательно, по приведенной нами гипотезѣ, земля образована большимъ твердымъ и полнымъ шаромъ—*литосферой*,—окружающимъ расплавленную центральную массу, температура которой необычайно высока.

Мысль объ этомъ центральномъ огнѣ имѣетъ въ основаніи наблюденіе надъ постепеннымъ возрастаніемъ температуры по мѣрѣ углубленія внутрь земной коры. Наблюденія начинаются съ точки, гдѣ уже не чувствуется колебаній температуры, обусловленныхъ дѣйствіемъ солнца; мѣсто такой постоянной температуры находится на глубинѣ 25—30 метровъ.

Отсюда по направленію къ центру земли температура непрерывно возрастаетъ; пробовали даже установить общій законъ такого увеличенія,

*) Переживаемый въ настоящее время земнымъ шаромъ періодъ усиленной вулканической дѣятельности, выражающейся въ сильныхъ изверженіяхъ вулкановъ и землетрясеніяхъ, снова оживилъ интересъ къ вопросу о причинахъ этихъ явленій, а потому оригинальная теорія автора, пытающагося сказать новое слово въ этой области и попутно знакомящаго въ общихъ чертахъ и съ другими гипотезами, должна привлечь къ себѣ вниманіе читателей (переводъ сдѣланъ С. К. Исаковымъ). Ред.

и получилось около 10 на 30 метровъ. Но этотъ законъ, какъ мы увидимъ далѣе, далеко не имѣетъ общаго характера.

Основываясь на данномъ фактѣ, разсуждали такъ: если этотъ физическій законъ дѣйствуетъ правильно, то на глубинѣ 3000 метровъ температура должна быть выше точки кипѣнія воды, а на глубинѣ 80 километровъ жаръ окажется болѣе чѣмъ достаточенъ для того, чтобы держать въ расплавленномъ состояніи всѣ извѣстныя намъ тѣла. Итакъ, стоило только констатировать возрастаніе температуры въ верхней части земли, чтобы тотчасъ же построить широкую гипотезу.

На вулканы, значить, смотрѣли, какъ на трубы, находящіяся въ непосредственномъ сообщеніи съ центральнымъ котломъ, для котораго они играли роль предохранительныхъ клапановъ. Когда твердая кора и выдѣлившіеся внутри газы оказываютъ давленіе на жидкую массу, послѣдняя вырывается чрезъ отверстія, и получаютъ вулканическія изверженія. Казалось бы, что можетъ быть проще этого и къ чему ломать себѣ голову въ поискахъ за новымъ объясненіемъ: земля—простая инъекціонная трубка; стоитъ ее нажать, и жидкость выливается чрезъ отверстіе клапана!

«Не трудно представить себѣ—говорить де-Лаппаранъ—твердую кору, толщина и сопротивленіе которой не вездѣ одинаковы и потому оказываютъ различное давленіе на заключенную внутри жидкую массу. Тогда масса эта стремится подняться чрезъ трещины оболочки и выходитъ наружу въ мѣстахъ разрушенія, которыя какъ-разъ соотвѣтствуютъ особенно сильнымъ складкамъ коры, а потому совпадаютъ съ морскими берегами. Такимъ образомъ отъ общаго резервуара отдѣляются жидкія колонны, чтобы отнынѣ двигаться по бороздамъ внутри коры и выливаться наружу въ видѣ лавы: послѣднее происходитъ тѣмъ легче, чѣмъ лучше открыты наружныя отверстія. Отъ времени до времени газы, заключенные въ этой массѣ, достигаютъ давленія достаточно сильнаго для того, чтобы произвести страшное изверженіе; наоборотъ, въ другихъ случаяхъ, какъ напр. на Сандвичевыхъ островахъ, матерія оказывается постоянно жидкой, трубы не засариваются, а потому подъемъ лавы происходитъ непрерывно и исключаетъ возможность вулканическихъ взрывовъ.»

Значить, эти колонны лавы подобны барометрическимъ столбамъ; онѣ колеблются въ своей трубкѣ, какъ ртуть; если мы теперь примемъ во вниманіе огромный объемъ резервуара, длину и малый діаметръ столба, то вулканы окажутся такими точными инструментами, подобныхъ которымъ человѣку никогда не устроить. Самое ничтожное давленіе на резервуаръ, незначительное измѣненіе объема жидкой массы должны вызывать необычныя колебанія столба. Если же вспомнить, что резервуаромъ служитъ жидкій шаръ съ радіусомъ въ 6287 километровъ, что столбъ лавы въ нѣкоторыхъ вулканахъ достигаетъ всего 30—40 метровъ въ діаметрѣ, то по истинѣ поражаемся, какое удивительное равновѣсіе господствуетъ въ вулканахъ, въ которыхъ лава держится на поверхности кратера, обнаруживая колебанія всего въ нѣсколько метровъ; безъ сомнѣнія, эти гигантскіе барометры постоянно показываютъ: «ясно».

Для объясненія вулканическихъ изверженій была предложена еще другая гипотеза, такъ называемая *химическая теорія*. Замѣчено было, что большая часть вулкановъ находятся въ непосредственномъ соосѣдствѣ съ моремъ, а потому предполагали, что вода, просачиваясь на большія глубины, обращается тамъ, благодаря высокой температурѣ, въ паръ, который и обусловливаетъ вулканическія изверженія; при этомъ полагали, что отъ соприкосновенія съ водой происходятъ ужасныя реакціи, и что реакцій этихъ достаточно, чтобы вызвать выдѣленіе газа и тепла, а также и тѣ взрывы, которые наблюдаются во время изверженій.

Слѣдующія замѣчанія опровергаютъ эту теорію: существованіе дѣйствующихъ вулкановъ, весьма удаленныхъ отъ моря; постоянная дѣятельность безъ взрывовъ нѣкоторыхъ островныхъ вулкановъ; образованіе озеръ на вершинахъ вулканическихъ горъ предъ изверженіемъ (Лысая гора). Морская вода не могла одновременно проникнуть во всѣ вулканы, которые начали теперь дѣйствовать. На вулканы эти обязательно должна была вліять одна и та же сила, производящая одинаковое дѣйствіе и перемѣщающаяся въ различныя мѣста съ быстротою молніи.

Посмотримъ, даетъ ли теорія центральнаго огня достаточное объясненіе всѣмъ явленіямъ, которыя наблюдаются во время вулканическаго изверженія, и выдерживаютъ ли критику факты, положенные въ основу этой гипотезы?

Прежде всего, является ли дѣйствительно всеобщимъ законъ постепеннаго повышенія температуры отъ поверхности земли къ ея центру и можетъ ли онъ считаться неопровержимымъ доказательствомъ существованія внутренняго огня?

Возрастаніе температуры, дѣйствительно, наблюдается, но оно идетъ не пропорціонально глубинѣ; оно въ разныхъ мѣстахъ различно и колебанія весьма значительны. Такъ, нашли, что при глубинѣ отъ 0 до 530 метровъ повышеніе температуры равно 1° на 30 метровъ; при глубинѣ отъ 520—910 м. 1° на 36 м.; при глубинѣ отъ 910—1370 м. 1° на 46 м.; при глубинѣ свыше 1370 м. 1° на 50 м. Если тепло исходитъ отъ центра земли, то существовалъ бы какъ разъ обратный порядокъ: по мѣрѣ углубленія 1° долженъ былъ бы наростать все на меньшее число метровъ. Недавно, Агассицъ въ шахтахъ Calumet and Hecla wining Company нашелъ при 32 метрахъ глубины температуру въ 15° , а при 1396 м. 26° , 1. Если допустить, что на глубинѣ 32 метровъ температура не зависитъ уже отъ вліянія атмосферы, то въ данномъ случаѣ увеличеніе составитъ всего 11° на 1364 метра, или 1° на 123 метра. Получается весьма внушительное отступленіе отъ общепринятаго закона, по которому 1° возрастаетъ на 30 метровъ.

Съ другой стороны, установлено, что внутри горъ температура выше, чѣмъ въ почвѣ сосѣднихъ равнинъ: это обнаружилось при прорытіи туннелей, въ частности Монъ-Сенискаго. Болѣе того, температура, установленная въ нѣдрахъ земли, оказывается, непостоянна: она непрерывно колеблется.

Имѣется фактъ, весьма любопытный и отнюдь не говорящій въ пользу гипотезы центральнаго огня,—это констатированіе низкой температуры на днѣ океановъ. Измѣренія внутри земли не проникали на глубину, значительно превосходящую 1400 метровъ, тогда какъ въ морѣ онѣ доходили за 9000 метровъ. Установлено, что температура морской воды въ общемъ понижается отъ поверхности ко дну, сначала довольно быстро, затѣмъ очень медленно, до глубины, смотря по мѣсту; отъ 700 метровъ до 1600, гдѣ господствуетъ температура $+4^{\circ}$. Отсюда, по направленію ко дну, она падаетъ еще медленнѣе; въ умѣренномъ поясѣ также какъ и въ тропическомъ, на большихъ глубинахъ, достигающихъ 5500 метровъ, температура колеблется между 0° и $+2^{\circ}$; а въ полярныхъ странахъ она спускается до $-2^{\circ},5$. Итакъ, внутри моря наблюдается явленіе совершенно обратное тому, что замѣчено внутри земли: по мѣрѣ того, какъ мы опускаемся, температура понижается и чѣмъ болѣе мы приближаемся къ центральному огню, тѣмъ холоднѣе становится; а между тѣмъ тутъ мы подходимъ къ нему гораздо ближе, разъ въ девять.

Отъ тепла вода нагрѣвается; въ экваторіальныхъ странахъ на поверхности воды температура зачастую достигаетъ 30° , тогда какъ воздухъ на солнцѣ бываетъ отъ 40 до 50° . Въ тропическихъ странахъ, въ водахъ Канарскихъ острововъ, я наблюдалъ зимой на поверхности моря температуру въ 19° , а въ воздухѣ въ тѣни 26° ; разница всего въ 7° . Масса океаническихъ водъ, если только существуетъ центральный огонь, помѣщается между двумя источниками тепла: между солнцемъ и пиросферой. По закону возрастанія температуры— 1° на 30 метровъ, мы должны на глубинѣ 9000 метровъ найти температуру въ 300° . Слой воды, лежащій на днѣ, нагрѣтомъ внутреннимъ жаромъ до 300° , долженъ и самъ до извѣстной степени нагрѣться; при потерѣ упомянутыхъ выше 7° температура воды должна быть около 220° . А между тѣмъ мы не замѣчаемъ ни малѣйшаго нагрѣванія; наоборотъ, температура тамъ близка къ точкѣ замерзанія.

Предположимъ теперь на минуту вмѣстѣ съ Лавпараномъ, что вулканическія изверженія обусловлены давленіемъ, которое на жидкую массу оказываетъ огромный вѣсъ земной коры; что же произойдетъ?

Лава выльется чрезъ трубы; но по закону Паскаля, «если оказывается какое либо давленіе на поверхность жидкости, находящейся въ покоѣ, то давленіе это полностью передается во всѣ стороны.»

Слѣдовательно, лава должна вылиться одновременно чрезъ всѣ открытые кратеры, сообщающіеся съ центральнымъ резервуаромъ и раскупорить тѣ, которые не окажутъ сопротивленія большаго соотвѣтственно, чѣмъ производимое на нихъ давленіе. Вся система должна сразу придти въ дѣйствіе, а этого въ природѣ никогда не наблюдается: бываютъ лишь мѣстные изверженія.

Съ другой стороны, давленіе, производимое тяжестью земной коры, должно быть необычайно велико, если только представить себѣ, что поверхность земли равна приблизительно 510 милліонамъ квадратныхъ кило-

метровъ. При общемъ пониженіи на *одинъ миллиметръ* относительно совершенно незначительномъ, масса лавы, которая должна выйти, чтобъ уравновѣсить это ничтожное пониженіе, составила бы 510 кубическихъ километровъ, т. е. объемъ, равный всему количеству лавы, извергнутому вулканами въ историческія времена. Само собою разумѣется, изверженіе, во время котораго выбрасывается лишь ограниченное количество лавы, не можетъ быть вызвано давленіемъ подобнаго рода; тѣмъ болѣе, что, будь это такъ, давленіе заставило бы лаву подняться на чудовищную высоту, чего никогда не наблюдается; лава вытекаетъ потокомъ.

Если бы лава вытекала только въ случаѣ переполненія центрального бассейна, то она бы переливалась черезъ край, какъ напр. у Везувія, не вызывая тѣхъ ужасныхъ явленій, которыми сопровождаются изверженія; а если бы должны были выйти наружу газы, заключенные внутри, то это газы не воспламеняющіеся, и вырывались бы они со стремительностью, соответствующей давленію.

Разсмотримъ теперь всѣ явленія, которыми сопровождается вулканическое изверженіе и возьмемъ за образецъ, въ виду его современности, изверженіе Лысой Горы. Въ мѣстности около горы слышенъ подземный гулъ; вершина горы покрывается густыми облаками; чрезъ короткіе неровные промежутки раздаются страшные удары, словно залпы артиллеріи, или скорѣе, настоящая подземная гроза. Вскорѣ дождь теплаго пепла покрываетъ окрестности, потокъ лавы спускается съ горы. Гулъ слышенъ попрежнему; подымаются длинные огненные языки, потоки грязи спускаются въ долины. Въ ночь съ 7-го на 8-ое происходитъ страшная буря съ ударами грома; затѣмъ 8-го утромъ показывается огромное облако дыма, усеянное искрами; съ невѣроятной быстротой распространяется оно надъ городомъ, который уже загорается.

Разсказы очевидцевъ.—Много любопытныхъ фактовъ, на первый взглядъ совершенно необъяснимыхъ, встрѣчается въ разсказахъ очевидцевъ:

«.... Я былъ пораженъ ужасомъ и не могу себя объяснить, почему я не могъ кричать. Вдругъ, Лысая гора затрепетала и изъ кратера раздалось что то вродѣ стопа. Воздухъ словно замеръ. Я былъ оглушенъ ужаснымъ, чудовищнымъ трескомъ; казалось, все разлетѣлось вдребезги. Блеснулъ свѣтъ ослѣпительной молніи, и я остался пригвожденнымъ къ землѣ»...

«.... Дымъ былъ такой ужасный и такой ядовитый, что жегъ сильнѣе огня. Когда онъ достигалъ людей, тѣ падали мертвыми; вода въ морѣ кипѣла».

«Пассажиры *Roraima* наблюдали за падающимъ пепломъ, какъ вдругъ раздался страшный ударъ. Среди сильныхъ электрическихъ ударовъ, изъ кратера поднялся настоящий циклонъ изъ огня и грязи и стремительно налетѣлъ на городъ, гавань; всѣ суда, стоявшія на якорѣ, погибли».

«По морю проносились встрѣчныя теченія, мѣшавшія судамъ держать рейсъ; большія деревья опрокинуты корнями вверхъ».

Одинъ садовникъ изъ Морнъ-Ружъ видѣлъ на Лысой горѣ въ моментъ катастрофы семь блестящихъ точекъ. Онъ чувствовалъ, какъ будто его необычайно сильно влечетъ къ вулкану.

Послѣ несчастья власти констатировали слѣдующее: набережная поднята въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; не замѣтно никакихъ слѣдовъ огня, а, между тѣмъ, все поломано, словно пронесся смерчъ. Въ залахъ госпиталя постели брошены къ стѣнѣ, *железныя части скручены безъ всякихъ слѣдовъ огня*, все тканье исчезло.

Трупы обожжены снаружи, большинство обращены лицомъ къ землѣ, съ руками вытянутыми впередъ: одну женщину нашли сидящей на нетронутомъ маниоковомъ мѣшкѣ.

15-го вечеромъ вулканъ выбрасывалъ огромныя молніи, которыя были видны изъ Форъ-де-Франса. На слѣдующій день изъ вулкана поднялись густыя красныя облака, прорѣзываемыя молніями, и затопили равнину.

26 мая произошло новое изверженіе; видны были *милліоны молній, страшная гроза* разразилась около вулкана.

Съ другой стороны въ морѣ вдоль острововъ замѣтили, что *магнитныя стрѣлки компасовъ вели себя необычайно странно*. Этотъ фактъ, необъяснимый на первый взглядъ, особенно сильно подтвердитъ нашу точку зрѣнія.

При разсмотрѣніи обломковъ желѣза замѣтили, что 70% изъ нихъ *намагнитизировано*, а 5% представляютъ *настоящіе магниты*.

Сейсмическія явленія въ соседнихъ мѣстностяхъ. Не на одной только Мартиникѣ началъ дѣйствовать вулканъ; въ той же странѣ пробудились и другіе вулканы.

На островѣ Св. Винцента изверженіе вулкана въ полномъ ходу, слышенъ страшный гулъ, сопровождаемый *непрерывными молніями*. *Ударомъ грома убито было шестьдесятъ человѣкъ*.

Изверженіе продолжается: словно ужасная артиллерійская пальба раздается на разстояніи сотни миль. Кратеръ выбрасываетъ огромныя огненные столбы разныхъ оттѣнковъ; много бѣглецовъ *было убито молніей*. Вдоль сѣвернаго берега острова море представляло собой настоящій котелъ съ кипящей водой.

Островъ Св. Люціи обезпокоенъ тревожными явленіями; источники начинаютъ кипѣть, слышны зловѣщіе раскаты, и вскорѣ на этомъ островѣ появляются жертвы изверженія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ вулканъ Іона*) послѣ 30-ти лѣтняго покоя выбрасываетъ дымъ и пары.

На Ямайкѣ сѣрные источники сдѣлались горячими, *во всей странѣ становится невыносимо жарко*.

Въ Мексикѣ, вулканъ Pico de Colina обнаруживаетъ признаки близкаго изверженія; въ теченіе трехъ дней гора увѣнчана дымомъ и пламенемъ.

*) Почтенный авторъ введенъ былъ въ заблужденіе гг. журналистами: такого вулкана нѣтъ и не было.

Въ Никарагуа вулканъ Момонтоambo произвелъ изверженіе, которое сопровождалось сильнымъ землетрясеніемъ.

Съ другой стороны, сообщаютъ, что 18-го апрѣля страшное землетрясеніе разрушило городъ Квецальтенанго въ Гватемалѣ; этому сейсмическому явленію *предшествовала ужасная гроза* съ проливнымъ дождемъ и т. д.

Резюме. — Колебанія почвы, сильныя грозы, молніи, громъ, пертурбація магнитныхъ стрѣлокъ, магнитное состояніе брошенныхъ предметовъ, взрывы и подземный гулъ, огненные языки, свѣтящіяся точки, густыя облака, буря, циклонъ, огненные смерчи, повышеніе температуры воздуха въ вулканическихъ мѣстностяхъ и температуры воды въ морѣ, образованіе морскихъ теченій, электрическіе удары, убивающіе большое количество людей, кипѣніе моря, дождь пепла и разнаго рода пыли, потоки лавы и грязи, стремительность явленій, не позволяющая жителямъ убѣжать: они мгновенно падаютъ мертвыми, — пробужденіе другихъ вулкановъ. Вотъ собраніе всѣхъ метеорологическихъ и другихъ явленій.

Объясненіе явленій. — Повидимому, геологи и сейсмологи очень затрудняются дать надлежащее объясненіе всѣмъ явленіямъ, имѣвшимъ мѣсто на Мартиникѣ. По мнѣнію Лаппарана, произошли двѣ вещи: сначала изверженіе, которое уничтожило часть канала кратера и бросило въ воздухъ шлаки раскаленной до бѣла лавы, подъ которыми было все погребено; а затѣмъ огромный потокъ расплавленной лавы. Невозможно, говоритъ знаменитый геологъ, опредѣлить отдаленныя причины; извѣстно только то, что Антильскіе острова плохо расположены: они находятся какъ-разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ море достигаетъ огромной глубины, слѣдовательно, у глубокой трещины земной коры.

«Каждую минуту по этой трещинѣ могутъ подняться газы, выдѣляемые расплавленной массой центрального шара; каждую минуту можно ожидать подобной катастрофы».

Англійскій геологъ Дусонъ Мильнъ полагаетъ съ своей стороны, что вершина Лысой горы была сброшена, какъ крышка цилиндра, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго давленія пара: «Вулканическія изверженія подобнаго рода, говоритъ онъ, обусловливаются просачиваніемъ морской воды. Подъ дѣйствіемъ центрального огня мгновенно образуются массы паровъ воды и ихъ непреодолимое давленіе взрываетъ кратеръ и далеко выбрасываетъ его раскаленные обломки. Это единственное объясненіе, почему городъ С.-Пьеръ былъ такъ внезапно покрытъ огненной массой, о которой говорятъ официальные телеграммы, и почему все населеніе было застигнуто катастрофой, которой оно, разумѣется, сумѣло бы избѣжать, еслибъ имѣло дѣло съ обыкновеннымъ изверженіемъ съ потоками лавы; какъ бы ни была велика скорость движенія послѣднихъ, жители все таки могли бы спастись, если принять во вниманіе разстояніе, отдѣляющее городъ отъ вулкана».

Я не могу согласиться съ г. Лаппараномъ, когда онъ говоритъ, что невозможно опредѣлить отдаленныя причины вулканическихъ изверженій; не могу принять и его объясненія наблюдаемыхъ явленій, такъ какъ оно

слишкомъ обще, оставляетъ большинство фактовъ не объясненными и основано на гипотезѣ, не имѣющей за себя положительныхъ данныхъ.

Сейсмологовъ уже давно должно было поразить сильное развитіе электрическихъ явленій во время изверженій вулкановъ. Во всѣхъ разсказахъ очевидцевъ упоминается о страшныхъ грозахъ, объ огромныхъ молніяхъ, выходящихъ изъ вулкановъ.

Съ другой стороны извѣстно, что сѣверныя и южныя сіянія, грозы и вулканическія изверженія вызываютъ сильныя колебанія магнитной стрѣлки даже на большихъ разстояніяхъ. Считается безспорнымъ, что сіянія и грозы происходятъ отъ дѣйствія земного электричества. Почему же вулканическія изверженія, вызывающія тѣ же явленія, должны составлять исключеніе? Это не значить, что они служатъ причиной грозъ и сильныхъ электрическихъ разрядовъ, которые обыкновенно сопровождаютъ ихъ, потому что и не крупныя изверженія, безъ грозъ—точно также вызываютъ колебанія магнитныхъ стрѣлокъ. Извѣстно, что чрезъ земной шаръ проходятъ электрическіе токи, найдены магнитные полюсы, установлены магнитные меридіаны, направленіе и отклоненія которыхъ указаны стрѣлкой склоненія; стрѣлка склоненія знакомитъ насъ съ другими проявленіями этихъ электрическихъ токовъ, напряженіе которыхъ измѣряется при помощи различныхъ приборовъ. Извѣстно далѣе, что направленіе и напряженіе силы земного электричества различны въ разныхъ пунктахъ земной поверхности; что различія эти бываютъ мѣстныя, дневныя, годичныя, вѣковыя; что общее направленіе токовъ находится въ сильной зависимости отъ мѣстныхъ причинъ, въ родѣ присутствія горъ, чрезъ которыя предпочтительно проходятъ токи и которыя играютъ роль кондукторовъ,—природы почвы, конфигураціи береговъ, высоты, ширины и пр.

Дневныя колебанія стрѣлки склоненія весьма значительны и показываютъ, что солнце сильно вліяетъ на электрическіе земные токи. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ широтахъ конецъ магнитной стрѣлки ежедневно отъ восхода солнца и до часа полудни поворачивается съ востока на юго-востокъ. Затѣмъ обратнымъ движеніемъ она снова обращается на востокъ, такъ что къ 10 часамъ вечера опять занимаетъ почти то же положеніе, что и утромъ.

Предположимъ теперь, что подъ вліяніемъ причинъ, намъ пока неизвѣстныхъ, но дѣйствующихъ не внутри земли, въ какой либо части земного шара значительно усиливается электрическое напряженіе. Образующійся электрическій токъ высокаго напряженія, проходя чрезъ такой кондукторъ, какъ напр. горная цѣпь, встрѣчаетъ на своемъ пути сопротивленіе и проявляетъ то же дѣйствіе, какое мы наблюдаемъ въ физическихъ опытахъ: электричество обращается въ тепло и свѣтъ, токъ въ опредѣленномъ мѣстѣ расплавляетъ свой кондукторъ. Подъ вліяніемъ электрическаго тока вода, содержащаяся внутри земли, разлагается на свои составные элементы: на кислородъ и водородъ. А такъ какъ при электролизѣ воды (H_2O) выдѣляется два объема водорода и одинъ кислорода, то образуется гремучій газъ, ко-

торый страшно взрываетъ отъ высокой температуры или электрической искры и при этомъ снова образуется вода. Вотъ почему, несмотря на высокую температуру, изъ вулкановъ вылетаютъ потоки воды и грязи и даже на вершинахъ вулкановъ образуются значительныя количества жидкости, какъ это было, напр., на Лысой горѣ. Съ усиленіемъ электрическаго напряженія возрастаетъ и температура: часть воды обращается въ паръ; вскорѣ начинаютъ разлагаться геологическіе элементы; подъ вліяніемъ необычайно высокой температуры выдѣляется множество газовъ, давленіе ихъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ; они производятъ подъемы почвы, пролагаютъ себѣ выходъ и вырываются наружу, увлекая за собой всѣ вещества, обратившіяся въ пыль вслѣдствіе диссоціаціи составныхъ элементовъ земли. Скалы и металлы вскорѣ плавятся и образуютъ лаву, которая вытекаетъ въ силу расширенія, вызваннаго жаромъ.

Когда окончился періодъ образованія газовъ, тогда можно сказать: опасность миновала; но пока есть еще вода, подземные удары и сильныя взрывы продолжаются. Тогда уже только вытекаетъ лава, но она не представляетъ опасности, потому что никогда не течетъ такъ быстро, чтобъ отъ нея нельзя было спастись. Тепло, выдѣляемое потоками лавы, тоже не можетъ произвести опустошенія на большомъ пространствѣ. Лава вскорѣ покрывается шлаками, по которымъ можно безопасно ходить, между тѣмъ какъ расплавленная масса лежитъ всего на какихъ нибудь 50 сантиметровъ ниже. Разумѣется, лава уничтожаетъ все, что встрѣчается на своемъ пути, но сама она не въ состояніи вызвать всѣхъ тѣхъ явленій, которыя наблюдаются во время изверженій.

Въ концѣ-концовъ послѣ нѣсколькихъ послѣднихъ малозначительныхъ конвульсій, вызванныхъ внезапнымъ усиленіемъ электрическаго напряженія, вулканъ затихаетъ, погружается въ дремоту, какъ Везувій, и, можно сказать, не представляетъ уже болѣе опасности.

Причина всѣхъ электрическихъ явленій, наблюдаемыхъ при изверженіяхъ, вполне понятна; всѣ эти подземные раскаты—предвѣстники настоящей подземной грозы, сопровождающейся взрывами гремучаго газа. Легко объясняется и мгновенная смерть населенія С. Пьера. По словамъ свидѣтелей, жители падали какъ мухи; они погибли отъ электрическихъ разрядовъ, вызванныхъ контактомъ сильно наэлектризованныхъ облаковъ газа и воды. Одинъ очевидецъ удостовѣряетъ, что въ первомъ облакѣ, упавшемъ на С. Пьеръ, совсѣмъ не было огня.

Электрическая гипотеза объясняетъ распредѣленіе вулкановъ по линіямъ, приближающимся къ магнитнымъ меридіанамъ и даже совпадающимъ съ ними; объясняетъ она и одновременное пробужденіе нѣсколькихъ вулкановъ одной цѣпи, тогда какъ всѣ вулканы остальныхъ мѣстъ земного шара остаются спокойными. Было сообщено объ усиленіи дѣятельности Везувія; это возможно только въ томъ случаѣ, если магнитное напряженіе, оставивъ Америку, перейдетъ въ наши страны. Но разъ изверженія происходятъ въ этой части свѣта, нѣтъ никакого основанія опасаться ихъ и въ

Старомъ Свѣтѣ. Однако въ виду скорости распространенія электричества возможно, что мы здѣсь будемъ наблюдать (и уже наблюдаемъ) сейсмическія явленія.

Такъ какъ электрическіе токи проходятъ въ землѣ на различной глубинѣ, иногда на весьма значительной, а иногда и по поверхности, то и вулканическій горнъ, гигантская лабораторія, въ которой происходятъ такія ужасныя реакціи, тоже можетъ помѣщаться на различной глубинѣ, а это отражается на всѣхъ проявленіяхъ изверженія. Во всякомъ случаѣ, вулканическій очагъ лежитъ близко къ поверхности; это, выражаясь медицинскимъ языкомъ, наружный нарывъ, и есть основаніе полагать, что подъ большинствомъ вулканическихъ очаговъ можно было бы прорыть туннели, при чемъ не встрѣтилось бы никакихъ предохранительныхъ каналовъ, и ничѣмъ бы не угрожали явленія, происходящія наверху. Рано или поздно фактъ этотъ будетъ констатированъ, благодаря крупнымъ работамъ въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ потухшими вулканами или съ источниками кипящей воды. Вулканы—это электрическіе борны, отъ которыхъ человѣкъ современемъ будетъ заимствовать энергію, необходимую для приведенія въ дѣйствіе всѣхъ машинъ.

Не трудно было бы въ лабораторіяхъ воспроизвести всѣ явленія, наблюдаемыя во время изверженія: стоитъ только пропустить достаточно сильный токъ чрезъ массу, составъ которой подходитъ къ почвѣ, образующей очагъ вулкана, принимая при этомъ во вниманіе получающееся давленіе, количество воды и пр.

Надо еще замѣтить, что наиболее сильныя изверженія происходятъ при образованіи новаго вулканическаго очага или при пробужденіи вулкана, долгое время бездѣйствовавшаго.

Въ такомъ случаѣ электрическій токъ встрѣчаетъ на пути дѣйственный матеріалъ и много воды; такимъ образомъ въ первый періодъ изверженія, т. е. во время образованія газовъ, имѣется много такихъ элементовъ, которыхъ бываетъ мало въ дѣйствующихъ вулканахъ; а потому въ послѣднихъ мы будемъ наблюдать лишь болѣе усиленное образованіе лавы.

Въ короткой статьѣ нельзя касаться многихъ сторонъ, имѣющихъ отношеніе къ данному вопросу, т. е. къ вопросу о земномъ электриствѣ. Землетрясенія, горячіе источники, образованіе рудничнаго газа, земной жаръ, бездѣйствіе вулкановъ—все это—явленія, обусловленныя одной и той же причиною.

Можно ли предвидѣть и ослабить вулканическія явленія.—Изъ всѣхъ явленій на землѣ всего легче предвидѣть вулканическія изверженія. Они тѣсно связаны съ метеорологическими явленіями и отъ нихъ, несомнѣнно, зависятъ. Гипотеза центральнаго огня, какъ причины изверженій, никоимъ образомъ не въ состояніи предвидѣть ни проваловъ, которые въ данный моментъ могутъ произойти въ земной корѣ, ни внезапнаго заточенія вулкана водами моря; вѣдь это случайныя явленія, многочисленныя, скрытыя причины которыхъ намъ неизвѣстны.

Совеѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если мы примемъ электрическую гипотезу. Вѣдь мы можемъ измѣрять степень склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки подѣ влияніемъ электрическихъ токовъ, а также и ихъ напряженіе. Если наблюденія покажутъ намъ, что въ какой либо части земного шара значительно усиливается напряженіе, что пертурбація эта совпадаетъ съ извѣстными солнечными и даже лунными явленіями, то мы можемъ отсюда заключить, что есть полное основаніе опасаться усиленія дѣятельности вулкановъ въ данной мѣстности. Наблюдая за магнитными инструментами въ первый періодъ изверженія, мы узнаемъ, усиливается ли, или слабѣетъ электрическое напряженіе, и на основаніи этихъ данныхъ выяснимъ ходъ изверженія, будетъ ли оно сильно или нѣтъ. Но для этого потребовалось бы устроить магнитныя станціи во всѣхъ вулканическихъ мѣстностяхъ и производить въ нихъ необходимыя наблюденія. Кромѣ того надо было бы изучить ходъ токовъ внутри земли и опредѣлить ихъ движенія кверху; до сихъ поръ изучали только поверхностные токи. А между тѣмъ существуютъ токи на различныхъ глубинахъ, и токи эти поднимаются и опускаются подѣ влияніемъ причинъ, которыя слѣдуетъ выяснить. Луна оказываетъ весьма замѣтное влияніе на вулканическія явленія: достаточно наблюдать Везувій, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Вулканическія явленія до такой степени тѣсно связаны съ метеорологическими, что влияніе ихъ сильно сказывается на климатѣ даже другихъ частей свѣта; доказательствомъ этого служатъ по истинѣ зимніе холода въ маѣ прошлаго года. Это воздѣйствіе на климатъ всегда наблюдалось при прежнихъ сильныхъ изверженіяхъ. Надо замѣтить, что подъемъ температуры у насъ совпадаетъ съ уменьшеніемъ сейсмическаго напряженія въ Мексиканскомъ заливѣ и Антильскомъ морѣ; у насъ увеличивалось магнитное напряженіе и проявляется уже въ грозахъ, воздухъ былъ тяжелый, вѣчныя тучи; можно было предвидѣть, что температура истекшаго лѣта будетъ высокая.

Всякое усиленіе сейсмическихъ силъ на Мартиникѣ должно отражаться и въ Европѣ, вызывая паденіе температуры; это можно провѣрить по ежедневно получаемымъ телеграммамъ и прослѣдить такимъ образомъ влияніе колебаній электрическаго напряженія. Напр. 6-го и 7-го іюня, намъ было сообщено объ усиленіи изверженія, въ то же время температура у насъ упала съ 27° въ тѣни до 9°.

Что касается средствъ для борьбы съ разрушительной силой вулкановъ, то среди нихъ есть одно, которымъ слѣдуетъ воспользоваться прежде всего; вотъ оно: опредѣлить около вулкана зону, опасную въ случаѣ изверженія и строго запретить строить жилища внутри линіи, опредѣляющей границы владѣній вулкана.

Быть можетъ, мы могли бы до извѣстной степени ослабить страшныя проявленія вулканической дѣятельности; но силы наши слишкомъ слабы чтобы вступитъ въ борьбу съ такимъ ужаснымъ врагомъ. Быть можетъ, нашли бы средства направить часть электричества въ воздухъ или въ морскую воду, заставить токъ идти другой дорогой, чтобъ онъ избѣгъ сопротивленія, превращающаго его въ тепло.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ приступить къ изученію электрическихъ явленій, происходящихъ на нашемъ шарѣ; надо быть слѣпымъ, чтобъ отрицать и не видѣть, что электричество играетъ главную роль при вулканическихъ изверженіяхъ.

Всѣ очевидцы единодушно удостовѣряютъ страшную силу электрическихъ разрядовъ; установлено, что всѣ извергнутыя вулканомъ вещества намагничены, что магнитныя стрѣлки даже на далекихъ разстояніяхъ испытываютъ пертурбаціи. Въ нашихъ обсерваторіяхъ было констатировано, что сейсмическая дѣятельность въ маѣ мѣсяцѣ была крайне сильна; болѣе того, нѣсколько времени спустя послѣ изверженія любопытные люди хотѣли было приблизиться къ Лысой горѣ, но вынуждены были вернуться вспять испугавшись, какъ бы ихъ не убило молніей.

Но официальная наука, загипнотизированная идеей о центральномъ огнѣ, видитъ во всѣхъ этихъ необычайныхъ электрическихъ проявленіяхъ лишь слѣдствіе; такая электрическая дѣятельность должна, видите ли, только сопровождать химическія реакціи: соединенія, разложенія, диссоціацію, тогда какъ вполне очевидно, что она предшествуетъ имъ и даже задолго и при томъ въ такой мѣрѣ, что животныя прекрасно предчувствуютъ приближеніе вулканическихъ явленій, какъ они предчувствуютъ и грозу. Но мѣрѣ того, какъ приближается изверженіе, они становятся все болѣе безпокойны; вскорѣ, обнаруживаютъ признаки страха и убѣгаютъ. Жители инстинктивно хотятъ послѣдовать ихъ примѣру, но тутъ вмѣшивается человѣкъ науки, воображающій, что онъ проникъ во всѣ тайны природы, и не замѣчающій только того, что животныя лучше его понимаютъ природу. Теперь мы должны съ грустью признать тотъ безспорный фактъ, что классическая наука, основываясь на ложной гипотезѣ, была причиной гибели столькихъ жителей С. Пьера, которымъ было воспрещено выйти изъ города. Несчастный губернаторъ палъ жертвой своей вѣры въ науку, такъ какъ коммиссія, опираясь неизвѣстно на какое точное, положительное, научное основаніе, осмѣлилась распорядиться такимъ образомъ жизнью цѣлаго города, предсказавъ, что вулканъ не питаетъ злостныхъ намѣреній. Наука получила отъ природы необычайно жестокое опроверженіе.

Жители С. Пьера должны были слѣдовать своему животному инстинкту, который рѣдко насъ обманываетъ, и не обращать вниманія на ни на чемъ не основанныя гипотезы, которыми ихъ сужала наука.

Установленъ фактъ, что современная наука, съ ея гипотезой центрального огня, принятой за истину, никогда не могла предсказать ни одного изверженія и опредѣлить, какіе размѣры оно приметъ; слѣдовательно ея исходный путь невѣренъ, это неоспоримо. Но благодаря господству рутины и силы, направляющей большинство людей въ сторону старыхъ идей, предрасудковъ, ничего не дѣлается, чтобъ разрѣшить знаменитую проблему о вулканахъ. Скажутъ только, что это проявленіе центрального огня, сопровождающееся цѣлымъ рядомъ явленій, которыхъ никто не въ состояніи объяснить,—и честь официальной науки спасена: стоитъ ей только признаться въ своемъ невѣжествѣ.

Жаль, говорятъ, что комиссія ученыхъ, посланная на Мартинику для изученія тамъ вулканическихъ явленій, не формулировала предварительнаго мнѣнія о генезисѣ послѣднихъ изверженій.

Но ей, этой комиссіи, нечего формулировать. Она могла бы сказать вамъ только, что вулканъ — труба, предохранительный клапанъ. Чего вы еще хотите отъ нея? Съ одной этой идеей, какъ съ научнымъ багажемъ, она и отправилась на Мартинику. Она какъ въ судебномъ засѣданіи разберетъ дѣло о преступленіи, совершенномъ вулканомъ и напишетъ объемистый докладъ о катастрофѣ. Докладъ этотъ будетъ считаться очень ученымъ и доставленъ будетъ правительству, которое положитъ его въ картонъ, — и кончено дѣло. Развѣ не повторялось тоже самое раньше, напр. при изверженіи Кракатау? Комиссія составила блестящій офиціальный докладъ, который теперь покоится въ голландскомъ министерствѣ. И это не дало никакого толчка наукѣ о вулканахъ, прекраснымъ доказательствомъ чего служитъ Лысая гора. — Что же дѣлать при такихъ условіяхъ?

Необходимо, чтобъ наука направила свои изслѣдованія во всѣ стороны, безъ предвзятыхъ идей, не основываясь на парализующихъ ее гипотезахъ. Разъ электрическія явленія такъ важны, надо изучить ихъ. Въ вулканическихъ мѣстностяхъ надо устроить наблюдательные пункты, гдѣ бы изучались всѣ проявленія земного электричества. Какъ сказалъ недавно г. Рише, не слѣдуетъ бояться, будемъ очень смѣлы въ нашихъ изслѣдованіяхъ, атакуемъ природу сразу со всѣхъ сторонъ, окружимъ ее цѣпью научныхъ «блокгаузовъ».

Въ частности я опять обращаю вниманіе на электричество въ океанѣ, изученіе котораго совершенно оставлено. Надо изучить ходъ токовъ, ихъ напряженіе и перемѣненія внутри моря въ вертикальномъ направленіи, въ связи съ высотой солнца, съ временемъ года и фазами луны.

Я увѣренъ, что изученіе проявленій земного электричества дастъ намъ средства предвидѣть вулканическія изверженія.

Въ виду очевиднаго низкаго положенія, которое занимаетъ наука въ вопросѣ о сейсмическихъ явленіяхъ, необходимо, чтобъ правительства, у которыхъ есть колоніи въ вулканическихъ странахъ, употребили всѣ средства, для разрѣшенія этой важной геологической задачи. Они должны возможно шире покровительствовать важному изученію даннаго вопроса; нечего жалѣть денегъ, когда вопросъ идетъ о спасеніи жизней, ответственность за которыя падаетъ на общественныя власти. Совокупность изслѣдованій, предпринятыхъ по широкому плану, несомнѣнно, приведетъ къ открытію средствъ, способныхъ предотвратить катастрофы, подобныя той, которая опустошила одинъ изъ Антильскихъ острововъ.

Левъ Горскій.

Современныя общественныя теченія въ польской литературѣ.

«Наша молодежь» Scriptora. Политическія направленія среди польской молодежи. Неофилареты. Критика «Нашей молодежи» Фельдмана. Прогрессивная печать въ Царствѣ Польскомъ. Новый журналъ «Огниво». Необезпеченность публицистовъ и людей науки на польской почвѣ. Перемены во взглядахъ на историческое прошлое въ польскомъ общественномъ мнѣніи. Ашкенази. Защита «Liberum Veto» Свентоховскимъ. Увлеченія.

Въ концѣ прошлаго года появилась въ Краковѣ книга неизвѣстнаго автора, скрывающагося подъ псевдонимомъ „Scriptor“, составляющая первый томъ обширнаго изданія, подъ заглавіемъ „Матеріалы и мысли политическія“, и носящая многознаменательное названіе: „Наша молодежь“. Давно уже ни одна книга не производила столько шума во всѣхъ слояхъ польскаго общества, не вызывала столько разнообразныхъ толковъ, порицаній однихъ и одобреній другихъ, какъ названное сочиненіе Скриптора. Авторъ исходитъ изъ той основной точки зрѣнія, что въ политическихъ броженіяхъ играютъ значительную роль настроенія молодежи, которая своею стремительностью иногда неожиданно производитъ роковой поворотъ въ общественной жизни, увлекаетъ за собою толпу и побуждаетъ со временемъ идти за собою болѣе зрѣлые элементы; послѣдніе принуждены идти за начавшимся движеніемъ, такъ какъ не въ состояніи его задержать, и никто ихъ не слушаетъ. Имѣя это въ виду, авторъ взялъ на себя задачу, ради „предупрежденія ошибокъ, происшедшихъ въ прошломъ“, изслѣдовать политическія настроенія среди современной польской молодежи въ царствѣ польскомъ, въ Галиціи, въ Познани и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ за границей. Эпиграфъ къ книгѣ взятъ изъ Спинозы и гласитъ: „Non mirari, non indignari, sed intelligere“. Дабы сохранить полную объективность, авторъ въ основаніе характеристики кладетъ исключительно документы, созданные самою молодежью: газеты, издаваемые въ Краковѣ, Львовѣ, Познани, Парижѣ и Лондонѣ, политическія брошюры кружковъ молодежи, прокламаціи и воззванія, составленныя на студенческихъ сходкахъ и пущенныя уже въ оборотъ. О богатствѣ и разнообразіи содержанія этой книги можно судить отчасти по заглавіямъ отдѣловъ: „Направленія и организаціи молодежи въ русскихъ университетахъ“, „Университетскіе безпорядки“, „Воспитательныя задачи“, „Молодежь въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ народностямъ“, „Процессы“, „Демон-

страціи“ и т. п. Картина получилась, по мнѣнію автора и судя по собраннымъ имъ матеріаламъ, далеко не утѣшительная. Вся молодежь — за исключеніемъ развѣ карьеристовъ, думающихъ лишь о теплыхъ и доходныхъ мѣстечкахъ въ будущемъ, и небольшихъ группъ, серьезно и съ любовью посвящающихъ университетскіе годы ознакомленію съ наукой, — предается съ азартомъ и остервененіемъ политикѣ, не имѣя достаточныхъ политическихъ знаній, не приобрѣтя вслѣдствіе молодости необходимаго практическаго опыта, непрерывно агитируетъ, порицаетъ безоцѣночно все, что дѣлается старшими, а именно, руководителями польскихъ политическихъ круговъ Галиціи и Познаніи, относится крайне нетерпимо къ людямъ другихъ убѣжденій, распадается на лагеря, взаимно осыпаящіе другъ друга бранью и обвиняющіе другъ друга въ измѣнѣ идеаламъ, народу, обществу, прогрессу и т. п. Два главные теченія политической мысли среди польской молодежи — это „національно-демократическое“ коего официальнымъ органомъ считается издаваемый въ Краковѣ ежемѣсячный журналъ „Przegląd Wszechpolski“ и „соціалистическое“, представляемое издаваемымъ въ Лондонѣ „Przedświt“омъ и краковскимъ журналомъ извѣстнаго парламентскаго вожака соціалистовъ Игнатія Дашинскаго, озаглавленнымъ „Naprzód“ (Впередь).

Scriptor, подчеркивая крайности и необузданные порывы обоихъ направленій, доказываетъ, что въ послѣднее время партія соціалистическая среди молодежи численно весьма сильно растаяла; впрочемъ, она подѣйствовала на рабочія и крестьянскія массы въ Галиціи и нашла замѣстителей въ старшемъ поколѣніи; зато огромная часть молодежи охвачена другимъ побѣдоносно идущимъ движеніемъ, „народно-демократическимъ“, соответствующимъ крайнему развитію націонализма во всей европейской жизни и выражающимся на почвѣ юношеской запальчивости цѣлымъ рядомъ „безразсудныхъ демонстрацій, ведущихъ за собою при-скорбныя послѣдствія для учащихъ“ (демонстраціи передъ заграницными консульствами въ Галиціи, повлекшія исключенія демонстрантовъ изъ учебныхъ заведеній); молодежь, плывущая по этому теченію, заражена крайнимъ шовинизмомъ и относится весьма враждебно даже къ передовымъ и либеральнымъ элементамъ среди другихъ народностей. Scriptor полагаетъ, что душа нынѣшняго молодого поколѣнія сильно больна, онъ сѣтуетъ на небывалое трагическое раздвоеніе между отцами и сыновьями, но все таки не теряетъ надежды, что въ жизни молодежи долженъ произойти цѣлительный кризисъ.

Мы не можемъ вступать здѣсь въ критическій разборъ интересной книги Scriptor'a. Позволимъ себѣ сдѣлать лишь два три бѣглыхъ замѣчанія. Какъ ни старается авторъ „Нашей молодежи“ быть объективнымъ, извѣстный установившійся складъ его политическихъ убѣжденій — такъ какъ онъ видимо принадлежитъ къ лояльно-примирительно-оппортунистической партіи, — а также спокойный темпераментъ челоѣка пожилаго, либо пожилого, заставляютъ его слишкомъ преувеличивать значеніе довольно обыденныхъ идейныхъ излишествъ среди молодежи, слишкомъ пугаться „волненія крови молодой“ и рисовать себѣ молодежь въ чрезмѣрно почернѣвшихъ краскахъ.

За симъ, самый подборъ матеріала для характеристики — агитаціонныхъ журналовъ, революціонныхъ брошюръ, прокламацій, фабрикуемыхъ на сходкахъ, когда собраніе переживаетъ бурныя минуты, и по свойству массоваго духа, поддается влиянію самыхъ энергическихъ единицъ, пламенныхъ ораторовъ, вожаковъ партіи — матеріаль этотъ, несмотря на его объективную правдивость, едва-ли исчерпываетъ все содержаніе духа современной молодежи. Нынѣшнее увлеченіе польской молодежи модернистическими влияніями въ искусствѣ и литературѣ вплоть до декадентскихъ кривляній, поклоненіе то Ницше, то Толстому — доказываетъ, что юная душа гораздо сложнѣе и богаче, чѣмъ это кажется Scriptor'у. Наконецъ, о полномъ „трагическомъ разрывѣ“ между отцами и сыновьями не можетъ быть рѣчи; во многихъ взглядахъ молодежи оказывается солидарной со старшими — только изъ передового лагеря, и если она не ободряетъ галиційскихъ мужей совѣта, либо познанскихъ изъ „Польскаго Кола“, въ этомъ нѣтъ ничего мудренаго; въ этомъ отношеніи руководителями ея мнѣній являются передовые органы печати, въ родѣ варшавскихъ „Глоса“ и „Правды“, основательно указывающіе на политическую неумѣлость, нетактичность, затхлый консерватизмъ польскихъ аграріевъ и парламентскихъ воротилъ, хуже того — ихъ недостойную связь съ прусскими юнкерами въ парламентѣ на почвѣ общихъ низменныхъ экономическихъ интересовъ.

Впрочемъ, сама книга Scriptor'a указываетъ на нѣкоторыя движенія среди польской молодежи, не имѣющія почти ничего общаго съ политикой, по крайней мѣрѣ, съ агитаціонной горячкой и общественной борьбой. Таково движеніе „Неофиларетовъ“, напоминающихъ филаретовъ — мечтателей временъ Мицкевича въ виленскомъ университетѣ. „Неофилареты“ чуждаются во время университетской жизни политики, думаютъ лишь о своемъ нравственномъ самосовершенствованіи и примѣрами душевной красоты желаютъ со временемъ поразить и побѣдить весь міръ. Движеніе это вызвано къ жизни хорошимъ знатокомъ Платона, философомъ, краковскимъ профессоромъ Лютославскимъ. Въ его теоріяхъ болѣе сумасбродства, чѣмъ истинной философіи. Лютославскій считаетъ себя продолжателемъ мистика-Товіанскаго, — пророкомъ. Ученіе его основано на преувеличенной оцѣнкѣ достоинствъ польскаго народа, якобы призваннаго къ высшему нравственному развитію и перерожденію всѣхъ другихъ народовъ примѣромъ своей душевной красоты. Новому Товіанскому кажется, что онъ въ состояніи въ короткое время перевоспитать все польское общество, и что затѣмъ вскорѣ по этому образцу измѣнятся всѣ народы и преклонятся передъ идеаломъ взаимной братской любви. Должно быть есть какая-то нравственная сила въ этомъ оригинальномъ по настоящему времени сумасбродѣ, если онъ въ теченіе двухъ лѣтъ успѣлъ увлечь за собою тысячи молодыхъ людей и подчинить ихъ своей деспотическо-диктаторской власти; мало того, въ образуемыхъ имъ кружкахъ нравственнаго самосовершенствованія должны наблюдаться суровыя ригористическія правила и весьма стѣснительные обряды... взаимной исповѣди „братьевъ и сестеръ“ во всѣхъ прегрѣшеніяхъ.

Талантливой, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ рѣзкой критикѣ подверглось сочиненіе Scriptor'a въ январьскомъ выпускѣ

львовскаго журнала „Критика“. Передовая статья о „Нашей молодежи“ обозначена буквою „Ф“, инициаломъ фамиліи редактора этого журнала Фельдмана, молодого драматурга и поэта, выдающагося журналиста, бойца на всѣ руки, инициатора „Народнаго Университета“ въ Галиціи. Статья талантлива: она ѣдко высмѣиваетъ ужасъ зажившійся на парламентскихъ стульяхъ сенаторовъ, „внезапно увидѣвшихъ маленькое недисциплированное „чудовище“—молодежь.

Эта статья построена на тезисѣ, взятомъ изъ Шуйскаго, кстати, вовсе не революціонера, ибо почтенный историкъ принадлежалъ къ краковской школѣ, доказывающей, что Польша погибла по своей собственной винѣ, вслѣдствіе отсутствія сильной державной власти. Но историкъ Шуйскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ и, какъ таковой, понималъ психологію молодежи. Тезисъ его, воспринятый Фельдманомъ, гласитъ: „кто въ двадцать лѣтъ не мечтаетъ о томъ, что слѣдуетъ весь міръ перевернуть, тотъ въ сорокъ лѣтъ будетъ обыкновеннымъ негодяемъ“. Но статья Фельдмана, какъ мы сказали, чрезмерно рѣзка. Авторъ ея слишкомъ уменъ, чтобы не замѣтить зла, кроющагося въ узкой партійности: онъ предостерегаетъ отъ этого зла молодежь, совѣтуетъ ей не замыкаться въ молодые годы въ партійныхъ убѣжденіяхъ, внимательно выслушивать мнѣніе противниковъ, уважать чужіе политическіе взгляды, изучать теоретическія ученія всѣхъ партій, дабы со временемъ сдѣлать сознательный выборъ и т. д.—т. е. въ основной мысли въ концѣ концовъ сходится со Скрипторомъ.

И, дѣйствительно, изъ книги послѣдняго—при всей ея односторонности и авторскомъ преклоненіи передъ средой „умѣренности и аккуратности“—приходится сдѣлать одинъ непоколебимый и печальный выводъ. Нынѣшняя молодежь не хуже старшаго поколѣнія—это такъ; но она ничуть не лучше: въ ней растутъ тѣ-же политическія страсти, та-же злоба и исключительность, тотъ-же узкій фанатизмъ облюбованныхъ идеекъ и тотъ-же шовинизмъ; а все это говоритъ, что та-же стихійная и безрезультатная борьба будетъ продолжаться и въ будущемъ долгіе годы, что волны безразсудства поглотятъ опять живительныя сѣмена лучшихъ вдохновеній, что о мирномъ и разумномъ разрѣшеніи тяжелыхъ вопросовъ еще долго нельзя будетъ подумать. Но въ этомъ виновата не одна молодежь.

Съ новымъ годомъ, а вѣрнѣе съ конца предыдущаго года, сталъ издаваться въ Варшавѣ новый журналъ „Ogniwo“ (звено). Имена редактора и издателя журнала не говорятъ, по своей малой извѣстности, ничего опредѣленнаго, но фамиліи сотрудниковъ, прекрасный девизъ изъ польскаго поэта Асныка, мѣткое и благородное програмное слово и первые номера новой еженедѣльной газеты производятъ бодрящее впечатлѣніе. Девизъ изъ Асныка напоминаетъ о „мысли, служащей общественному благу, ведущей за собою длинный рой духовъ, будто цѣпь летящихъ въ глубь неба журавлей“. Въ програмномъ словѣ подчеркнуто значеніе науки и искусства, а затѣмъ говорится: „Мы вѣруемъ крѣпко и глубоко въ человѣка, въ его гуманныя чувства, въ его жажду счастья для себя и для другихъ. А если онъ иногда коверкаетъ свое лицо выраженіемъ эгоизма или ненависти, то это лишь маска—въ глубинѣ души онъ желаетъ видѣть кругомъ

себя счастье“. Это идеализмъ и оптимизмъ, но они къ лицу вновь входящему въ жизнь журналу. Судя по фамиліямъ сотрудниковъ и по тону статей польской печати,—это новый органъ прогрессивной мысли. Можно бы порадоваться за польское общество, имѣвшее въ Царствѣ Польскомъ лишь три искренне прогрессивныхъ журнала („Pzegląd Tygodniowy“, „Prawda“, „Głos“), если бы радости не умаляли печальныя размышленія. Нынѣшніе прогрессивные журналы влчатъ довольно жалкое существованіе; упорный консерватизмъ общества не даетъ возможности развиваться; этимъ журналамъ, контингентъ ихъ читателей слабо растетъ; въ послѣднее время, пожалуй, замѣчается даже отливъ подписчиковъ въ виду перевѣсившаго все другое интереса къ искусству въ его модныхъ проявленіяхъ; какъ прогрессивные журналы ни подлаживаются къ этому теченію, либо сами увлекаются имъ, они уже не въ состояніи привлечь вниманіе общества точной научной или серьезной общественной мыслью; спеціальныя эстетическіе журналы въ родѣ „Химеры“ или возродившагося „Атенеума“ перехватываютъ у нихъ читателей, которыхъ, впрочемъ, и вообще очень немного. О блестящемъ будущемъ „Ogniwa“ при такихъ обстоятельствахъ трудно думать. Пожалуй, новый журналъ, ради приобрѣтенія читателя, принужденъ будетъ отдавать еще большую дань чести модернистическимъ излишествамъ, чѣмъ его идейные единомышленники. Нѣкоторое движеніе журнала „Огниво“ въ этомъ направленіи видно въ похвалахъ, отдаваемыхъ критикомъ Дрогошевскимъ новому поэту Мицинскому, котораго стихотворенія, при отрывочныхъ красотахъ слога, поражаютъ туманностью и расплывчатостью мысли, а зачастую полнымъ ея отсутствіемъ. Правда, у Дрогошевскаго довольно много вкуса, и похвалы его звучатъ на этотъ разъ нѣсколько робко и сдержанно, будто критикъ самъ не увѣренъ въ себѣ—между тѣмъ, какъ другіе, присяжные эстетики на страницахъ иныхъ журналовъ не преминули ввести Мицинскаго въ Капитолій славы. Пожалуй, новому журналу, соотвѣтственно вѣяніямъ времени, придется также умѣрить прогрессивный пылъ, если онъ не пожелаетъ довольствоваться мизернымъ существованіемъ своихъ сотоварищей въ передовомъ лагерѣ. Прогрессъ, разбавленный водою консерватизма, довольно легко переваривается среднимъ польскимъ читателемъ; поэтому сдѣланное нами указаніе на „консерватизмъ польскаго общества“ слѣдуетъ нѣсколько ограничить. Дѣйствительно, новая мысль давно сдѣлала брешь въ консервативныхъ журналахъ и отъ времени до времени появляется въ нихъ смѣло, хотя въ забавномъ сосѣдствѣ взглядовъ изъ совершенно другаго идейнаго міра: это уже прогрессъ, зачастую безсознательный, или полусознательный!

Изъ сотрудниковъ „Огнива“, кромѣ старыхъ заслуженныхъ литераторовъ въ родѣ Хмѣлювскаго, Брюкнера, Прусса, Ожешко, обращаютъ на себя вниманіе Даниловскій, прославившійся повѣстью: „Изъ дней минувшихъ“, и А. Немоевскій, авторъ напущенныхъ „Легендъ“, беллетристъ, поэтъ и публицистъ, челоуѣкъ съ открытой головой, бойкимъ перомъ и сильнымъ темпераментомъ,—даровитый борецъ новой мысли.

Упомянутое выше увяданіе прогрессивныхъ польскихъ журналовъ прекрасно иллюстрируется смертью одного талантливаго уче-

наго—литератора Форштеттера, умершаго главнымъ образомъ отъ нужды.

«Гонорары въ нашихъ журналахъ—пишетъ Форштеттеръ—попросту невозможны. При построчной платѣ за публицистическія статьи приходится умирать съ голоду, а при той же платѣ за строку научной статьи, требующей утроенной работы, слѣдуетъ повѣситься. Польскій ученый, принужденный содержать себя перомъ, не въ состояніи вести свои научные труды».

Одинъ изъ послѣднихъ номеровъ варшавской «Правды» приноситъ интересную статью пера отца этого журнала и бывшаго редактора Свентоховскаго, публициста, не имѣющаго доселѣ равнаго себѣ во всей печати Царства Польскаго. Статья носитъ заглавіе: «Историческія сопоставленія» и знаменуетъ нѣкоторый переворотъ въ мнѣніяхъ автора объ историческомъ прошломъ Польши—переворотъ тѣмъ болѣе интересный, что онъ явился столь поздно, т. е. тогда, когда политическіе взгляды выдающагося публициста казались уже давно установившимися и окрѣпшими. Свентоховскій выступаетъ въ своей статьѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ защитникомъ стараго польскаго «*Liberum Veto*». Впрочемъ, Свентоховскій можетъ сослаться на то, что происшедшая въ немъ перемѣна только кажущаяся. Въ самомъ дѣлѣ, какъ истый аристократъ духа, авторъ драмы «Духи» былъ всегда индивидуалистомъ. Въ день 25-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности поэтесса Марія Конопницкая со свойственной ей чуткостью охарактеризовала Свентоховскаго въ прелестномъ стихотвореніи, какъ «одинокое моряка, странствующаго по глади необъятнаго нелюдимаго моря со взоромъ, устремленнымъ въ золотыя звѣзды и на своей ладѣ везущаго идеалы будущаго». Отсутствіе дѣйствительной перемѣны взглядовъ якобы сквозить и въ томъ, что свой еженедѣльный фельетонъ въ «Правдѣ» Свентоховскій окрестилъ многіе годы тому назадъ: «*Liberum veto*» и непрерывно протестовалъ, иногда будучи совсѣмъ одинокимъ, противъ всякой общественной мерзости и фальши. Однако, перемѣна всетаки есть. Свентоховскій долгое время принадлежалъ къ той части общества, которая, идя слѣдомъ трезвой исторической критики, осуждала рѣзко идеализацію институтовъ старой Польши; онъ самъ сильнѣе другихъ, своимъ огненнымъ и мощнымъ языкомъ клеймилъ своеволие и буйство древней шляхты, сепаратизмъ магнатовъ, отсутствіе духа, солидарности въ характерѣ польскаго народа, подсмѣиваясь надъ тѣмъ, что въ Польшѣ и понынѣ «столько партій, сколько личностей». Правда, что и новая статья Свентоховскаго чужда абсолютной идеализаціи прошлаго, но она также далека отъ обычныхъ у него осужденій. Мы не намѣрены вовсе ставить автору «Историческихъ сопоставленій» упрекъ въ отсутствіи согласія съ прежними взглядами. Мы подчеркиваемъ лишь происшедшій въ немъ переворотъ, ибо онъ весьма характеренъ для общаго настроенія умовъ въ Польшѣ по отношенію къ прошлому *).

*) Съ этимъ мнѣніемъ автора, замѣтимъ, извѣстнаго польскаго писателя, скрывающагося подъ псевдонимомъ, мы не можемъ согласиться: Свентоховскій, какъ индивидуалистъ, остался вѣренъ себѣ, и его статья только еще болѣе подчеркнула прежнія его воззрѣнія. Редакція.

Было время, когда полякъ безъ мѣры идеализировалъ историческое прошлое своего отечества. Поэты провозглашали, что Польша была Христомъ народовъ, отданнымъ на мученія ради искупленія винъ всѣхъ другихъ народовъ. Поэтъ Красинскій представлялъ себѣ свое отечество носящимъ въ теченіе вѣковъ сверкающую бѣлизной душевной невинности одежду: добродѣтели Польши были «надъ-европейскія» (Псалмъ Доброй воли); историческая жизнь ея никогда, ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ отношеніяхъ, будто-бы не была ничѣмъ омрачена не въ примѣръ другимъ народамъ! Этимъ мистицизмомъ упивалась эмиграція, упивался весь народъ, и это вполне понятно: такъ сказывалось глубокое страданіе непосредственно вслѣдъ за потерей политической самостоятельности. Однако, когда безмѣрная идеализація прошлаго довела до катастрофы 1864 года, сознана была ея опасность: приходилось отрезвить умы. И тогда польское общество попало путемъ естественной реакціи въ другую крайность: началась беспощадная критика прошедшаго, посыпались громы на головы людей другихъ эпохъ за то, что они не понимали того, чего понять не могли по времени и по всему складу минувшей жизни. Историки съ отчаяніемъ говорили объ отсутствіи крѣпкой власти въ Польшѣ; Бобринскій такъ далеко зашелъ въ этомъ отношеніи, что жаловался на неосуществленіе въ прошломъ проекта одной польской партіи, желавшей пригласить на польскій престолъ Іоанна Грознаго. Такого-де властителя не доставало Польшѣ! Общество посыпало головы пепломъ, било себя въ грудь, вслушиваясь въ теорію краковской исторической школы. И вотъ на смѣну этого направленія выступило новое, представляющее какъ-бы синтезъ двухъ противоположныхъ прежнихъ настроеній. Во главѣ этого направленія стоитъ молодой талантливый историкъ Ашкенази, профессоръ Львовскаго университета. Въ мнѣніи о прошедшемъ онъ внесъ свѣжую струю разсудка, опирававшегося на историческія сопоставленія польскаго быта въ XVIII вѣкѣ съ картинами политической жизни всей современной Европы. А онъ отличный знатокъ исторіи Запада въ XVIII столѣтіи. Онъ доказываетъ, что растлѣніе нравовъ, подкупъ, эгоизмъ единицъ были общимъ грѣхомъ всей дипломатической жизни тогдашней Европы, а потому нѣтъ основанія приводить паденіе Польши въ исключительную связь съ упадкомъ обычаевъ, внѣ политическихъ условій, значенія внѣшнихъ силъ, географическаго положенія Польши и т. п. Правда, на пути этого синтеза историкъ Ашкенази, а особенно его толкователи и читающая публика, поддались новому увлеченію: простое оправданіе собственныхъ винъ чужими аналогичными начинается съ нѣкоторыхъ поръ смахивать на новую идеализацію; совершенно вѣрное указаніе: «мы были ничуть не хуже другихъ» начинается приобрѣтать звуковой оттѣнокъ: «мы были довольно хороши»; забывается то обстоятельство, что хотя и правда, что «быть худымъ недостаточно для того, чтобы погибнуть», но быть лучшимъ, можетъ быть, значило бы—не погибнуть политически.—А при извѣстныхъ обстоятельствахъ необходимо быть лучшимъ въ смыслѣ бѣлойшей нравственной крѣпости, сильнѣйшаго ума, бѣлойшей силы самопожертвованія для общаго блага.

Струя разсудительной оцѣнки прошлаго принесенная временемъ, очевидно, подѣйствовала на Свентоховскаго. Только слѣдуя

системѣ критическо-историческихъ сопоставленій, онъ проводитъ параллель между бывшими польскими сеймами и теперешними парламентами Европы. Онъ указываетъ на то, что на этихъ сеймахъ, которые славятся беспорядочностью и буйствомъ совѣщаній, и будто-бы привели Польшу на край пропасти, никогда распутство слова и любовь къ скандалу не доходили до такихъ Геркулесовыхъ столбовъ, какъ въ новѣйшихъ парламентахъ. Палата депутатовъ все-же считалась мѣстомъ священнымъ, храмомъ; не было народныхъ представителей, забрасывающихъ другъ на друга грязью, именниками и т. п.; не было адскаго шума, производимаго обструкціонистами съ цѣлью заглушить голосъ говорящаго; даже неуважаемаго Станислава Августа послы почтительно цѣловали на сеймахъ въ руку.

Говоря о частыхъ случаяхъ «ужаснѣйшей, по Миллю, тираніи — большинства надъ меньшинствомъ», Свентоховскій полагаетъ, что польскіе сеймы имѣли противъ нея спасительное лекарство въ *liberum veto*.

«Оно не наше изобрѣтеніе». Оно употреблялось въ политическихъ собраніяхъ средневѣковой Европы. Оно коренится въ англійской конституціи — въ правѣ ставить незаконныя заключенія. Но только намъ однимъ досталась привиллегія получать потасовку за это парламентское «чудовище». Однако, цѣнность средства не можетъ измѣряться качествомъ цѣли. Изъ науки можно сдѣлать средство для преступленія, изъ добродѣтели — жестокость, изъ свободы — своеволие.

Въ заключеніе Свентоховскій предлагаетъ большую осторожность въ сужденіи о бывшихъ польскихъ сеймахъ, которыхъ недостатки извинительнѣе по времени, чѣмъ-то, что происходитъ на современныхъ парламентскихъ собраніяхъ. «*Libertum veto*» онъ считаетъ по идеѣ одной изъ благороднѣйшихъ основъ общественной этики: «намъ — заключаетъ онъ — принадлежитъ заслуга, что мы ввели этотъ институтъ въ общественную жизнь».

Увлеченіе Свентоховскаго ясно. Если извѣстная идеальная норма, возможная на практикѣ людей... идеальныхъ, т. е. несуществующихъ, въ практической жизни всегда вырождается и ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ, то введеніе ея въ общественную жизнь не можетъ считаться заслугой. — Не все, что хорошо *in idea* хорошо *in re* — и люди политики должны объ этомъ знать заранее.

Свентоховскому исторія отвѣчаетъ печальными фактами. Въ теченіе только 50 лѣтъ зараженные дурнымъ примѣромъ Сципionsкаго политическіе крикуны и негодяи сорвали своимъ «*libertum veto*» болѣе 40 сеймовъ, продолжающихся по 6 недѣль, дѣлая невозможнымъ правильное отправление политическихъ функций. Тиранія большинства ужасна: но политическій разумъ не нашелъ еще средства противъ этой болѣзни. Не можетъ считаться средствомъ тиранія единицы надъ всѣми.

Мѣткое замѣчаніе по адресу автора статьи «Историческія сопоставленія» сдѣлать петербургскій «Краи»: Неужели «Посоль Правды» — (таковъ псевдонимъ Свентоховскаго) — считалъ-бы торжествомъ общественной этики, еслибы посоль Калининскій, Янъ Сухоржевскій, помѣшали утвержденію конституціи 3 мая, уничтожающей эту «благороднѣйшую этическую идею».

Левъ Горскій.

Из литературы и жизни.

I.

„На Днѣ“ Горькаго“.

Только что вышла изъ печати и появилась въ продажѣ столь напущившая пьеса Максима Горькаго «На Днѣ». Кстати, не мѣшаетъ отмѣтить мимоходомъ: несмотря на то, что книжка только что вышла, на обложкѣ ея уже читаемъ: «Изданіе седьмое, тридцать первая тысяча». Что-же это значитъ? Неужели въ одинъ день успѣли разойти шесть изданій.....(!?)

Содержаніе пьесы «На днѣ» (авторъ помѣчаетъ: «Картины, четыре акта») болѣе или менѣе извѣстно читающей публикѣ. Извѣстно и о громадномъ успѣхѣ, выпавшемъ на долю пьесы въ московскомъ «Художественномъ театрѣ», гдѣ она впервые поставлена была 18 декабря истекшаго (1902 года). Мы ограничимся поэтому самымъ краткимъ пересказомъ содержанія пьесы. Дѣйствіе происходитъ въ «подвалѣ, похожемъ на пещеру». Обстоятельства, несчастье и пороки собрали сюда съ десятокъ погибшихъ людей,—сбившихся съ круга и спившихся босяковъ. Среди нихъ есть бывший аристократъ «баронъ», бывший актеръ, бывший игрокъ, (онъ же убійца—мститель за сестру) воръ, падшая женщина и др. Это—постоянное населеніе подвала. Другая категорія жильцовъ—люди, недалеко ушедшіе отъ босяковъ, но они держатся еще за трудъ, какъ за якорь спасенія. Это напримѣръ—торговка, опустившійся ремесленникъ, мечтающій поправиться и др. Безпросвѣтная тьма царитъ въ этомъ подвалѣ: нѣтъ свѣта извнѣ, нѣтъ его и извнутри. Тутъ раздаются, правда, и смѣхъ, и шутки, но отъ нихъ не весело. Тѣмъ не менѣе, и эти «конченые» люди—все-таки люди: у нихъ живая душа есть. И когда сюда является старичекъ Лука, «странникъ безъ паспорта», то онъ своимъ простымъ, ласковымъ словомъ, своей вѣрой въ человека освѣщаетъ эту безпросвѣтную тьму. Но не на долго. Происходитъ убійство хозяина подвала, является полиція и во время замѣшательства Лука исчезаетъ. Безпросвѣтная тьма

опять водворяется въ подвалѣ... актеръ вѣшается... Но мы уже видѣли, какъ во тѣмъ шевельнулася душа и этого достаточно для того, чтобы мы съ ужасомъ поняли, что обитатели подвала — не мертвые, а живые».

Таково вкратцѣ содержаніе «картинъ», составляющихъ въ совокупности пьесу «На днѣ». Надо согласиться, что въ ней Горькій сдѣлалъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ «Мѣщанами» если не въ смыслѣ техники и построения пьесы (все еще слабыхъ), то въ смыслѣ міросозерцанія и жизнепониманія. Въ «Мѣщанахъ» люди «настраиваются жить», и, повидимому, всѣ способы для этого у нихъ имѣются: средства, силы, образованіе. Но ничего у нихъ не выходитъ, даже у сильнаго духомъ Нила, потому что нѣтъ у нихъ того главнаго, что для жизни нужно — любви. Содержаніе свое они черпаютъ изъ ненависти другъ къ другу — и эта ненависть заразительно дѣйствуетъ на самого автора. Оттого то пьеса, при всей ея талантливости — не какъ пьесы, а какъ обрисовки характеровъ — производитъ въ концѣ-концовъ удручающее впечатлѣніе. Если мы вспомнимъ, что московскій художественный театръ всегда усиливаетъ тона и сгущаетъ краски автора, то мы поймемъ причины неуспѣха, постигшаго «Мѣщанъ».

Въ противоположность этой пьесѣ — новое драматическое произведеніе Горькаго показываетъ намъ свѣтъ среди людей, карабкающихся «на днѣ», т. е. на глубинѣ человѣческаго несчастья, паденія и нищеты. Пусть Лука, при всей своей «акимовской» простотѣ — большой хитрецъ, спасаетъ людей ложью — все-таки онъ вноситъ примирительное начало: въ этомъ — художественный плюсъ пьесы и причина ея необычайнаго успѣха.

Пользуясь выходомъ въ свѣтъ пьесы, приводимъ отрывокъ изъ четвертаго дѣйствія, разыгрывающагося уже по уходѣ старика. По этому отрывку можно судить о впечатлѣніи, оставленномъ Лукою на обитателей «дна».

Сатинъ. Оставь ихъ, Баронъ! Къ чорту!.. Пускай кричатъ... разбиваютъ себѣ головы... пускай! Смыслъ тутъ есть!.. Не мѣшай челоуѣку, какъ говорилъ старикъ... Да, это онъ, старая дрожжа, проквасилъ намъ сожигателей...

Клеицъ. Поманилъ ихъ куда-то... а самъ — дорогу не сказалъ...

Баронъ. Старикъ — шарлатанъ...

Настя. Врешь! Ты самъ — шарлатанъ!

Баронъ. Цыцъ, леди!

Клеицъ. Правды онъ... не любилъ, старикъ-то... Очень противъ правды возставадь... такъ и надо! Вѣрно, — какая тутъ правда? И безъ нея — дышать нечѣмъ... Вонъ князь... руку-то раздавилъ на работѣ... отпилить напроць руку-то придется, слышь... вотъ и правда!

Сатинъ (ударя кулакомъ по столу) Молчать! Вы — всѣ — скоты! Дубье... молчать о старикѣ! (Спокойнѣе). Ты, Баронъ, — всѣхъ хуже!.. Ты — ничего не понимаешь... и — врешь! Старикъ — не шарлатанъ! Что такое правда? Челоуѣкъ — вотъ правда! Онъ это понималъ... вы — нѣтъ! Вы — тупы, какъ кирпичи... Я понимаю старика... да! Онъ вралъ... но — это изъ жалости къ вамъ, чортъ васъ возьми! Есть много людей, которые лгутъ изъ жалости къ ближнему... Я — знаю! я — читалъ! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгутъ!.. Есть ложь утѣшительная, ложь примиряющая... ложь оправдываетъ ту тяжесть, которая раздавила руку рабочаго... и обвиняетъ умирающаго съ голода... Я — знаю ложь! Кто слабъ душой... и кто живетъ чужими соками, — тѣмъ ложь нужна... однихъ она поддерживаетъ, другіе — прикрываются ею... А кто самъ себѣ хозяинъ... кто не зависитъ и не жретъ чужого, зачѣмъ тому ложь? Ложь — религія рабовъ и хозяевъ... Правда — Богъ свободнаго челоуѣка!

Баронъ. Bravo! Прекрасно сказано! Я — согласенъ! Ты говоришь... какъ порядочный человѣкъ!

Сатинъ. Почему-же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди... говорятъ, какъ шулера? Да... я много позабылъ, но—еще кое-что знаю! Старикъ? Онъ—умница!.. Онъ подѣйствовалъ на меня какъ кислота на старую и грязную монету... Выпьемъ за его здоровье! Наливай...

(Настя наливаетъ стаканъ пива и даетъ Сатину)

Сатинъ (усмѣхаясь). Старикъ живетъ изъ себя... онъ на все смотритъ своими глазами. Однажды я спросилъ его: дѣдъ! зачѣмъ живутъ люди? (Стараясь говорить голосомъ Луки и подражая его манерамъ). А—для лучшаго люди то живутъ, милачокъ! Вотъ, сказалъ, живутъ столяры и все—хламъ-народъ... И вотъ отъ нихъ рождается столяръ... такой столяръ, какого подобнаго и не видала земля, и всѣхъ онъ превысилъ и нѣтъ ему въ столярахъ равнаго. Всему онъ столярному дѣлу свой обликъ даетъ и сразу дѣло на двадцать лѣтъ впередъ двигаетъ... Такъ же и всѣ другіе... слесари, тамъ... сапожники и прочіе рабочіе люди... и всѣ крестьяне... и даже господа—для лучшаго живутъ! Всякъ думаетъ, что для себя проживаетъ, а нѣ выходитъ, что для лучшаго! По сту лѣтъ... а, можетъ, и больше «для лучшаго человѣка живутъ!».

(Настя упорно смотритъ въ лицо Сатина. Ключъ перестаетъ работать надъ гармоніей и тоже слушаетъ. Баронъ, низко наклонивъ голову, тихо бьетъ пальцами по столу. Актеръ высунувшись съ печи, хочетъ осторожно слѣзть на нары).

Въ философіи Сатина, за которымъ несомнѣнно, скрывается самъ авторъ—художественный смыслъ пьесы, въ ремаркѣ, показывающей дѣйствіе этой философіи на обитателей «костылевки»—ея житейскій смыслъ: не бойтесь опуститься на дно—и тамъ, среди грубости, невѣжества, преступленій, нищеты и разврата жива душа человѣческая...

II.

Графъ Левъ Толстой по поводу своей книги „Война и Миръ“ *).

«Печатаемая сочиненіе, на которое положено мною пять лѣтъ непрестаннаго и исключительнаго труда, при наилучшихъ условіяхъ жизни, мнѣ хотѣлось въ предисловіи къ этому сочиненію изложить мой взглядъ на него и тѣмъ предупредить тѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть въ читателяхъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы читатели не видѣли и не искали въ моей книгѣ того, чего я не хотѣлъ или не умѣлъ выразить, и обратили бы вниманіе на то именно, что я хотѣлъ выразить, но на чемъ (по условіямъ произведенія) не считалъ удобнымъ останавливаться. Ни время, ни мое умѣнье не позволили мнѣ сдѣлать вполне того, что я былъ намеренъ, и я пользуюсь гостепріимствомъ спеціальнаго журнала для того, чтобы

*) Извѣстный переводчикъ, г. Гальперинъ-Каминскій, нашелъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г. статью автора „Войны и Мира“, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Она никогда не входила ни въ полное собраніе его сочиненій, ни въ отдѣльные сборники его статей. Переведавъ ее на французскій языкъ, онъ помѣстилъ въ «Revue bleue» подъ заглавіемъ „Задача историка и художника“. Въ виду несомнѣннаго интереса этой врядъ ли кому извѣстной статьи мы позволимъ себѣ перепечатать наиболѣе существенныя мѣста ея изъ «Русскаго Архива».

хотя неполно и кратко, для тѣхъ читателей, которыхъ это можетъ интересовать, изложить взглядъ автора на свое произведеніе.

1) Что такое «Война и Миръ»? Это не романъ, еще менѣе поэма, еще менѣе историческая хроника. «Война и Миръ» есть то, что хотѣлъ и могъ выразить авторъ въ той формѣ, въ которой оно выразилось. Такое заявленіе о пренебреженіи автора къ условнымъ формамъ прозаическаго художественнаго произведенія могло бы показаться самонадѣянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имѣло примѣровъ. Исторія Русской литературы со времени Пушкина не только представляетъ много примѣровъ такого отступленія отъ европейской формы, но не даетъ даже ни одного примѣра противнаго. Начиная отъ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя и до «Мертваго Дома» Достоевскаго, въ новомъ періодѣ Русской литературы нѣтъ ни одного художественнаго прозаическаго произведенія, немного выходящаго изъ посредственности, которое бы вполне укладывалось въ форму романа, поэмы или повѣсти.

2) Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, не достаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее. Я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ,—это ужасы крѣпостного права, закладыванье женъ въ стѣны, събѣны взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи, я не считаю вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь, или когда либо. Въ тѣ времена также любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями: также была сложная, уметвенно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь, въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то только отъ того, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстяхъ и романахъ до насъ наиболѣе доходили выступающіе случаи насилія и буйства. Заключать о томъ, что преобладающій характеръ того времени было буйство,—также несправедливо, какъ несправедливо заключилъ бы человѣкъ, изъ-за горы видящій однѣ макушки деревъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ большей отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. п. И этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить».

Замѣчанія 3) и 4) касаются употребленія французскаго языка въ «Войнѣ и Мирѣ» и именъ дѣйствующихъ лицъ. Особеннаго значенія замѣчанія эти не имѣютъ. Затѣмъ Л. Н. Толстой переходитъ къ изложенію дальнѣйшихъ мыслей и говоритъ:

5) «Разногласіе мое въ описаніи историческихъ событій съ разсказами историковъ. Оно не случайное, а неизбѣжное. Историкъ и художникъ, описывая почти историческую эпоху, имѣютъ два совершенно различные предмета. Какъ историкъ будетъ неправъ, ежели онъ будетъ пытаться представить историческое лицо во всей его цѣльности, во всей сложности отношеній ко всѣмъ сторонамъ жизни, такъ и художникъ не исполнитъ своего дѣла, представляя лицо всегда въ его значеніи историческомъ. Кутузовъ не всегда съ зрительной трубкой, указывая на враговъ, ѣхалъ на бѣлой лошади. Ростовчинъ не всегда съ факеломъ зажигалъ Вороновскій домъ (онъ даже никогда этого не дѣлалъ), и императрица Марія Феодо-

ровна не всегда стояла въ горностаевой мантии, опершись рукой на сводъ законовъ; а такими ихъ представляетъ себѣ народное воображеніе.

Для историка, въ смыслѣ содѣйствія, оказаннаго лицомъ какой-нибудь одной цѣли, есть герои; для художника, въ смыслѣ соотвѣтственности этого лица всѣмъ сторонамъ жизни, не можетъ и не должно быть героевъ, а должны быть люди.

Историкъ обязанъ иногда, пригибая истину, подводить всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лицо. Художникъ, напротивъ, въ самой одиночности этой идеи видитъ несообразность съ своей задачей и старается только понять и показать не извѣстнаго дѣятеля, а человека.

Въ описаніи самыхъ событій различіе еще рѣзче и существеннѣе. Историкъ имѣетъ дѣло до результатовъ событія, художникъ до самаго факта событія».

Здѣсь Толстой приводитъ примѣры, изъ которыхъ мы заимствуемъ слѣдующій:

«Послѣ потери Севастополя, говоритъ Толстой, начальникъ артиллеріи Крыжановскій прислалъ мнѣ донесенія артиллерійскихъ офицеровъ со всѣхъ бастіоновъ и просилъ, чтобы я составилъ изъ этихъ болѣе чѣмъ 20-ти донесеній — одно. Я жалѣю, что не списалъ этихъ донесеній. Это былъ лучший образецъ той наивной, необходимой военной лжи, изъ которой составляются описанія. Я полагаю, что многіе изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые составляли тогда эти донесенія, прочтя эти строки, посмѣются воспоминанію о томъ, какъ они по приказанію начальства писали то, чего не могли знать. Всѣ испытавшіе войну знаютъ, какъ способны русскіе дѣлать свое дѣло на войнѣ и какъ мало способны къ тому, чтобы его описывать съ необходимой въ этомъ дѣлѣ хвастливой ложью».

«Итакъ, продолжаетъ Толстой, задача художника и историка совершенно различна, и разногласіе съ историкомъ въ описаніи событій и лицъ въ моей книгѣ — не должно поражать читателя.

Но художникъ не долженъ забывать, что представленіе объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, составившееся въ народѣ, основано не на фантазій, а на историческихъ документахъ, насколько могли ихъ сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и событія, художникъ долженъ руководствоваться, какъ и историкъ, историческими матеріалами. Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая бібліотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которые всегда могу сослаться.

6) Наконецъ шестое и важнѣйшее для меня соображеніе касается того малаго значенія, которое, по моимъ понятіямъ, имѣютъ такъ называемые великіе люди въ историческихъ событіяхъ.

Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадностью событій и столь близкую къ намъ, о которой живо столько разнороднѣйшихъ преданій, я пришелъ къ очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся историческихъ событій. Сказать (что кажется всѣмъ весьма простымъ), что причины событій 12-го года состоятъ въ завоевательномъ духѣ Наполеона и въ патріотической твердости императора Александра Павловича, также бессмысленно, какъ сказать, что причины паденія Римской Имперіи заключаются въ томъ, что такой-то варваръ повелъ свои народы на Западъ, а такой-то римскій императоръ дурно управлялъ государствомъ, или что огромная, срываема гора упала отъ того, что послѣдній работникъ ударилъ лопатой.

Такое событіе, гдѣ миллионы людей убивали другъ друга и убили половину міліона, не можетъ имѣть причиной воли одного человѣка: какъ человѣкъ не могъ одинъ подкопать гору, такъ не можетъ одинъ человѣкъ заставить умирать 500 тысячъ. Но какія же причины? Одни историки говорятъ, что причиной былъ завоевательный духъ французовъ; патріотизмъ Россіи. Другіе говорятъ о демократическомъ элементѣ, который разносили полчища Наполеона, и о необходимости Россіи вступить въ связь съ Европою, и т. п. Но какъ же миллионы людей стали убивать другъ друга, кто это велѣлъ имъ? Кажется, ясно для cadaго, что отъ этого никому не могло быть лучше, а всѣмъ хуже, зачѣмъ же они это дѣлали? Можно сдѣлать и дѣлають безчисленное количество ретроспективныхъ умозаключеній о причинахъ этого безсмысленнаго событія; но огромное количество этихъ объясненій и совпаденіе всѣхъ ихъ къ одной цѣли только доказываетъ то, что причинъ этихъ безчисленное множество, и что ни одну изъ нихъ нельзя назвать причиной.

Зачѣмъ миллионы людей убивали другъ друга, тогда какъ съ сотворенія міра извѣстно, что это и физически, и нравственно дурно?

Зачѣмъ, что это такъ неизбѣжно было нужно, что, исполняя это, люди исполняли тотъ стихійный зоологическій законъ, который исполняютъ пчелы, истребляя другъ друга къ осени, по которому самцы животныхъ истребляютъ другъ друга. Другого отвѣта нельзя дать на этотъ страшный вопросъ.

Эта истина не только очевидна, но такъ прирожденна каждому человѣку, что ее не стоило бы доказывать, ежели бы не было другого чувства и сознанія въ человѣкѣ, которое убѣждаетъ его, что онъ свободенъ во всякій моментъ, когда онъ совершаетъ какое-нибудь дѣйствіе.

Разсматривая исторію съ общей точки зрѣнія, мы несомнѣнно убѣждены въ предвѣчномъ законѣ, по которому совершаются событія. Глядя съ точки зрѣнія личной, мы убѣждены въ противномъ.

Человѣкъ, который убиваетъ другого, Наполеонъ, который отдастъ приказаніе къ переходу черезъ Иманъ, вы и я, подавая прошеніе объ опредѣленіи на службу, поднимая и опуская руку, мы всѣ несомнѣнно убѣждены, что каждый поступокъ нашъ имѣетъ основаніемъ разумныя причины, и нашъ произволъ, и что отъ насъ зависѣло поступить такъ или иначе, и это убѣжденіе до такой степени присуще и дорого каждому изъ насъ, что, несмотря на доводы исторіи и статистики преступленій (убѣждающіе насъ въ произвольности дѣйствій другихъ людей), мы распространяемъ сознаніе нашей свободы на всѣ наши поступки.

Противорѣчіе кажется неразрѣшимымъ. Совершая поступокъ, я убѣжденъ, что я совершаю его по своему произволу, разсматривая этотъ поступокъ въ смыслъ его участія въ общей жизни человѣчества (въ его историческомъ значеніи), я убѣждаюсь, что поступокъ этотъ былъ предопредѣленъ и неизбѣженъ. Въ чемъ заключается ошибка?

Психологическія наблюденія о способности человѣка ретроспективно поддѣлывать мгновенно подъ совершившійся фактъ цѣлый рядъ мнимосвободныхъ умозаключеній (это я намѣренъ изложить въ другомъ мѣстѣ болѣе подробно) подтверждаютъ предположеніе о томъ, что сознаніе свободы человѣка при совершеніи извѣстнаго рода поступковъ ошибочно. Но тѣ же психологическія наблюденія доказываютъ, что есть другой рядъ поступковъ, въ которыхъ сознаніе свободы не ретроспективно, а мгновенно и несомнѣнно. Я несомнѣнно могу, что бы ни говорили матеріалисты, совершить дѣйствіе или воздержаться отъ него, какъ скоро дѣйствіе это касается одного меня. Я несомнѣнно, по одной моей волѣ, сейчасъ поднялъ

и опустилъ руку. Я сейчасъ могу перестать писать. Вы сейчасъ можете перестать читать. Несомнѣнно по одной моей волѣ и внѣ всѣхъ препятствій я сейчасъ мыслю перенесся въ Америку или къ любому математическому вопросу. Я могу, испытывая свою свободу, поднять и съ силой опустить свою руку въ воздухѣ. Я сдѣлалъ это. Но подлѣ меня стоитъ ребенокъ, я поднимаю надъ нимъ руку и съ той же силой хочу опустить на ребенка. *Я не могу этого сдѣлать.* На этого ребенка бросается собака, я не могу не поднять руку на собаку. Я стою во фронтѣ и не могу не слѣдовать за движеніями полка. Я не могу въ сраженіи не идти съ своимъ полкомъ въ атаку и не бѣжать, когда всѣ бѣгутъ вокругъ меня. Я не могу, когда я стою на судѣ защитникомъ обвиняемаго, перестать говорить или знать то, что я буду говорить. Я не могу не мигнуть глазомъ противъ направленнаго въ глазъ удара.

Итакъ, есть два рода поступковъ. Одни зависящіе, другіе не зависящіе отъ моей воли. И ошибка, производящая противорѣчіе, происходитъ только отъ того, что сознаніе свободы (законно сопутствующее всякому поступку, относящемуся до моего я, до самой высшей отвлеченности моего существованія) я неправильно переношу на мои поступки, совершаемые въ совокупности съ другими людьми и зависящіе отъ совпаденія другихъ произволовъ съ моимъ. Определить границу области свободы и зависимости весьма трудно, и опредѣленіе этой границы составляетъ существенную и единственную задачу психологій; но, наблюдая за условіями проявленія нашей наибольшей свободы и наибольшей зависимости, нельзя не видѣть, что чѣмъ отвлеченнѣе и потому чѣмъ менѣе наша дѣятельность связана съ дѣятельностями другихъ людей, тѣмъ она свободнѣе; и наоборотъ, чѣмъ больше дѣятельность наша связана съ другими людьми, тѣмъ она не свободнѣе.

Ошибочно или нѣтъ, но вполне убѣдившись въ этомъ въ продолженіе моей работы, я, естественно, описывая историческія событія 1805, 1807 и особенно 1812 года, въ которомъ наиболѣе выпукло выступаетъ этотъ законъ предопредѣленія *), я не могъ приписывать значенія дѣламъ тѣхъ людей, которымъ казалось, что они управляютъ событіями, но которые менѣе всѣхъ другихъ участниковъ событій вносили въ нихъ свободную человеческую дѣятельность. Дѣятельность этихъ людей была занимательна для меня только въ смыслѣ иллюстраціи того закона предопредѣленія, который, по моему убѣжденію, управляетъ исторіею, и того психологическаго закона, который заставляетъ человѣка, исполняющаго самый несвободный поступокъ, поддѣлывать въ своемъ воображеніи цѣлый рядъ ретроспективныхъ умозаключеній, имѣющихъ цѣлю доказать ему самому его свободу».

III.

Голландскіе плантаторы, ихъ миллионы и рабы.

Недавно въ книжныхъ магазинахъ Амстердама появилась небольшая въ 80 страницъ, книжка подъ заглавіемъ: «*De Millioenen uit Deli*». Авторъ ея *J. van den Brand* показалъ міру ужасныя картины, которыя, казалось, давно исчезли изъ жизни, которымъ, казалось, нельзя уже повторяться со временъ гениальнаго Мультатули, раскрывшаго ихъ въ ужа-

*) «Достоинъ замѣчанія, что почти всѣ писатели, писавшіе о 12-мъ годѣ, видѣли въ этомъ событіи что-то особенное и роковое».

еающей наготѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ, пострадавшаго за это, осужденнаго голландцами, но затѣмъ возвеличеннаго всѣмъ цивилизованнымъ міромъ за борьбу съ неправдой. Съ тѣхъ поръ—доказывали голландцы—подъ влияніемъ горячей проповѣди Мультатули произошло оздоровленіе въ колоніальномъ управленіи и установились наилучшія отношенія между плантаторами и туземцами.

Книжка ванъ-дёнъ-Бранда доказываетъ ложь этихъ утвержденій. Положеніе ничуть не измѣнилось. Въ голландскихъ колоніяхъ по прежнему творятся ужасы и жестокости, которымъ нѣтъ имени. Брандъ приводитъ тяжкія, неумолимые доказательства правильности своихъ обвиненій.

Онъ обвиняетъ своихъ соплеменниковъ, разжирѣвшихъ голландскихъ миллионеровъ въ томъ, что они —ни болѣе, ни менѣе, какъ ввели невольничество въ колоніяхъ ради хищническихъ цѣлей наибольшей наживы. На оберткѣ книги *van den Brand* перепечатавъ объявленіе недавно помѣщенное въ выходящемъ въ Дели на Суматрѣ дневникѣ (*Deli Courant*). Оно гласитъ:

СБѢЖАЛЪ
ЯВАНЕЦЪ по имени КАСАНЪ
съ
одной женой и двумя малыми дѣтьми.
Возрастъ 31 годъ. Длина 161 сантиметръ.
Особенныя примѣты: не видитъ на лѣвый глазъ.
Просить извѣстій
А. СИМССЕНЪ и К^о
почтой: ТЕБИНГЪ ТИНГГИ ДЕЛИ.

Не вѣрится глазамъ! Ужасающія картины изъ «Хижины дяди Тома» воскресли! Призраки выходятъ изъ могилъ! Все, что авторъ рассказываетъ, пережито имъ, произошло на его глазахъ, относится къ послѣднимъ годамъ.

«Было одиннадцать часовъ—говоритъ онъ—когда послѣ долгой прогулки верхомъ подъ палящими лучами солнца въ облакахъ пыли я подѣхалъ къ дому г-на Х. Онъ отсутствовалъ; я сѣлъ на верандѣ, дожидаясь его возвращенія. Вдругъ, слышу голосъ, похожій на собачій визгъ, какъ бы выходящій изъ подъ земли (дома въ Дели строятся на столбахъ высотой въ 1—2 метра). Я пошелъ посмотреть, что за причина этого жалобнаго визга.

Внизу подъ домомъ я увидѣлъ дѣвочку лѣтъ 15—16, яванку, привязанную къ столбу такимъ образомъ, какъ когда-то прикрѣпляли людей къ кресту. Отвѣсные лучи жгли ея совсѣмъ обнаженное тѣло. Мнѣ объяснили, за что она наказана. Она предпочла подарить свою любовь туземцу, чѣмъ г-ну Х. Въ наказаніе тотъ приказалъ прикрѣпить ее къ столбу и намазать нѣкоторыя части ея тѣла испанскимъ перцемъ. То была причина ея по истинѣ нечеловѣческихъ стонów. Я не могъ смотрѣть на ея мученіе и убѣждалъ. Мнѣ говорили, что женщина была въ этомъ положеніи весь день «съ шести часовъ утра до шести часовъ вечера». Преступникъ отданъ былъ подъ судъ. Колоніальное общество, въ которомъ онъ служилъ, само взялось его наказывать. Вы думаете, что онъ заключенъ былъ въ тюрьму. Забавное требованіе! Его перевели только въ другое мѣсто, и то лишь потому, что опасались вооруженнаго возстанія туземцевъ».

Какъ всегда при подобномъ положеніи вещей, какъ было въ Соединенныхъ Штатахъ (южныхъ) Америки, какъ водится нынѣ въ нѣмец-

кихъ колоніяхъ Африки—справедливость бываетъ здѣсь двойкая: одна для туземцевъ, другая для европейцевъ. Иначе говоря — есть только одна «справедливость» — для вторыхъ, туземцы же о ней не могутъ и мечтать. Существуетъ лишь одинъ судъ, который судить европейцевъ, для всего западнаго побережья: онъ находится въ Батавіи. Когда обвиняемый въ истязаніи туземцевъ докажетъ въ Батавіи, что онъ невиненъ — на всемъ побережьи господствуетъ безмѣрная радость: это побѣдилъ европеецъ — классъ, цѣлый народъ. Если яванецъ въ Дели желаетъ подать жалобу на плантатора, онъ долженъ искать справедливости въ Батавскомъ судѣ: это то-же какъ еслибъ преступленіе, совершенное въ Амстердамѣ, разбиралъ судъ, засѣдающій въ Мадридѣ. Какъ отправляться туда истерзанному, покрытому ранами человѣку, которому приходится прежде всего лечь на цѣлыя недѣли, а то и мѣсяцы въ госпиталь, пока онъ не излѣчится? Затѣмъ, какъ найти ему свидѣтелей, когда его напуганные, бѣдные сородичи готовы измѣнить своему брату за грошъ плантатора, за малѣйшее обѣщаніе облегчить ихъ тяжелую долю; не пойдутъ они свидѣтельствовать ради другаго на край свѣта. Почему результатъ большей части дѣлъ въ Батавіи — оправданіе европейца, — на котораго прислана письменная жалоба, не подтвержденная свидѣтельскими показаніями.

Рабочіе въ Голландской Индіи считаются не людьми, а товаромъ, имѣющимъ конкретную цѣну на рынкѣ — вотъ секретъ такого положенія вещей.

Въ дневникѣ *Sumatra-Post* отъ 7 Мая 1902 года появилось слѣдующее объявленіе:

САМЫЯ НИЗКІЯ ЦѢНЫ.

Лучшіе, кастрированные, восточно-яванскіе

РАБОЧІЕ ВОЛЫ

вѣсомъ въ 300—375 кг. съ свидѣтельствомъ ветеринара.

ОТЛИЧНЫЕ ВОЛЫ НА ГОВЯДИНУ.

МОЛОДЫЕ И ЗДОРОВЫЕ РАБОЧІЕ!

Мужчины и женщины, способные къ работѣ въ деревняхъ и въ рудникахъ

по 60 гульд. взрослая штука.

ФРАНКО БЕЛАВАНЪ.

Лучшія верховыя и упряжныя лошади.

Съ почтеніемъ

Х. ЛЕЕКСМА, СЕРАБАЙЯ.

Цѣлая глава книги посвящена авторомъ описанію путей, на которыхъ яванская женщина добываетъ свой *саронгъ*, самую цѣнную часть одежды мѣстной женщины. Саронгъ стоитъ полный долларъ. За 10 часовъ работы яванка получаетъ въ лучшемъ случаѣ 15 центовъ (копѣекъ); чаще всего 2 доллара, 2 доллара 20 центовъ въ мѣсяцъ. А такъ какъ для пропитанія себя мѣстная женщина должна издержать около 13 центовъ въ день, то очевидно, что она не зарабатываетъ даже столько, сколько ей нужно, для пропитанія, — не можетъ быть слѣдовательно и рѣчи о томъ, чтобы отложить

что-либо на саронгъ; отсюда вопросъ: какимъ образомъ она добываетъ саронгъ, желая одѣться. Отвѣтъ простъ: посредствомъ проституціи. Пять центовъ получаетъ яванка отъ китайцевъ, работающихъ въ плантаціяхъ за эту функцію.

«Когда я навѣстилъ въ сопровожденіи директора—пишеть Брандъ—одну изъ самыхъ обширныхъ плантацій и проходилъ мимо домовъ, въ которыхъ живутъ *кули*, я спросилъ: «а гдѣ живутъ работницы яванки?» Онъ отвѣтилъ: «Онѣ не имѣютъ собственныхъ жилищъ; живутъ, какъ придется»... Инспекторъ акціонернаго общества *Deli Maatschappij* сознался, что общество ежегодно выписываетъ нѣсколько сотъ яванскихъ женщинъ для работающихъ въ плантаціяхъ китайцевъ. «Мы должны думать объ удобствахъ рабочаго. Мы пользуемся его силой рабочей, а женщины—яванки весьма дешевы. Если же китаецъ доволенъ, то онъ работаетъ охотнѣе и и дивидендъ нашъ увеличивается».

Дивидендъ—это главное; ради него забываются элементарныя человѣческія чувства!

IV.

Въ странѣ голода.

Въ «*Revue des deux Mondes*» отъ 1 января с. г. II. Лоти представляетъ ужасающую картину обнищанія и гибели всякой жизни въ тѣхъ провинціяхъ Восточной Индіи, которыя вслѣдствіе повторяющейся постоянно засухи медленно превращаются въ мертвую пустыню.

«Выжженные солнцемъ степи, сѣрыя равнины въ перемежку съ зерновыми полями шириною въ небольшія моря. Нѣтъ уже величественныхъ кокосовыхъ пальмъ; торчатъ лишь рѣдкіе алоэ; тощія финиковыя пальмы, испорченныя засухой, растутъ тутъ и тамъ вокругъ селеній, напоминающихъ аравійскія. Исламъ, любующійся печальной природой, блесками пустыни, наложилъ на все свое клеймо.

По мѣрѣ движенія въ глубь однообразныхъ равнинъ, засуха увеличивается съ каждымъ часомъ. Рисовыя поля представляютъ картину полнаго уничтоженія, будто послѣ пожара. Просовыя поля, болѣе выносливыя, чѣмъ рисъ, пожелтѣли и выглядятъ безнадежно; среди тѣхъ, которыя еще не начали вымирать, на сваленныхъ въ кучи вѣтвяхъ сидятъ сторожа, прогоняя мышей и птицъ, которыя пожрали бы все: бѣдное человечество, которому угрожаетъ голодъ, упорно стережетъ эти нѣсколько зеренъ, борясь за нихъ съ животными, доведенными до такого же отчаянія недостаткомъ пищи.

Послѣ холодной ночи солнце посылаетъ свои жгучіе лучи на землю; небо голубое и чистое кажется громаднымъ сапфиромъ.

Къ концу дня пейзажъ принимаетъ все болѣе и болѣе странныя формы. На неизмѣримомъ пространствѣ испепеленнаго прѣса и почернѣвшихъ травъ подымаются громады огромныхъ коричневыхъ камней, на подобіе эратическихъ скалъ съ выточенными боками и фантастическими формами; казалось бы онѣ разбросаны съ намѣреніемъ придать имъ возможно странный видъ: одніе стоятъ просто, другіе нагнулись, образовали какія-то неправдоподобныя соединенія и высятся, какъ горы».

«На старинной стѣнѣ одного изъ предмѣстій Гейдерабада есть надпись: дорога въ Голконду.

Послѣ часовой ѣзды останавливаемся надъ высохшимъ до послѣдней

капли озеромъ, за которымъ на фонѣ горизонта виднѣется призракъ большого города, столь же сѣрый и мрачный, какъ все кругомъ. Это Гонконда—нѣкогда хвала и прелесть Азіи.

Извѣстно, что города, замки,—все, что воздвигаетъ рука человѣка, когда рухнетъ, кажется всегда болѣе величественнымъ, чѣмъ было въ дѣйствительности. Однако то, что видимъ здѣсь, попросту подавляетъ. Въ этихъ стѣнахъ древній человѣкъ выразилъ свою жажду того, что громадно, сверхъ-человѣчно. Нынѣ это лишь испепеленная, усеянная обломками скалъ, всякими развалинами, пустыня: среди развалинъ торчатъ, какъ хребты огромныхъ спящихъ звѣрей, упомянутые выше камни съ гладкими боками, устоявшіе противъ времени болѣе, чѣмъ строенія человѣческія.

Когда-то кругомъ города тянулись плодородныя поля, величественныя сады, столь знаменитые въ минувшія времена; нынѣ нѣтъ и малѣйшаго слѣда жизни.

Измѣнился климатъ; сама Индія, измученная и падающая, такъ и кажется готова высохнуть. Уже нѣсколько лѣтъ нѣтъ весеннихъ дождей, посылаемыхъ прежде Аравійскимъ моремъ; они пошли безъ пользы заливать пустыни Белуджистана; а здѣсь въ ручьяхъ не стало воды, рѣки высыхаютъ, деревья не могутъ покрыться зеленью.

Все омертвѣло: джунгля—лѣса. Люди гибнутъ тысячами. А дѣти, маленькіе скелеты съ большими глазами, въ которыхъ свѣтится удивленіе въ виду столь сильного страданія,—на перекресткахъ дорогъ, либо у входа въ села, поютъ, или вѣрнѣе воютъ свою пѣсню голода, обѣими рученками держась за страшно впавшіе животики, на которыхъ кожа свѣшивается какъ пустой мѣшокъ».

«Рѣдко посѣщаемымъ путемъ Рутлана и Индары я отправился въ край голода—въ вагонѣ желѣзной дороги, которая, какъ извѣстно, пересѣкаетъ Индію во всѣхъ направленіяхъ.

Я пробѣжалъ лѣса, въ которыхъ уже нѣтъ пальмъ, но растутъ деревья похожія на наши; ихъ можно бы принять дѣйствительно за наши, если бы они не были такъ велики и не простирались на столь дикомъ фонѣ. Вѣточки сѣры и тонки, а всюду окраска соответствуетъ нашимъ дубамъ въ декабрѣ. Такъ должно быть выглядѣла древняя Галлія поздней осенью, а здѣсь, въ Индіи, теперь только апрѣль; и такъ я ошеломленъ теплою тропической весны, жаромъ льющимъ съ неба на этотъ зимній пейзажъ. Въ теченіе пути еще ничто не предвѣдомляетъ объ ужасахъ несчастія, подавившаго людей; однако въ душу проникаетъ уже предчувствіе чего-то ненормального, какой-то безвыходной бѣды, замиранія уставшей планеты.

Индія, колыбель Европы,—это земля развалинъ. Повсюду встрѣчаются здѣсь остатки городовъ, умершихъ многіе вѣка и тысячи лѣтъ тому назадъ, когда-то огромныхъ, величественныхъ, высившихся на утесахъ надъ пропастями; нынѣ никто не помнитъ уже ихъ именъ. Стѣны длиною въ двѣ мили преграждали доступъ въ ихъ храмы и замки; нынѣ живутъ въ нихъ обезьяны и гнѣздятся ядовитыя змѣи. Какъ ничтожны въ сравненіи съ этими великанами кажутся наши феодальныя замки и крѣпости!

Дорогою одни за другими мелькаютъ развалины и лѣса, утопая въ раскаленномъ воздухѣ. Надъ уничтоженной растительностью, надъ остатками легендарныхъ городовъ заходитъ, наконецъ, горящее солнце, затемненное пылью, печально-розоватое, зимне-блѣдное».

«На утро просыпаемся въ джунгли».

А въ первомъ же селѣ, при которомъ мы останавливаемся какъ только затихаетъ стукъ колесъ, дребезжаніе желѣза, до слуха доносится шумъ и крикъ столь своеобразнаго характера, что сразу же кровь леденѣетъ въ жилахъ; это были первые звуки пѣсни голода, съ которою намъ уже не пришлось разставаться. Мы въѣзжали въ страну несчастья. Эту пѣсню пѣли и исключительно голоса дѣтскіе, смѣшанные безпорядочно, будто во время забавы въ часъ школьной переменъ; но голоса эти были какъ-то беззвучны, измучены: это было нытье и вой, которые болѣзненно отдавались въ нашихъ ушахъ...

Бѣдные созданія толпою тѣснились у барьера и протягивали къ намъ исхудалыя руки. Черезъ темную обвисшую кожу просвѣчивалъ хрупкій скелетъ; казалось, дѣти эти лишены внутренностей, такъ сильно впали ихъ животики; а мухи обѣли ихъ уста и вѣки, сося изъ нихъ остатки влаги. Едва дыша, почти безъ признаковъ жизни они все еще держались на ногахъ и еще кричали. Ъсть, имъ хотѣлось ѣсть, а тѣ чужіе, незнакомые, ѣдущіе въ такихъ большихъ возахъ, были повидимому богаты; они сжались и бросаютъ имъ что-либо—такъ думали эти дѣти.

«Махарай! Махарай!» (Господинъ! Господинъ!)—повторяли ихъ маленькіе голоса, поющіе и дрожащіе. Нѣкоторыя изъ этихъ несчастныхъ существъ не имѣли еще пяти лѣтъ, а кричали также: Махарай! Махарай!—и протягивали ничтожные кулачки черезъ барьеръ.

Путешественники, ѣхавшіе со мной, все индусы изъ низшаго сословія, пассажиры 3 и 4 класса, выбросили имъ все, что имѣли: остатки рисоваго тѣста, мѣдныя деньги, а голодные созданія бросились на это, какъ звѣрьки, топча другъ друга. Что за польза для нихъ въ деньгахъ? Есть-ли еще запасы пищи въ сѣбѣтныхъ лавкахъ, сохраняемые для тѣхъ лишь, кто ихъ можетъ купить. И съ нашимъ поѣздомъ идетъ четыре вагона риса; каждый день проходитъ столько-же; но они не получаютъ изъ этого ни горсти, ни зернышка для поддержанія покидающей ихъ жизни. Это запасы, предназначенные для обитателей городовъ, для тѣхъ, у кого есть деньги и кто можетъ заплатить.

Отчего мы не ѣдемъ? Зачѣмъ стоимъ такъ долго на этомъ страшномъ мѣстѣ, гдѣ съ каждою минутой растетъ толпа голодающихъ, а пѣсня звучитъ все болѣе отчаяніемъ?

Земля кругомъ, высохшая и выжженная, когда-то бывшая хлѣбнымъ и рисовымъ полемъ, теперь кажется выжженной пустыней. Женщины, страшные скелеты съ грудями повисшими, какъ лохмотья, бѣгутъ, тяжело дыша, страдая отъ утомленія, на головахъ неся свитки, издающіе ужасную вонь—кожи своихъ издохшихъ съ голоду коровъ; онѣ надѣются ихъ продать. Цѣна живой коровы пала здѣсь до четверти рупіи (10 су), такъ какъ ее нечѣмъ кормить, а въ этой странѣ браминовъ не нашлся бы никто, кто осмѣлился бы ѣсть коровье мясо. Никто не хочетъ также купить кожу, которая воняетъ и притягиваетъ рой мухъ.

Я выбросилъ всѣ деньги, какія только имѣлъ при себѣ... О Боже, когда-же мы двинемся вперед!.. Какъ отчаянно плачетъ тотъ малютка! ему не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ, а другой ребенокъ, немного постарше, отнялъ у него мелкую монету, которую дитя не смогло крѣпче захватить въ ручонкѣ...

Наконецъ поѣздъ двигается, шумъ остается позади. Мы опять въ молчаливой джунгли.

Джунгли, которая осенью должна бы кипѣть жизнью, мертва; травы, кусты не заселѣли; апрѣль не оживилъ исчерпанныхъ соковъ; какъ лѣса, такъ и она имѣетъ зимній видъ подъ палящимъ солнцемъ. По ея шири

мелькаютъ иногда испуганныя газели, худыя, тощія, не находя ни клочка травы, ни капли воды.

Тутъ и тамъ изъ засохнушаго пня выстрѣлитъ молодая одинокая вѣточка, которая, питаясь остатками его соковъ, выпускаетъ два, три тонкихъ листочка или большой красный цвѣтокъ, печально рисующійся на фонѣ общаго опустошенія.

Въ каждомъ селѣ, гдѣ есть полустанокъ, у барьера встрѣчаютъ насъ голодные; мы уже издали слышимъ ихъ страшную пѣню, вездѣ одну и ту-же, раздирающимъ дискантомъ поющую на ту-же ноту; эта пѣнь становится громче, растетъ, усиливается, по мѣрѣ, какъ приближаемся, а потомъ гонится за нами протяжно, съ отчаяннымъ напряженіемъ, когда мы удаляемся въ глубь молчаливой сожженной солнцемъ пустыни».

Вопросы народного образования и—библіографіи *).

Л. Клейнборгъ.

Къ характеристикѣ читателя изъ народа.

I.

Едва ли не самое видное явленіе нашей современности—то, что въ низшихъ слояхъ пробуждается читатель, и книга, которая была достояніемъ избранныхъ круговъ, становится достояніемъ толпы. Тѣ, кому приходится жить среди народа, сталкиваться съ нимъ лицомъ къ лицу, безъ сомнѣнія, уже замѣтили не одного представителя этого нарождающагося типа.

Это пробужденіе создала не книга. Настроенія создаетъ жизнь, а не книга. И если книга является искрой, то настроеніе является порукой тому, что эта искра не пропадетъ, что носители ея, желающіе „полюбить ближняго своего“, полюбятъ... Бываютъ минуты въ жизни нации, когда т. н. вопросы волнуютъ не только единицы, но и массы...

Мы имѣемъ въ виду тотъ поразительный переворотъ, какой произошелъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. Изъ натурального—со всѣми его юридическими послѣдствіями—хозяйство стало товарно-промышленнымъ. Россія теряетъ свои прежнія черты, приближается къ западно-европейскому типу. Въ то время какъ на югѣ, этомъ царствѣ промышленности, приходится по двѣ газеты на губернію, а въ Поволжьѣ, съ его торговымъ движеніемъ и интеллигентными центрами,—по 1½, средняя губернія, гдѣ промышленность, сохранила свой сермяжный характеръ, не создавшая того читателя, который уже родился на югѣ, не въ состояніи

*) Въ этомъ отдѣлѣ Редакція намѣрена помѣщать статьи разныхъ авторовъ, касающіяся вопросовъ, связанныхъ съ народнымъ образованіемъ, и имѣющія въ виду литературу для народа. Здѣсь, на ряду съ характеристикой читателя изъ народа, условіями въ которыхъ находится литература, предназначенная для послѣдняго, и эволюціей въ духовной жизни низшихъ слоевъ населенія, будетъ обращено вниманіе и на практическіе вопросы, народнаго образованія: правовое положеніе литературы для народа, условія устройства народныхъ чтеній, театровъ, библіотекъ, читаленъ и т. п., оцѣнка книгъ для народныхъ библіотекъ, и для самообразованія, и т. д.

поддержать и одной газеты ¹⁾. Статистики Курской губ. давно указали на то, что % грамотности слѣдуетъ за промышленнымъ развитіемъ ²⁾.

Итакъ, читатель изъ народа нарастаетъ. 20—30 лѣтъ тому назадъ онъ еще терялся на такой глубинѣ, куда посторонній глазъ не въ состояніи проникнуть. Книга была книгой для „чистой публики“, которая искала въ ней свое общество, свои взгляды. Не то теперь...

Конечно, не слѣдуетъ увлекаться. Для узкаго эмпирика мыслящій крестьянинъ, можетъ быть, все еще представляется исключеніемъ, тонущимъ въ сѣрой безразличной массѣ, гдѣ полузнанія, вынесенныя изъ школы, испаряются съ быстротой молніи. Но тотъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, для кою общественная жизнь не исчерпывается областью „факта“, увидитъ, что единичность здѣсь—только кажущаяся. Процессъ идетъ неуклонно. И если формируетъ его „настояшій день“, гигантскій механизмъ все задѣвающій своими желѣзными лапами, который о многомъ заставляетъ думать и еще больше переживать, то многія головы изъ народа не могутъ не думать, и многія сердца не могутъ не чувствовать...

Намъ кажется, что процессъ идетъ самопроизвольно. Намъ кажется, что какая то закономерность есть въ этомъ процессѣ. И хотя трудно поддается оцѣнкѣ то, что происходитъ на днѣ народной жизни,—слишкомъ часто мы наблюдаемъ ее не тѣми глазами, какими слѣдуетъ наблюдать,—но явленіе такъ поучительно, что на него не вредно посмотрѣть хоть издали.

II.

Читатель изъ народа не есть нѣчто однородное. Классификація его тѣсно связана съ исторіей его происхожденія. Подойдемъ къ этой исторіи поближе.

Для чего была нужна грамота въ дореформенное время? Для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ? Но религіозныя нужды слабо связаны съ экономіей деревни. Крестьянинъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, которое кормило его, и не было никакой нужды выходить за его предѣлы. Безъ этой грамоты, какъ безъ этого передвиженія, можно было прожить такъ же, какъ съ ними. Но вотъ наступилъ моментъ, когда земледѣліе не можетъ прокормить крестьянъ. Промышленности въ деревнѣ нѣтъ, стало быть, предѣлы села, волости, даже губерніи стали узки. Надо бѣжать, съ ничтожнаго клочка земли, на которомъ доступная крестьянину культура возможна, бѣжать во что бы то ни стало.—Итакъ, „есть два пути“. Кто можетъ—могутъ, разумеется, миллионы—пашеть и сѣять, какъ это дѣлали отцы. Кто не можетъ, распродаетъ свой скарбъ и сосредоточивается въ промышленныхъ центрахъ, образуя безземельную собственно фабричную армію, не имѣющую, наконецъ, ничего общаго съ деревней, армію, которая, по мнѣнію изслѣдователей нашего народнаго хозяйства, становится все больше и больше.

Тутъ то и явилась потребность въ грамотѣ. Преимущества грамоты стали очевидны массѣ—и тѣмъ, кто ушелъ на сторону, и тѣмъ, кто остался дома. Съ разложеніемъ прежнихъ отношеній, разныя группы населенія,

¹⁾ Обстоятельство это еще отмѣчено покойнымъ Шелгуновымъ (Очерки русской жизни, стр. 24). См. также А. В. Пышехоновъ. Русская политическая газета (Рус. Бог. 1901 г.—№ 3).

²⁾ Курская губ. Итоги статистическаго изслѣдованія. 1887 г.; также „Промыслы и грамоты. центр. района Курской губ.“ 1885 г. Данныя для другихъ губерній имѣются въ статьѣ г. С-скаго (Новое Слово 1897 г.—май).

вынужденныя, помимо земледѣлія, обращаться въ большей или меньшей степени къ заработкамъ на сторонѣ, вопіють о грамотѣ.

Такимъ образомъ, вопросы народнаго обученія, поднимаемые издавна на земскихъ и городскихъ собраніяхъ, должны были выйти изъ своихъ ограниченныхъ рамокъ и сосредоточиться около одного центра, вопроса о всеобщемъ обученіи. Школы начинаютъ появляться, какъ грибы послѣ дождя... Но что изъ того, что ежегодно школу оканчиваютъ сотни и тысячи душъ, когда черезъ 2—3 года ученики совершенно забываютъ все, чему ихъ учили! Пусть школа развиваетъ настроеніе школьника, сообщаетъ ему хорошія мысли вмѣсто того, чтобы посвящать во всѣ тонкости грамматизма; пусть имѣется учитель, любовно относящійся къ своему дѣлу, который знаетъ, когда и что можно предложить ученику, но что дѣлать, когда всѣ книги, имѣющіяся въ школьной библіотекѣ, прочтены? ¹⁾

Очевидно, скажете вы, если одной школы мало, если школа даетъ только возможность развитія, которое требуетъ примѣненія, а безъ примѣненія теряется, притупляется, употребляется на нужды, ничего общаго съ развитіемъ не имѣющія, то надо, чтобы питомцы школы, выйдя изъ нея, не встрѣчали недостатка въ книгѣ... И вы будете неправы: народъ затрачиваетъ на книги отъ 800000 до милліона рублей ²⁾. — Вполнѣ естественно, если народъ желаетъ знать, чѣмъ замѣчательна „дружественная“ намъ нація. Вполнѣ естественно, если народъ желаетъ знать, изъ-за чего идетъ война, въ какомъ положеніи находятся воюющія стороны—на войнѣ сражаются и помираютъ его дѣти, его братья. Каждое мало-мальски важное событіе вызываетъ широкій спросъ со стороны народа на литературу. Но что же? Не встрѣчая около себя указанія, рабочій человѣкъ набрасывается на первое попавшееся изданіе, безграмотное изданіе Никольскаго рынка, сообщающее ему дикія, ни съ чѣмъ несообразныя понятія. Затрачивая милліонъ рублей на книги, онъ—за единичными исключеніями—покупаетъ на него лубочныя изданія, которыя ему подсовываетъ ловкій офеня, умѣющій приспособиться къ его вкусамъ, расходящійся по всѣмъ уголкамъ нашего отечества.

Въ такихъ условіяхъ школой воспитанія народа являются, именно, внѣшкольныя учрежденія. Второй періодъ нашего подъема и характеризуется ростомъ этихъ учрежденій. Растутъ книгоиздательскія фирмы, имѣющія цѣлью спуститься въ глубину народныхъ массъ съ произведеніями нашихъ классиковъ, съ популярно научной литературой ³⁾, растутъ книжные склады, библіотеки, читальни, растутъ народныя чтенія, спектакли, лекціи, вечернія, воскресныя и повторительныя занятія съ расширенной программой. Комитеты грамотности, общества просвѣщенія, дѣятельность земствъ и городовъ — все это движеніе, совершающееся внѣ школы, и выдвинуло читателя изъ народа; все это движеніе, которое, можно надѣяться, захватитъ когда-нибудь и сферы, обладающія достаточными матеріальными средствами для проснувшейся духовной жажды народа, и закинуло въ душу рабочаго человѣка искру Божію, частицу

¹⁾ См. напр. „Очерки Херсонской деревни“. Жизнь 1901 г.—№ 1.

²⁾ А. Стаховичъ. „О борьбѣ земства съ лубочной литературой“. Вѣстникъ Воспитанія 1901 г.—№ 12.

³⁾ Отмѣтимъ земское книгоиздательство, которое у насъ только началось. Оно, безъ сомнѣнія, внесло свѣтлую струю не только въ общедоступныя изданія, но и въ учебную литературу для народа.

того „святого недовольства“, безъ котораго и стремленіе къ лучшему невозможно.

И вотъ выросъ читатель изъ народа.

Отчеты комиссіи и отдѣльных лицъ объ устройствѣ народныхъ чтеній переполнены разсказами о томъ, съ какимъ восторгомъ и крестьянинъ, и рабочій бѣгутъ въ аудиторію, гдѣ происходятъ, чтенія какимъ удобнымъ способомъ являются эти чтенія для проведенія сельскохозяйственныхъ, историческихъ, гигиеническихъ знаній, столь важныхъ для читателя изъ народа. Отчеты книжныхъ складовъ показываютъ, что среди народа имѣются различные уровни читателей, что не одинъ изъ нихъ уже умѣетъ отличать хорошую книжку отъ дурной ¹⁾. А насколько народъ понимаетъ и цѣнитъ значеніе библиотекъ въ настоящее время,—и именно, народъ, прошедшій школу,—показываютъ тѣ многочисленные, по собственному почину составляющіеся приговоры крестьянскихъ обществъ объ открытіи библиотекъ, которыхъ еще въ 1896 г. г. Смирновъ насчиталъ свыше 400. Сумма, ассигнованная по этимъ приговорамъ, равнялась 30,000 руб., а населеніе волостей и селъ, гдѣ они были составлены, простиралось до 3 миллионѣвъ. Очевидно, все это не отдѣльные факты. Гдѣ рѣчь идетъ о столькихъ симпатіяхъ, о массовыхъ приговорахъ, о миллионахъ душъ, выраженіемъ желаній которыхъ эти приговоры являются, нельзя говорить о единичныхъ фактахъ. Мы вездѣ видимъ борьбу молодыхъ взглядовъ со старыми...

Своей наибольшей высоты самообразование народа получило въ народномъ домѣ. Развиваясь одновременно и въ деревнѣ, и въ промышленныхъ центрахъ, учрежденіе это, въ которомъ народная библиотека и аудиторія неразлучны съ театромъ, книжная лавка съ вечерними классами для взрослыхъ, умственное воспитаніе съ эстетическимъ, становится столь интереснымъ явленіемъ, что его справедливо считаютъ призваннымъ удовлетворить потребность, нарождающейся интеллигенціи изъ общества. 30—40 лѣтъ тому назадъ, когда школы наши числились лишь на бумагѣ, когда не только учителей, но и посѣтителей не могло быть, появленіе народнаго дома было невозможно. Это не случайность, не результатъ частной филантропіи, а продуктъ цѣлаго культурно-просвѣтительнаго періода, отвѣчающій и читателю изъ деревни, для котораго вся дореформенная исторія ничего не выработала, кромѣ церкви для удовлетворенія религіозныхъ потребностей и кабака для отдыха, который начинаетъ себя проявлять устройствомъ сельскохозяйственныхъ обществъ, чтеній сообща, улучшеніемъ библиотекъ, заведенныхъ земствомъ и т. д., и фабрично-заводской массѣ, которая дни проводитъ въ спертомъ воздухѣ фабрикъ и заводовъ, ночи—въ тѣсныхъ, грязныхъ квартирахъ, въ праздники же, не имѣя разумно организованныхъ развлеченій, устраиваетъ кулачные бои или игру въ орлянку, обыкновенно оканчивающуюся ссорой... ²⁾

Итакъ, *внѣшкольные вліянія создаютъ читателя изъ полуграмотныхъ массъ, высыпавшихъ изъ нашихъ сельскихъ и городскихъ школъ*. Но вліянія эти не вездѣ одинаковы, не въ одинаковой степени нарушаютъ внутреннюю косность массъ. Гдѣ же они благопріятнѣе? Гдѣ внѣшкольные вліянія имѣютъ болѣе глубокіе корни: въ средѣ земледѣльческой съ остатками крѣпостного права, гдѣ новое переплетено со старымъ, гдѣ и новое, и старое пе-

¹⁾ Тулузовъ. Книжные склады въ Россіи (Рус. Мысль, 1901 г.—2) И. Д. Прокошевъ. Земскіе книжные склады. „Сб. Перм. Зем.“ 1901 г.—№ 2.

²⁾ См. любопытныя данныя въ статьѣ П. К. Голубева «Народные дома—дворцы». Рус. Бог. 1901 г. № 12.

ремѣшано въ странныхъ, непонятныхъ комбинаціяхъ, имѣющихъ значеніе лишь для того, кому даны уши, чтобы слышать, или фабрично-заводской пропитанный духомъ „цивилизаци“, гдѣ „волна, на волну набѣгая“—съ шумомъ, свойственнымъ молодости, — занимаетъ центры, стучить рычагами, и звуки разносятся далеко въ окрестности? Не будемъ прибѣгать къ цифрамъ, такъ какъ дѣло ясно и безъ цифръ.

III.

Читатель фабричный — говоримъ мы — и читатель деревенскій не одно и то же. У перваго свои вкусы, свой „образъ мыслей“, у послѣдняго свои. Неодинаковы эти читатели и по подготовкѣ¹⁾. И если изъ всѣхъ книгъ, скажемъ, на даннаго читателя повліяла, именно, данная книга и не могла не подѣйствовать на него въ данныхъ условіяхъ, то, конечно, не слѣдуетъ игнорировать и индивидуальныя особенности, но гораздо важнѣе здѣсь та обстановка, съ болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіемъ которой болѣе или менѣе существенно измѣняется и психика читателя.

Деревни наши — крестьянское населеніе, разбросанное въ разныхъ уголкахъ нашего отечества — напоминаютъ собой маленькіе островки обширнаго воднаго пространства: такъ нестройно возникали онѣ то въ видѣ селеній-починковъ, то въ видѣ хуторовъ-заимокъ; такъ ничтожно общеніе между ними, та духовная нить, которая чувствуется въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ центрѣ.

Трудно здѣсь создать это общеніе, эту духовную нить. Туго доходить сюда волна, вызванная народно-издательскимъ дѣломъ послѣднихъ лѣтъ. Учитель получаетъ учебную литературу, священникъ — церковную, волостная и сельская администрація — „Сельскій Вѣстникъ“ или „Губернскія Вѣдомости“, можетъ быть, еще кто-нибудь получаютъ „Свѣтъ“. Даже посовѣтываться не съ кѣмъ. Крестьянинъ сто разъ принесетъ съ базара „Разбойниковъ Чуркиныхъ“ прежде, чѣмъ услышитъ имена „Бѣлинскаго и Гоголя“, а просвѣщенные люди деревни въ лучшемъ случаѣ угостятъ его „Нивой“ и „Родиной“²⁾. Медленно — медленно создается мыслящій крестьянъ, и много ступеней имѣетъ этотъ процессъ. Но мы охарактеризуемъ *средній социально-психологическій* типъ читателя изъ деревни.

Едва ли не общей черточкой, бросающейся намъ въ глаза, является *недовѣріе* этого типа людей, недовѣріе къ будущему. Въ теченіе двухъ десятилѣтій въ народѣ держалось, по выраженію Златовратскаго, какое то романтическое направленіе. „Малые, большіе — дѣло чуть за споромъ — „вотъ пріѣдетъ баринъ!“ повторяютъ хоромъ...“ Въ настоящее время эти ожиданія становятся достояніемъ исторіи. Утративъ вѣру въ близкое ихъ осуществленіе, люди деревни пришли къ тому выводу, что надо искать своего выхода, не дожидаясь, покуда такой выходъ придетъ извнѣ. Кто нашелъ его въ переселеніи, которое съ 1881 г. становится массовымъ движеніемъ, кто въ библіотекѣ или другомъ дѣлѣ мѣстнаго происхожденія, кто употребилъ все усилія къ тому, чтобы попасть въ городъ. Но, — какъ ни разнообразны эти выходы, — все они характеризуются нежеланіемъ стоять „съ раскрытымъ ртомъ и закрытыми глазами“, стремленіемъ къ лучшему, чѣмъ то, что есть въ дѣйствительности. Крестьянинъ запасается знаніемъ, а книга даетъ ему такія объясненія, какихъ у него не могло быть раньше. Эта черточка удачно выведена въ „Искорькахъ“ Н. А. Рубакина.

¹⁾ Различіе видятъ и г. Рубакінъ, и г. С. Ан — скій.

²⁾ Ср. Пругавинъ „Запросы народа и обязанности интеллигенціи“ (Газеты и журналы въ народной средѣ стр. 93—104).

Не менѣ любопытна другая черточка. Помимо узко-практическаго интереса, характернаго для отношенія крестьянина къ книгѣ, все шире и шире распространяется *безсознательное пониманіе ея въ смыслъ общаго развитія*. „Полезна ли книга?“ спрашиваютъ вятскаго крестьянина. „Очень полезна: вызываетъ на размышленіе, отвлекаетъ отъ бездѣйствія“ — „потому, по поводу прочитаннаго разсужденія бывають“. „Я раньше ничего не зналъ про разныя страны и порядки“. „Я завѣдующимъ библіотекой выбранъ обществомъ. Очень люблю книги читать и газеты“ — „какъ только получилъ изъ волостного правленія книги, три дня сидѣлъ, все читалъ“. Выражаютъ желаніе о расширеніи Вятской газеты: „По моему мнѣнію не хватаетъ всероссийскихъ извѣстій, а губернскими доволенъ“ т. е. доволенъ газетой лишь поскольку она обозрѣваетъ мѣстную жизнь. „Въ Вятской газетѣ интересно было бы знать заграничныя новости“. Изъ отвѣтовъ видно, что наиболѣ развитые стараются приноровлять книжку къ уровню сосѣда-читателя, дѣлають посильныя указанія, популяризируютъ библіотеки, перевоза ихъ изъ деревни¹⁾. То же мы видимъ изъ отвѣтовъ пермскихъ крестьянъ. „Радости нѣтъ конца, когда дѣти читають по праздничнымъ днямъ“. „Возьмутъ какую нибудь книжку и читають своимъ родителямъ, которые слушають со вниманіемъ, подобно тому какъ нѣкогда читала дѣвочка своимъ родителямъ манифестъ 19 февраля“²⁾.

Эти двѣ черточки весьма выгодно отличаютъ современнаго начетчика. Однако, и это очень важно для характеристики крестьянина — на немъ еще лежитъ печать крѣпостной опеки. Какъ извѣстно, читатель изъ деревни мало анализируетъ: слишкомъ неблагоприятны условія деревенской жизни для работы мысли. Люди провинціи, стоящіе близко къ читающей деревнѣ, давно отмѣтили нереальность крестьянской мысли, ея склонность къ проповѣди и поученію въ ущербъ фактической правдѣ.

Просматривая списки книгъ, имѣющихъ, главнымъ образомъ, распространеніе среди крестьянъ, поражаешься рѣзкимъ преобладаніемъ книгъ религіозныхъ. Конечно, и всякаго явленія не одна, а нѣсколько причинъ. На вопросъ одного учителя, почему у него такъ мало свѣтскихъ книгъ, одинъ крестьянинъ отвѣтилъ, что не всегда они, крестьяне, могутъ купить, что желаютъ³⁾. Можетъ быть религіозность крестьянина объясняется близостью къ природѣ „въ которой величіе и безконечность виднѣе“? Во всякомъ случаѣ, читатель изъ деревни до сихъ поръ нрѣдко видитъ въ религіозный книжкѣ, нѣчто вродѣ предохраняющаго отъ несчастій амулета⁴⁾, не допускающее сознательной критики⁵⁾.

Такое же отношеніе установилось у деревенскаго читателя къ свѣтской книжкѣ. Онъ относится къ ней, какъ къ проповѣди—выбирая, главнымъ образомъ, поученія, указанія и воспринимая ихъ совершенно пассивно. Конечно, нѣкоторые читатели предъявляютъ и реальныя требованія въ родѣ тѣхъ, которыя предъявляли г. Ан-скому.

— Все сказки, проговорилъ одинъ изъ его слушателей, немолодой уже крестьянинъ. Ты бы вотъ намъ прочиталъ такую книжку, чтобъ отъ нея земли побольше, а податей поменьше... Вотъ, какую бы послушали.

¹⁾ Статист. Ежегодникъ Вятской губ. Вятка 1901 г. (См. очеркъ Н. М. Платонова „Сельскія обществ. библ. Вятской губ.“).

²⁾ Сб. Перм. Зем. 1901 г.—№ 2 (Народная школа и значеніе грамотности въ отзывѣхъ крестьянъ).

³⁾ Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Стр. 151.

⁴⁾ С. Ан-скій. Народъ и книга. Рус. Бог. 1902 г. см. № 6, стр. 85—86 и № 7 стр. 19. Не соглашаясь съ освѣщеніемъ этого автора, мы считаемъ себя въ правѣ пользоваться его фактическимъ матеріаломъ.

Но мы говоримъ о среднемъ читателѣ. Рѣдкая—рѣдкая книга поглощаетъ этого читателя—крестьянина настолько, чтобы онъ забылъ для нея окружающую обстановку. „Сидить себѣ человекъ, кажется спокойно, слушаетъ внимательно—и вдругъ вскопчить, какъ ужаленный и воскликнуть: „Бачъ! сказився! (съ ума сошелъ) скотина не напована—а я сижу!“—и по-пѣшно уйдетъ. А вслѣдъ за нимъ подыметъ, сладко потягиваясь, и другой и скажетъ лѣнливо: „Э-эхъ а мени ще тре за дегтемъ сходить“... и тоже уйдетъ. И только рѣдкая книга приковывала къ себѣ слушателя настолько, что даже, поднявшись, онъ не уходилъ, и сказавъ въ свое оправданіе: „Э! тре-бъ пійтить, та книжечка, бачъ дюже ловка, жалко“.—останется дослушивать стоя“.

Итакъ, крестьянинъ охотно идетъ навстрѣчу книгѣ, выражая стремленіе читать не то, что можно, а то, что нужно, и было бы большой ошибкой думать, что онъ читаетъ все съ одинаковымъ вниманіемъ. Есть даже «нужныя книги», окруженныя настоящимъ ореоломъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Но, какъ бы ни были велики этотъ интересъ и это уваженіе, книга не захватываетъ крестьянскаго читателя настолько, чтобы нарушить его библейски-схоластическую вялость, обычную практичность, закованную въ броню его «крестьянскаго труда».—Надо ли добавлять: *tempora mutantur, et nos mutamur in illis*.

IV.

Многіе крестьяне, не желая посылать дѣтей въ школу, разсуждаютъ такъ: «чего имъ туда ходить—чтобы они панами сдѣлались? Намъ нужно работника, а не пана». Взглядъ этотъ основывается на томъ фактѣ, что наиболѣе способные изъ крестьянъ, побывавъ въ школѣ, стремятся уйти изъ деревни на фабрику. И если не мало народу, окончившаго школу остается въ деревнѣ, занимается земледѣліемъ и, исполняя все то, что и остальные крестьяне, вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаютъ бібліотеки, народные чтенія и пр., то еще больше такихъ, которые, мало-маленьки поднявшись умственно надъ своими односельчанами, спѣшатъ покинуть родныя мѣста. «Грамотность—писать корреспондентъ текущей статистики—стала столь обыденнымъ явленіемъ, что ея одной безъ какого-либо счастливаго случая стало не достаточно для перехода на какое-либо другое, болѣе оплачиваемое, чѣмъ земледѣліе, занятіе», но хорошо обучившіеся, наиболѣе «способные» уходятъ изъ деревни.¹⁾ Такимъ образомъ, въ промышленныхъ центрахъ процессъ идетъ съ удвоенной силой.

Какъ относятся къ книгѣ читатели изъ рабочихъ. «Для книжки они забывали и дѣла, и еду, и чай, и карты, я гармонику (увы! только не водку! замѣчаетъ г. С. Ан-скій). Они слушали чтеніе съ жадностью съ упоеніемъ, съ какимъ то болѣзненнымъ восторгомъ, совершенно забывая все окружающее и бурно, съ увлеченіемъ выражая свои чувства». «Было что-то глубоко-трагическое въ той мучительной жадности, съ которой они набрасывались на книгу»²⁾.

На такой почвѣ читатель образуется очень быстро. Дайте только матеріалъ для чтенія. И кто знаетъ, какое количество внутренней работы не находитъ себѣ выхода благодаря отсутствію хорошихъ книжекъ и дороговизнѣ ихъ, тотъ пойметъ, почему лубочное изданіе, не имѣющее ни художественной силы, ни серіозныхъ мыслей, свило, именно, въ промышленныхъ центрахъ настоящее гнѣздо. Это общезвѣстный фактъ. Изъ

¹⁾ Голубевъ. Вліяніе грамотности въ крестьянской жизни. (Сар. Зем.-Нед. 1902 г. № 4).

²⁾ Народъ и книга. № 6, стр. 99. Курсивъ нашъ.

царства машины, одурающаго ревомъ и стукомъ, рабочій можетъ броситься въ одну область—область „листовки“, въ область „героическихъ“ событій, и онъ бросается на нее, какъ на рюмку вина. Культурныя учрежденія болѣе доступны рабочему, чѣмъ крестьянину, но все же онъ поглощаетъ такой огромный дубочный матеріалъ, который и во снѣ не снился нашему крестьянину.

Религіозныя книги не въ такомъ ходу на фабрикѣ, какъ въ деревнѣ. Рабочіе, замѣчаетъ г. С. Ан—скій, не только сами не просили религіозныхъ книжекъ, но тяготились этимъ чтеніемъ. Если одинъ изъ приличій восклицалъ слащаво-приторнымъ голосомъ: „А—ахъ! Божественное чтеніе—первый сортъ!“ то другіе, не стѣняясь, зѣвали и просили перемѣнить книжку. Вообще, *какъ крестьянинъ предпочитаетъ поучительныя вещи, такъ рабочій ихъ не переноситъ*. Какъ то пришли къ одному моему знакомому нѣсколько фабричныхъ,—разсказываетъ г. Рубакинъ—выбирать книжки для чтенія. Тотъ разложилъ передъ ними десятка два брошюръ, которыя онъ считалъ недурными. Рабочіе отобрали изъ нихъ кое-какія, отложили въ сторону лишь поучительныя.—А эти что же?—спросилъ мой знакомый.—Это то? Ужо вотъ мы ихъ въ посту почитаемъ, а то больно ужъ поучительны“. Буквально то же самое приходилось выслушивать и мнѣ при чтеніяхъ въ рабочей казармѣ“, прибавляетъ г. Ан—скій.

— Что тутъ описывается?—спрашивали его.—Поученіе какое или что интересное?

При чтеніи разсказа „Христосъ въ гостяхъ у мужика“, который весьма понравился въ деревнѣ, благодаря своей поучительности, рабочій, слушатель воскликнулъ:

— Смотри! а народъ какъ слушаетъ! Кто поспалъ, а кто ушелъ...

Наоборотъ, разсказъ Гаршина „Четыре дня“, который на рудникѣ и на пристани былъ выслушанъ съ огромнымъ интересомъ, въ деревнѣ никому особенно не понравился. Тенденцію, особенно въ формѣ поученія они часто пропускали мимо ушей. Отмѣчали они ее только тогда, когда она естественно и художественно, не нарушая впечатлѣнія и не навязываясь скучнымъ резонерствомъ, вытекла изъ самого событія“. Въ самомъ дѣлѣ, „нужно брать (для сюжетовъ) самыя реальныя стороны народа—говорить читатель изъ рабочихъ А. Я.—и описывать безъ всякихъ заднихъ мыслей (т. е. безъ тенденцій)“. Нужно очистить умъ народа отъ тѣхъ въковыхъ предразсудковъ, которыми страдаетъ онъ отъ самого младенчества, а первое, что нужно на этомъ пути, это то, чтобы въ литературѣ, хотя бы свѣтской, на всегда исчезъ элементъ мистическій“¹⁾.

Нельзя съ А. Я. не согласиться. Склонность поучать, точно народъ является лишь хорошимъ матеріаломъ для различныхъ благодѣтельныхъ опытовъ, весьма характерна и для нѣкоторыхъ учреждений, и для нѣкотораго круга нашей интеллигенціи. Какъ ни идеализируютъ народъ наши культуртрегеры, а отношеніе сверху внизъ какъ то примирается у нихъ съ этой идеализаціей. Они, можетъ быть, искренно убѣждены, что народъ своихъ задачъ не понимаетъ, и что то, что они даютъ народу, дѣйствительно ему нужно, но это еще не значитъ, что дѣло и въ дѣйствительности такъ. И если этотъ младенецъ подъ часъ видитъ значительно дальше, чѣмъ сами просвѣтителі, то очевидно, онъ не младенецъ, а товарищъ, съ которымъ надо идти рядомъ. Самоуниженіе же, о которомъ мы говоримъ, остатокъ крѣпостнаго права и бюрократизма...

¹⁾ Н. Рубакинъ. Этюды, стр. 200—201.

Не менѣе любопытна слѣдующая черточка. О чемъ бы я ни читаль, что бы ни проповѣдывалось въ книжкѣ, крестьяне всегда воспринимали «поученіе» пассивно большей частью „соглашаясь“ съ нимъ. Другое дѣло рабочіе. Впечатлительные, пылкіе, они рѣдко останавливались на тенденціи автора, но, когда на ней останавливались, то относились съ *гораздо меньшимъ уваженіемъ къ авторитету* и, выражая свое несочувствіе, подробно развивали собственное пониманіе разбираемаго произведенія.

Крестьяне напр. очень строго, до жестокости строго, относятся къ нарушенію правъ собственности. Когда г. Ан-скій читаль рассказъ о томъ, какъ баба изъ нужды украла, за что ее посадили въ тюрьму, одна изъ присутствующихъ заявила:

— Стоить! Пусть не воруетъ! Нечего жалѣть! Кто не нуждается! Всѣ нуждаются,—а воровать не идутъ.

Также было и при чтеніи рассказа „Воръ“. Когда Алешка, доведенный до отчаянія, спивается и грабитъ лавку, слушатели всецѣло обвиняютъ его.

— Довель себя, значить, до воровства!

— Пошелъ на дѣла. Распустился, распутнымъ сталъ.

— Вотъ тебѣ и Алешка!

И ни капли сочувствія къ человѣку, на сторонѣ котораго раньше были всѣ симпатіи. Иначе посмотрѣли на дѣло шахтеры. Когда Алешка отказывается идти съ товарищами, одинъ изъ нихъ говорить съ презрѣніемъ:

— Трусоватъ парень воровать то!

— Вѣтъ онъ мастеръ, а воровать-трусъ.

Другой разъ г. Ан-скій прочелъ на пристани книжку „Кто выдумалъ желѣзную дорогу“. Крестьяне описываемой мѣстности отнеслись враждебно къ предпріятію, что авторъ объясняетъ невѣжествомъ крестьянъ. Одинъ изъ слушателей увѣренно сказалъ:

— Они не совсѣмъ дураки были, что не хотѣли машинъ. Это онъ (т. е. авторъ) напрасно.

— Почему?

— Да такъ.—И, помолчавъ немного, онъ продолжалъ: раньше тысячи людей имѣли работу, а теперь машина все дѣлаетъ сама.

Итакъ, читатель деревенскій и читатель изъ рабочихъ далеко не одно и то же. Если нашъ крестьянинъ, озадаченный своимъ теперешнимъ положеніемъ, находится какъ бы на распутии, то рабочій, не имѣющій ничего общаго съ деревней, давно разобрался въ своемъ положеніи, въ своемъ настоящемъ и будущемъ. Разница эта сказывается на читателяхъ изъ народа. Въ то время какъ читатель-крестьянинъ все еще склоненъ объяснять разныя перемѣны непремѣнно въ свою пользу, ничего подобнаго не приходитъ въ голову читателю-пролетарію. Онъ знаетъ, что жизнь его, безъ малѣйшей для него надобности, будетъ рассчитана по часамъ, по свисткамъ и не выльзть ему изъ этой шахты, не уйти отъ этого станка ¹⁾.

VI.

Однако...—задумается скептикъ—туть развитія—туть медленный. Гдѣ результаты? Если прошло время, когда читатель изъ народа не находилъ сочувствія своимъ духовнымъ интересамъ, если народъ видитъ въ немъ носителя своей культуры, къ которому обращается за совѣтомъ,

²⁾ Различіе это отмѣтилъ еще Гл. Успенскій. См. «Новые народные стишки», т. III, стр. 659—661.

то гдѣ тѣ матеріально-культурныя блага, которыми ознаменованъ приходъ читателя изъ народа?

Не будемъ останавливаться на рабочихъ. По отношенію къ нравственности, домашней жизни ихъ имѣются вполне точныя данныя въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ, въ работахъ научно-статистическаго свойства, наконецъ, въ заявленіяхъ самихъ фабрикантовъ. При пользованіи „интеллигентными“ рабочими число несчастныхъ случаевъ уменьшается, потеря матеріала и времени при работѣ — факты, извѣстные всѣмъ и каждому. Еще въ началѣ 90-хъ годовъ на съѣздѣ по техническому образованію г. Шестаковымъ было прочитано сообщеніе, въ которомъ приводятся слѣдующія данныя объ одной изъ самыхъ крупныхъ московскихъ фабрикъ, красильной и ситценабивной Цинделя ¹⁾

Возрастъ рабочихъ.	% зараб. платы въ пользу грамотн.	Возрастъ рабочихъ.	% зараб. платы въ пользу грамотн.
15—20	8	35—40	37
20—25	12	40—45	28
25—30	25	45—50	51
30—35	50		

То же говоритъ г. Гавришевъ, опросившій и зарегистрировавшій 1500 съ небольшимъ рабочихъ на механическихъ заводахъ Николева. „Средняя заработная плата непрерывно возрастаетъ, начиная съ неграмотныхъ до группы мастеровыхъ, проводшихъ въ школьномъ обученіи 6 лѣтъ“ ²⁾. По словамъ фабрикантовъ, молограмотныя такъ и остаются на черной работѣ. Ими можно пользоваться лишь тамъ, гдѣ нужна грубая сила. Назначеніе ихъ къ машинамъ невыгодно ³⁾.

Гораздо менѣе изслѣдованъ вопросъ по отношенію къ деревнѣ. Обратимся къ этимъ небольшимъ по количеству и не вполне точнымъ статистическимъ матеріаламъ, представляющимъ отзывы людей, близко стоящихъ къ нуждамъ населенія, большей частью, самихъ крестьянъ. Что же мы слышимъ?

Гдѣ книга является рѣдкимъ гостемъ, гдѣ внѣшкольныя вліянія отсутствуютъ, читатель изъ народа стирается въ общей массѣ. „По окончаніи курса (крестьяне) попадаютъ къ своимъ невѣжественнымъ родителямъ“. „Вотъ почему мнѣгіе, которыхъ я знаю, изъ окончившихъ курсъ не могутъ правильно подписать свою фамилію, несмотря на сравнительно недавнее оставленіе ими школы“. „Окончившіе курсъ вступаютъ въ бытовую среду прадѣдовъ, не имѣя возможности заняться самостоятельно, и не видя на практикѣ умѣлаго веденія дѣла, поступаютъ такъ же, какъ ихъ отцы и дѣды“. Нѣтъ библіотеки, никто ничего не читаетъ—вотъ тонъ такихъ отвѣтовъ. „Да отчего они и поведутъ лучше свое хозяйство, когда ничего не читаютъ!“ ⁴⁾

Но вотъ повѣяло свѣжимъ воздухомъ. Только почитываетъ еще молодежь, которая самостоятельной роли не играетъ, а подчиняется старикамъ. Молодые „начинаютъ высовываться на сходахъ, да старики не даютъ еще имъ ходу“. Они должны молчать. „Старики называютъ молодыхъ выскочками“ и „дѣлаютъ по своему“. Молодые „живутъ при от-

¹⁾ Рус. Вѣд. отъ 30 янв. 1894 г. Вошло въ перераб. видъ въ книгу г. Шестакова «Рабочіе на мануфактурѣ т-ва Эмиль Циндель въ Москвѣ».

²⁾ Экономическая оцѣнка Народнаго Образованія, стр. 140.

³⁾ Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. стр. 137 (перев. съ нѣм.).

⁴⁾ Сборн. Перм. Зем. 1901 г., стр. 19 (Народная школа и значеніе грамотности въ отзывахъ крестьянъ).

цахъ, которые держатся старины“. „еще не поспѣли, не доросли до дѣла“— „Благодаря недавнему существованію школы (съ 1895 г.), окончившіе курсъ еще молодые ребята, которые занимаются хозяйствомъ не самостоятельно“. „Разницы не замѣчается, такъ какъ хозяйство ведется еще стариками, а грамотные народъ еще молодой“.¹⁾

Наконецъ, замѣчается такая картина. *Благодаря условіямъ, мало-малышкіи благоприятнымъ для читателя изъ народа, народная мысль просыпается, бродитъ, усиленно ищетъ выхода изъ общественно-хозяйственныхъ затрудненій.* Взглянемъ съ этой точки зрѣнія на житье-бытье крестьянина. Молодежь читаетъ вслухъ газеты, всякаго рода книги: читаютъ и пишутъ письма къ роднымъ, дѣлаютъ учетъ податей и мірскихъ сборовъ, учатъ малолѣтнихъ. „Теперь ворожеи да колдуны попрежнему не прославляются, а всѣ спрятались, какъ лисицы въ норы, и не смѣютъ выглянуть на свѣтъ. И послѣдователи съ трудомъ отъ нихъ отстали, потому имъ стало стыдно, и газета ихъ преслѣдуетъ повсюду“. „Теперь многіе молодые парни смѣнили картежную игру на чтеніе газетъ, и она имъ очень полезительна“²⁾. Читатели изъ народа „разумнѣй проводятъ время отдыха, чище живутъ довѣрчиво относятся ко всякаго рода нововведеніямъ и, главное, благо-разумнѣй въ санитарномъ отношеніи“. „въ отношеніи съ домашними ласковѣй“—напр. въ отношеніи къ женщинѣ, положеніе которой въ крестьянской семьѣ, крайне незавидно³⁾. Итакъ, стоитъ завестись читателю въ семьѣ, чтобы первый случайно заброшенный номеръ газеты былъ прочитанъ вслухъ отъ строки до строки, чтобы въ ней началась какая то вну-трення работа.

Еще больше значеніе читателя изъ народа въ юридическомъ быту крестьянина. Русская деревня на разстояніи какихъ-нибудь 20—30 верстъ отъ желѣзной дороги еще недавно была такой же, какой она была, можетъ, сто лѣтъ тому назадъ. Вы точно въ темномъ, претемномъ тѣсу, гдѣ для васъ нѣтъ ни тропинки, ни выхода. Вся обстановка крестьянина съ его „правами и дѣлами“ является, по выраженію „великаго писателя земли русской“, полнымъ воплощеніемъ „власти тьмы“, воплощеніемъ деревенскихъ заправилъ, бороться съ которыми, большей частью, совершенно невозможно: лучшія мѣропріятія земства, вся культурная работа сочувствующей интеллигенціи разбивались объ ихъ открытое противо-дѣйствіе. Кому не извѣстны порядки нашихъ многолюдныхъ деревень, гдѣ скрещиваются разнородные интересы крестьянскихъ группъ?—Вотъ почему особенно интересны отзывы о томъ, какъ отразилась книга на деревенскомъ правопорядкѣ. „Грамотные крестьяне—говорятъ они—читаютъ имѣющіеся въ волостныхъ правленіяхъ законы, толкуютъ ихъ, по мѣрѣ возможности, неграмотнымъ“. „На сходахъ такіе люди относятся толковѣе къ дѣламъ, стараются сдержатъ крикъ и обсудить всесторонне подлежащее дѣло“. Вообще, сущность отзывовъ сводится къ тому, что тѣ, „которые развили себя чтеніемъ полезныхъ книгъ“, „знаютъ больше порядковъ“, „правильно объясняютъ сущность дѣла“. „Въ прежнее время—пишетъ пермскій крестьянинъ—на сходахъ были 3—4 человекъ горлана-воротилы, которые чего хотѣли, то и дѣлали, а нынѣ совсѣмъ уже не то. Вотъ уже лѣтъ восемь, какъ положенъ конецъ мірскимъ общественнымъ попойкамъ, и это благодаря грамотности“. Тамъ, гдѣ есть на сходѣ много

¹⁾ Сарат. Зем. Недѣля 1902 г.—№ 4 (Вліяніе грамотности въ крестьянской жизни по отзывамъ мѣстныхъ жителей).

²⁾ Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества 1899 г. № 1.

³⁾ Сарат. Зем. Нед. 1902 г.—№ 4 (Вліяніе грам. въ крест. жизни).

бывших школяровъ, сходы облагородились, вывелась старая привычка „каштанства“ и „попоекъ“. На сходахъ теперь меньше вина. Старики начинаютъ бояться молодыхъ, какъ болѣе трезвыхъ и практичныхъ. Лѣтъ черезъ десять старые парядки на сходахъ совсѣмъ отойдутъ въ вѣчность.“¹⁾ То же слышимъ мы отъ саратовскихъ крестьянъ. Современные начетчики „лучше усваиваютъ вычитанное, „знаютъ порядокъ“, „ведутъ себя примѣрно и зря не орутъ“. ²⁾ Вятскій крестьянинъ проситъ «книги законнаго порядка», «книгъ о законахъ вообще—это полезно для крестьянъ: грамотные могутъ написать и сами прошенія, чѣмъ аблокаторъ принимать». ³⁾

Но значеніе книги нигдѣ такъ не наглядно, какъ въ хозяйствѣ. Хорошими хозяевами оказываются тѣ, которые не ограничиваются школой, а „радѣтельно читаютъ“ газеты, журналы, популярную литературу. Огромное большинство крестьянъ, пользующихся изъ библіотекъ книгами сельскохозяйственнаго содержанія, по этимъ книгамъ и начинаетъ совершенствовать свое хозяйство. „Съ открытіемъ библіотеки въ селѣ Комиссаровкѣ и съ появленіемъ въ массѣ мѣстнаго населенія спроса на популярно-научныя книги—говорится въ отчетѣ Комиссаровской народной библіотеки (Екатеринославской губ.)—нѣкоторые крестьяне начали усердно заботиться о содержаніи рабочаго скота въ теплѣ и чистотѣ; другіе принялись за правильное удобреніе своихъ полей“. „Толковый грамотей,—сообщаетъ пермскій корреспондентъ,—любящій читать и уразумѣвать сельскохозяйственныя брошюры, лучше, умнѣе обходится съ своимъ сельскохозяйственнымъ инвентаремъ и прибыльнѣе и успѣшнѣе ведетъ свое хозяйство“. Читатели изъ народа „ведутъ свое хозяйство“—болѣе „толково“ и „умѣло“, „практичнѣе“, „осмысленнѣе“, „благопристойнѣе и чище, аккуратнѣе и опрятнѣе“. „болѣе податливы на нововведенія, скорѣе отстаютъ отъ рутины“. Какъ **оказывается**, такіе хозяева „хозяйство ведутъ по наукѣ земскихъ агрономовъ“¹⁾. Чрезвычайно любопытно, что то же самое—почти въ однихъ выраженіяхъ—мы слышимъ отъ саратовскихъ крестьянъ. „Молодое поколѣніе“ ведетъ хозяйство „осмысленнѣе“, „аккуратнѣе“, „практичнѣе“, „больше податливо на нововведенія“, здѣсь „ведутъ записи“, „при уходѣ за садами и огородами примѣняютъ отчасти вычитанныя изъ книгъ указанія“, „примѣняютъ земледѣльческія орудія новѣйшей конструкции, затѣмъ въ посѣвѣ, уборкѣ и другихъ полевыхъ работахъ употребляютъ также новѣйшіе способы, которые берутся ими изъ разныхъ книгъ по сельскому хозяйству“. „Я такъ думаю, —замѣчаетъ вятскій крестьянинъ,—что какъ полезенъ псалтирь для церкви, такъ же Вятская газета для образованія Вятской губ.“ „Часто дѣлаютъ выписки, чтобы примѣнить совѣты къ дѣлу и даже переписываютъ для себя цѣлыя статьи“. Дѣйствительно въ 390 отвѣтахъ указаны случаи примѣненія газеты на дѣлѣ.

Итакъ, и въ деревнѣ, и на фабрикѣ значеніе читателя изъ народа огромно. Вышеприведенныя данныя лишній разъ подчеркиваютъ, что задача не только въ томъ, чтобы дать грамотность народу, но дать и примѣненіе этой грамотности, не только въ томъ, чтобы дать подходящую книжку народу, но и дать ее по подходящей для него цѣнѣ. Настанетъ время, и сойдутъ со сцены старики, и ихъ мѣсто займетъ, „юный читатель“, воспитанный въ новыхъ, болѣе отвѣчающихъ чувству собственнаго

¹⁾ Сборн. Пем. Зем. 1901 г.— № 2 (Нар. школа и знач. грам.).

²⁾ Сарат. Зем. Нед. 1902 г.—№ 4 (Вліяніе грам. въ крест. жизни).

³⁾ Статист. ежегодникъ Вятской губ. за 1898 г.

достоинства понятіяхъ, который заведетъ новые порядки. Переходъ совершится медленно, но неизбѣжно, и вмѣстѣ съ тѣмъ рушится много дикихъ и темныхъ явленій, которыя душили его мысль, истощали его силы, убивали его энергію.

VII.

Есть наконецъ, кругъ читателей изъ народа, который пользуется не только литературой, для него предназначенной, но и вообще хорошей художественной и популярно-научной литературой, упраздняя, такимъ образомъ, самое понятіе объ этомъ раздѣленіи. Это—*интеллигенція изъ народа*, среди которой можно видѣть и перечни „нужныхъ“ книгъ,—рукописныя сочиненныя домашнимъ образомъ „программы“,—и настоящія „программы домашнего чтенія“. Въ газетахъ мы находимъ не одно сообщеніе о „домашнихъ бібліотекахъ въ складчину“, купленныхъ по такимъ программамъ. Книги, принадлежащія различнымъ лицамъ, помѣщаются въ общій каталогъ: изобрѣтаются самые хитрые разнообразныя способы, чтобы ускорить обращеніе ихъ въ толпѣ. И если это явленіе наиболѣе характерно для фабричныхъ мѣстъ, то и деревня не чужда этому движенію.

Явленіе это—знаменіе времени.

Исчезаетъ пропасть, издавна лежащая между людьми мысли и труда: люди труда сами начинаютъ мыслить. Труженикъ стараго времени не жилъ, а прозябалъ. Труженикъ новаго времени не можетъ не думать, не чувствовать хотя бы въ силу тѣхъ острыхъ, болѣе сложныхъ, болѣе измѣняющихъ вліяній, среди которыхъ приходится отстаивать свое существованіе. Мы проснулись.. И если націи переходятъ на высшія ступени только тамъ, гдѣ теченіе обстоятельствъ благопріятствуетъ этому, то къ счастью для насъ, мы не застыли въ обветшалыхъ формахъ, мы стали европейцами, которымъ ничто европейское не чуждо. Россія проснулась, бросила широкія полосы свѣта, и самая яркая изъ этихъ полосъ есть читатель изъ народа...

Л. Клейнбортъ.

Библіографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.

Домашнія бібліотеки. Опытъ составленія системат. указателя книгъ для самообразованія. А. В. Поповъ, Ц. 30 к.—„Что и какъ читать“ — вотъ вопросъ, который, по мнѣнію автора брошюры, никоимъ образомъ нельзя отдѣлять отъ другого, тѣсно съ нимъ связаннаго: „изъ чего составлять и чѣмъ пополнять наши домашнія бібліотеки“. И всякій разъ, когда дѣлали попытки отвѣчать на первый вопросъ, игнорируя второй практическіе результаты получились довольно слабые. Припомните, напримѣръ, судьбу каталоговъ „челябинскаго“ и „одеесскаго“: несмотря на то, что они составлены были весьма полно, только, по строго выдержанной системѣ, большой пользы почти никому они не принесли; объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ названныхъ каталогахъ была указана масса статей изъ журналовъ, ставшихъ библіографическою рѣдкостью даже для столичныхъ читателей; о пріобрѣтеніи же ихъ для домашнихъ провинціальныхъ бібліотекъ, конечно, не могло быть и рѣчи. „Книга о книгахъ“, изданная въ 1892 г., подъ редакціей академика И. И. Янжула, давно вышла изъ продажи и кромѣ того, значительно устарѣла, не говоря уже о томъ, что въ ней указано много книгъ рѣдкихъ и

изданных на иностранных языках. Что касается „Программы домашнего чтения“, изданных московской „комиссией по организации домашнего чтения“, то они преследуют свои специальные задачи — дать читателям *факультетское* образование (по типу университетских факультетов), а не энциклопедическое самообразование.

Кроме того, все упомянутые и другие каталоги имеют в виду весьма узкий круг читателей, — если можно так выразиться, аристократию интеллигенции, забывают многомиллионную массу, которая за последнее время неудержимо рвется к свету...”

Разсматриваемая нами брошюра имеет целью восполнить этот важный пробел и стремится перекинуть мост через ров, отделяющий, в области умственного развития и просвещения народ от интеллигенции. — брошюра имеет целью дать указания для выбора книжек, доступных пониманию трудящихся масс и в тоже время расширяющих их кругозор до предельных, доступных образованным людям. Наконец, автор задается целью дать список книг для домашних библиотек от 1 р. до 200 в порядке постепенного концентрического их приобретения.

Задача, поставленная себе автором, в высшей степени симпатична, и его труд, несомненно может принести пользу тем, кто нуждается в известном руководстве при выборе материала для чтения.

Последний приведен в известную систему, причем сначала поставлены сочинения, могущие приохотить к чтению заинтересовав своим содержанием и красотой изложения. Во вторую очередь поставлены книжки уже подобранные в систему. При этом автор различает, для кого они предназначаются — крестьянина, фабричного рабочего ремесленника и т. п. Сообразно с этим он предлагает сочинения знакомящие с бытом той или иной среды и в оправдание такого рода системы, против которой является возражение, что ведь крестьянин знаком с крестьянской жизнью лучше, чем пишущие о ней, — автор заявляет, что крестьянин „знает свою жизнь не умом, а нутром, — он, так сказать, ежедневно чувствует на себе тяжесть своего незавидного существования“... Нельзя сказать, чтобы это было очень убедительно, и всяком случае, далеко не бесспорно...

За книжками для легкого чтения следуют популярно-научные сочинения, список которых страдает, с одной стороны, некоторою полнотою, с другой, указываются книжки, не всегда безупречные с точки зрения верности сообщаемых сведений; в общем, однако, указания могут быть полезны.

Во второй части брошюры говорится о книгах для интеллигенции, и тут, к сожалению, сказывается влияние некоторых местных условий (книжка издана в Н.-Новгородѣ), проявляющееся в склонности к обобщениям на основании местных наблюдений и пожалуй, личных знакомств.

Здесь нас не совсем приятно поражает тон автора, который не говорит о достоинствах или недостатках перечисляемых книг, а ставит основой критерия ходкость той или иной книги. Это книгопродавецское отношение тем более нежелательно, что в основе его лежит не совсем точная статистика, находящаяся под влиянием, ничего общего не имеющим с действительным спросом на книги. Повидимому, наблюдения основаны на условиях местного рынка, который находится в руках узкого кружка книгопродавцев, и что последние дадут читателю, то и ладно. Почему, например, в числе беллетристических

произведеній, пользующихся „наибольшимъ спросомъ“, не упомянуто имя Вас. Немировича-Данченко, какъ извѣстно, очень читаемаго? А, между тѣмъ, упоминаются далеко не пользующіеся извѣстностью автора. Въ списокъ популярно-научныхъ книгъ также замѣчается нѣкоторая случайность и имѣются пропуски книгъ безусловно заслуживающихъ вниманія. Кромѣ того въ числѣ издателей часто указываются такіе, которые далеко не отличаются безупречностью съ точки зрѣнія добросовѣстности, и здѣсь также сказываются несомнѣнное мѣстное, такъ сказать, районное вліяніе и извѣстныя отношенія. Но въ общемъ, повторяемъ, брошюра можетъ принести нѣкоторую пользу.

Вебе.

„Научно-популярная бібліотека. Составилъ В. П. Лункевичъ.— Изданіе Ф. Павленкова. № 1. Земля. Стр. 32. Цѣна 8 коп.— № 2. Небо и звезды. Стр. 32. Цѣна 8 коп.— № 3. Громъ и молнія. Стр. 48. Цѣна 12 коп.— № 6. Зеленое царство. Бесѣды о томъ, какъ живетъ растеніе. Стр. 61. Цѣна 16 к.— № 7. Вичи земли и чудеса природы. Стр. 60. Цѣна 16 к.— № 8. Землетрясенія и отедыающія юры. 2-ое изданіе. Стр. 60 Цѣна 16 коп.— № 9. Два великихъ царства природы. Стр. 96. Цѣна 25 коп.— № 10. Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ. Стр. 80. Цѣна 20 коп.— № 12. Жилища и постройки животныхъ. Стр. 60. Цѣна 16 коп.— № 13. Семейная жизнь животныхъ. Стр. 54. Цѣна 15 коп.— № 14. Общественная жизнь животныхъ. Стр. 48. Цѣна 12 коп.— № 15. Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. Жизнь муравьевъ. Стр. 52. Цѣна 15 к.— № 16. Обезьяны. 2-ое изданіе. Стр. 56. Цѣна 15 к.— № 17. Пчелы, осы и термиты. Стр. 68. Цѣна 18 коп.— № 18. Вода. Стр. 111. Цѣна 28 коп.— № 19. Подводное царство. Стр. 80 Цѣна 20 коп.— № 20. Воздухъ. Стр. 56. Цѣна 15 коп.— № 21. Степь и пустыня. Стр. 71. Цѣна 18 коп.— № 22. Тайга и тундра. Стр. 52. Цѣна 14 коп.— № 23. Среди снѣговъ и въчанаю льда. Стр. 95. Цѣна 24 коп.— № 24. Четвероногіе и пернатые хищники. Стр. 68. Цѣна 18 коп.— № 25. Четвероногіе слуги человека. Стр. 88. Цѣна 23 к.— № 26. Враги и друзья человека. Стр. 112. Цѣна 28 к.— № 27. Животныя - кровопійцы и дармовды. Стр. 56. Цѣна 15 коп.— № 28. Растенія дармовды и растенія хищники. Стр. 52. Цѣна 15 коп.— № 29. Откуда взяли наши домашнія животныя и растенія. Стр. 54. Цѣна 15 коп.

Потребность народа въ книгѣ слишкомъ очевидна. А между тѣмъ приходится отмѣтить поразительное безкнижіе, въ которомъ эта потребность существуетъ. Сравнительно съ этой скудостью культурный читатель представляется настоящимъ богачемъ. Только въ послѣдніе 10—13 лѣтъ торговля дешевой или, какъ ее принято называть, народной литературой стала на ноги. Выросли новые издатели, выросли новыя книги. Покупаетъ ихъ крестьянинъ, покупаетъ рабочій. Плохо ли, хорошо ли составлены эти изданія, многія тысячи черпаютъ изъ нихъ объясненіе великихъ и малыхъ явленій окружающей жизни.

„Научно-популярная бібліотека для народа“ Ф. Ф. Павленкова состоитъ изъ 40 книжекъ, но только 23 изъ нихъ, выше названныя, допущены въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народные читальни и бібліотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній. И то №№ 2, 6, 7, 10, 13, 14, 19 и 25 — условно, именно, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ, ихъ, изданіи были приняты къ руководству замѣчанія ученаго комитета ¹⁾. „Библіотека“ появилась не такъ давно, но спросъ на нее можно считать вполне опредѣленнымъ, особенно теперь, послѣ опредѣленія ученаго комитета.

¹⁾ См. Журналъ Минист. Нар. Просв. 1902—№ 2.

Дѣйствительно, нельзя не признать трудъ г. Лункевича почтеннымъ вкладомъ въ народную литературу. Цѣль изданія—дать ясное понятіе о природѣ, изложенное въ доступной формѣ, которое помогло бы малообразованному человѣку разобратъся въ тѣхъ явленіяхъ, передъ которыми онъ не разъ уже становился втупикъ. Книжки говорятъ о явленіяхъ органическихъ и неорганическихъ, о явленіяхъ индивидуальных и общественныхъ. Читатель изъ народа знакомится съ „правдой о землѣ“, которая была когда то огненно-жидкимъ шаромъ и лишь, охладившись, покрылась твердой корою („Земля“), о солнцѣ, которое также померкнетъ когда-нибудь и станетъ „чернымъ шаромъ-великаномъ“, покрытымъ твердою корою („Небо и звѣзды“). Онъ узнаетъ, что солнце, нагревая воду, оставляетъ пары въ воздухѣ, которые, заряжаясь электричествомъ и даютъ электрическія искры, т. е. молніи, приводя воздухъ въ бурное сотрясеніе („Громъ и молнія“), что вода обращается въ паръ, тащитъ тысячи вагоновъ по желѣзнымъ рельсамъ, двигаетъ тысячи машинъ на фабрикахъ, тысячи колесъ громадныхъ пароходовъ, вода, которая, вообще, нужна для жизни, какъ свѣтъ, какъ тепло, какъ пища („Вода“), наконецъ, какъ воздухъ, которымъ все живущее непремѣнно дышетъ. Гдѣ нѣтъ дыханія, тамъ нѣтъ и жизни, и даже горныя породы подлежатъ его власти, разрыхляются, осыпаются отъ его дѣйствія („Воздухъ“). Все это темы, совершенно незатронутыя въ нашей литературѣ. Книжки не только даютъ понятіе о своихъ предметахъ, но и дополняютъ другъ друга. Читатель просится въ слѣдующую область поневолѣ.

„Зеленое царство“, или бесѣды о томъ, какъ сѣмя, попавшее въ почву, прорастаетъ и даетъ молодое растеніе, которое покрывается листьями и пускаетъ въ землю множество корешковъ съ мельчайшими волосками, о томъ, какъ это растеніе живетъ и сколько пользы приносить и человѣку, служить какъ бы введеніемъ въ эту область.—Каждая полоса имѣетъ свой міръ животныхъ и свой міръ растеній; обитатели холодныхъ странъ совсѣмъ не похожи на обитателей странъ жаркихъ, а въ умѣренныхъ странахъ много такихъ животныхъ и растеній, которыхъ нѣтъ ни въ жаркомъ, ни въ холодномъ поясѣ („Два великихъ царства природы“). И, вотъ, передъ читателемъ проходятъ „растенія-дармоѣды“, берущія пищу не изъ почвы, не изъ воздуха, „а изъ тѣла своихъ же собратьевъ“, и „растенія-хищники“, насѣкомоядные, которыя привлекаютъ, ловятъ и перевариваютъ насѣкомыхъ („Растенія-дармоѣды и растенія-хищники“), животныя-кровопійцы, и „животныя-дармоѣды“, которыя тоже живутъ на чужой счетъ и не только живутъ на чужой счетъ, но тянутъ соки, отнимаютъ силы у тѣхъ организмовъ, кототые ихъ питаютъ („Животныя-кровопійцы и дармоѣды“); проходятъ „друзья человѣка“—домашнія животныя и воздѣланныя растенія, напр. собаки, лошади, коровы—различныя породы „четвероногихъ слугъ человѣка“—пшеница, капуста, которыя надѣлены свойствами, полезными для человѣка не случайно, а потому что о нихъ позаботился самъ человѣкъ („Невидимые друзья и враги людей“, „Четвероногіе слуги человѣка“. „Враги и друзья человѣка“), далѣе, обезьяны, отличающіяся другъ отъ друга умомъ и характеромъ настолько же, насколько отличаются и люди, среди которыхъ вы наталкиваетесь и на такихъ, что по своей добротѣ и сердечности едва ли уступаютъ многимъ людямъ („Обезьяны“), наконецъ, пчелы со своими общежитіями, ихъ близкіе родственники осы, термиты, муравьи, что ростомъ съ ноготокъ, а ума палата („Пчелы, осы термиты“, „Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата“) и др. Свѣдѣнія эти въ глазахъ читателя изъ народа пріобрѣтають особую цѣнность въ связи со свѣдѣніями о жилищахъ и постройкахъ животныхъ

и ихъ общественной жизни. Семейная жизнь существуетъ не только у людей, но и у различныхъ животныхъ. „Сколько сообразительности, любви и взаимнаго уваженія обнаруживаютъ при этомъ многія изъ тѣхъ животныхъ, которыхъ мы, въ невѣдѣніи своемъ, называемъ безсмысленными тварями!“ („Семейная жизнь животныхъ“). Мало того. И животные живутъ обществами, которыя служатъ имъ школой, гдѣ они не только, „поучаются другъ у друга уму-разуму“, но и привыкаютъ „цѣнить и любить другъ друга“...

Такимъ образомъ, всѣ книжки г. Лункевича составляютъ единое цѣлое—не только по замыслу, но и по идеѣ, проникающей ихъ. Единство всего совершающагося, начиная съ „капли воды“ и кончая „чудесами общежитія“ — вотъ эта идея. Просматривая эти книжки, часто забываешь, что передъ тобой... „литература для народа“, а это лучшая похвала популяризатору. Однако, какъ хорошо написаны „Тайга и тундра“, „Степь и пустыня“, „Жилища и постройки животныхъ“, „Общественная жизнь животныхъ“, такъ неудачны напр. „Громъ и молнія“, „Небо и звѣзды“. Авторъ страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: несмотря на образность, языкъ, которымъ написаны брошюры, иногда поражаетъ неестественностью и сухостью. Вотъ, почему деревенская публика не любитъ ихъ. „Дѣти и подростки читаютъ ихъ великолѣпно; фабричные рабочіе тоже берутъ и читаютъ ихъ очень охотно; намъ извѣстны случаи, что фабричные даже зачитывались книжками Лункевича, но при этомъ нужно сказать, что эти читатели были уже болѣе или менѣе привычны къ чтенію научно-популярныхъ книгъ вообще. По нашимъ наблюденіямъ, книжки г. Лункевича совершенно недоступны широкому кругу читателей деревенскихъ. Объясняется это, именно, тѣмъ, что этихъ то писателей г. Лункевичъ совершенно и не знаетъ, то есть его книжки въ сущности не могутъ быть названы книжками для народа въ широкомъ смыслѣ слова“ ¹⁾.

Бумага изданія очень не дурна, рисунки задуманы удачно, и цѣны невысоки. Такимъ образомъ, „библіотека“, дѣйствительно, доступна самой широкой публикѣ, и остается только пожелать, чтобы и остальные книжки были допущены министерствомъ народнаго пресвѣщенія.

Л. К.

¹⁾ Русская Мысль, 1902 г.—№ 9, стр. 319.

БИБЛИОГРАФІЯ *).

Фаустъ. Трагедія І. В. Гёте, въ стихотворномъ переводѣ Э. И. Губера. Спб. 1902. Изд. книгоиздательства *Германнъ Гоппе*. Безсмертная трагедія Гете въ превосходномъ переводѣ Губера является прекраснымъ подаркомъ для публики. Несмотря на то, что переводъ сдѣланъ — трудно повѣрить — около 65 лѣтъ тому назадъ, онъ читается до сихъ поръ съ удовольствіемъ: такъ литературенъ языкъ, такъ мало въ немъ устарѣлыхъ выраженій, такъ полнонъ онъ образности. Губеръ былъ истиннымъ поэтомъ и проникся великимъ произведеніемъ. На трудъ свой онъ смотрѣлъ по обычаюмъ добраго стараго времени, какъ на подвигъ, къ которому надо подходить съ чистой душой, съ молитвой. Недаромъ въ заключительномъ словѣ предисловія къ переводу Губеръ говоритъ: „Трудъ мой передъ судомъ публики; ожидаю приговора ея, безъ самонадѣянности, но и безъ боязни“. Онъ добавляетъ, что будетъ доволенъ тѣмъ, если трудъ его послужитъ поводомъ къ новому лучшему переводу и первый встрѣтитъ этотъ переводъ громкими, заслуженными похвалами... Мы знаемъ, однако, что такого перевода послѣ Губеровскаго не явилось: всѣ тѣ, которые сдѣлались извѣстными, если не хуже, то, во всякомъ случаѣ, не лучше...

Чтобъ дать понятіе о достоинствѣ перевода, возьмемъ наудачу первыя строчки „Посвященія“:

Со мной опять воздушный рой видѣній!
Ихъ образы я снова познаю!

*) Въ настоящемъ № отзывъ дается только о книгахъ, своевременно присланныхъ въ редакцію.

Но удержи-ль таинственныя тѣни.
 Приму-ли вновь ихъ на душу мою?
 Вотъ ближе онъ, мой давній, милый геній!
 Отъ грустныхъ думъ я снова встаю;
 Какъ прежде, грудь живымъ огнемъ согрѣта
 Отъ дивнаго волшебнаго привѣта!

«Фаустъ» — Сцена съ ученикомъ.

Не менѣе, чѣмъ эти и подобныя имъ поэтическія мѣста, удачны и насмѣшливыя разсужденія Мефистофеля.

Изданъ Фаустъ въ Губеровскомъ переводѣ очень изящно, со множествомъ прекрасныхъ рисунковъ, изъ которыхъ у насъ приведены четыре, изображающіе: Фауста и Маргариту, Фауста и Мефистофеля, сцену съ ученикомъ и Маргариту, молящуюся о спасеніи своей души.

Д. Г.

Lettres inedites du roi Stanislas à Marie Leszczynska publiées par Pierre Boyé

Въ Парижѣ опубликованы неизданныя письма короля Станислава Лещинскаго къ дочери Маріѣ, женѣ короля французскаго, Людовика XV. Издатель Боае, извѣстенъ, какъ основательный знатокъ данной эпохи и, между прочимъ, какъ авторъ книги: „Stanislas Leszczynski et le traité de Vienne“. На основаніи публикуемыхъ писемъ, онъ лишаетъ Лещинскаго того ореола, которымъ тотъ былъ окруженъ въ теченіе слишкомъ полутора столѣтій, какъ король философъ, другъ Вольтера, умъ глубокой и всесторонней. Если вѣрить преданію—пишетъ г. Боуэ—то авторъ писемъ былъ человѣкомъ, которому Титъ, Маркъ Аврелій, Фридрихъ Великій—покою по ночамъ не давали. Онъ былъ механикъ и остроумный изобрѣтатель, живописецъ и виртуозъ, агрономъ и архитекторъ, поэтъ и философъ. Увы! должно сознаться въ ошибкѣ. Исторія литературнаго творчества Станислава уже не составляетъ тайны. Изъ сочиненій, изданныхъ подъ его именемъ, нѣсколько было совершенно ему чуждыхъ. Нѣкоторыя же страницы, съ усиленіемъ данныя имъ, представляютъ собою лишь пустомеліе или безформенные наброски. Имѣемъ черновики, которые выдаютъ тайну автора, надъ которыми секретарь королевскій Со-

«Фаустъ»,—Фаустъ и Маргарита.

линьякъ, патеръ де Менова, книгоиздатель Маренъ и самъ Вольтеръ, желая отблагодарить за Люневильское гостепріимство, поочередно работали, дабы прикрыть аляповатую канву заманчивымъ кружевомъ

«Фаустъ».—Фаустъ и Мефистофель.

фразъ, сгладить стилистическіе недочеты автора и окружить его шумихой рекламы. Но, несмотря на всѣ эти усилія, литературныя сочиненія Станислава все таки остаются претенціозны и неудобоваримы.

Г. Боае правъ только отчасти. Съ точки зрѣнія современной критики и требованій, предъявляемыхъ ею, не только писательскіе опыты короля—диллетанта, но и множество трудовъ, пользующихся громкою извѣстностью авторовъ тогдашней эпохи окажутся „претенціозны и неудобоваримы“. Дружба короля съ Вальтеромъ, и вообще тяготѣніе къ общенію съ выдающимися умами тогдашней эпохи, его разносторонняя

«Фауст». — Кающаяся Маргарита.

дѣятельность свидѣтельствуютъ о пытливомъ и недожинномъ умѣ Лещинскаго, независимо отъ той или иной степени его писательскихъ способностей. Его письма къ дочери, дѣйствительно, не поднимаются выше уровня обыденныхъ вопросовъ и интересовъ, не касаются ни философіи, ни литературы, но здѣсь авторъ-отецъ очевидно подлаживается подъ умственный уровень своей дочери. Въ нихъ проявляется зато много чувствъ. Эти отецъ и дочь, изъ обыкновенной „шляхетской“ семьи поднятые на высоту царскихъ престоловъ и мечтающіе лишь о томъ, какъ бы свидѣться и отдохнуть въ какомъ-либо тихомъ уголкѣ, вдали отъ суеты придворной, шлющіе другъ другу признанія самой нѣжной привязанности,—производятъ въ всякомъ случаѣ трогательное впечатлѣніе. По силѣ чувствъ письма Станислава очень напоминаютъ письма короля Яна Собѣскаго къ своей Марисенкѣ, время его знаменитаго похода на турокъ. Здѣсь проявляется прежде всего не король, не философъ, но патріархальнаго покроя польскій шляхтичъ, тяготящійся, среди тревожныхъ жизни, къ безмятежному и свѣтлому семейному очагу.

К.

Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. *З. А. Рагозиной*. Съ 113 рис. и 2 картами. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 2 р. 50 к.—Авторъ этого капитальнаго произведенія большую часть жизни посвятившая изученію древнѣйшей исторіи Востока, задумалъ выпустить рядъ сочиненій, древнемъ мірѣ, дающихъ полное представленіе о политической исторіи, религіи и культурѣ древняго Востока. Такимъ образомъ, настоящій трудъ, представляющій вполне законченное цѣлое, является вмѣстѣ съ тѣмъ первою частью цѣлой серіи „исторій“. Нельзя не приветствовать это великолѣпное изданіе, которое восполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ. До сихъ поръ у насъ по поводу вопроса имѣлась лишь одна популярно-написанная книга—это «На Рубежѣ столѣтій», обзоръ главн. научн. и культур. пріобрѣтеній XIX в., въ первомъ томѣ которой, посвященномъ обзору успѣховъ геологіи, палеонтологіи и археологіи, говорится и объ открытіяхъ, проливающихъ свѣтъ на исторію древней Халдеи. Но авторъ этого обширнаго труда—В. В. Битнеръ—не специалистъ въ области археологіи, къ тому же и не преслѣдуетъ цѣли дать исторію древняго міра,—вотъ почему появленіе сочиненія г-жи Рагозиной является въ высшей степени своевременнымъ. Но цѣнность его еще болѣе возвышается тѣмъ обстоятельствомъ, что это трудъ оригинальный,—до сихъ поръ намъ приходилось довольствоваться переводами (напр. Масперо) или плохими компиляціями.

Мы, конечно, не намѣрены говорить о содержаніи труда г-жи Рагозиной, такъ какъ это нельзя сказать въ нѣсколькихъ строчкахъ; но, отмѣчая появленіе этого капитальнаго произведенія, нельзя не указать, на то что ознакомленіе, и при томъ очень основательное, съ археологіей данной области Азіи даетъ правильное понятіе о происхожденіи, не только библейскихъ мѣтовъ, но и многихъ нашихъ обычаевъ, общественныхъ учрежденій, культурныхъ особенностей, подчасъ признаваемыхъ совершенно самобытными,—словомъ, исторія Халдеи расширяетъ нашъ умственный горизонтъ и разрушаетъ массу предразсудковъ; что же касается значенія представленныхъ въ книгѣ археологическихъ изслѣдованій для науки, то объ этомъ нечего и говорить,—вся наша исторія до недавняго времени питавшаяся греческими и еврейскими источниками, оказалась не только требующею дополненій, но въ значительной степени пришлось признать ее совсѣмъ фантастическою...

Изданіе съ внѣшней стороны не оставляетъ желать лучшаго; бумага прекрасная и рисунки очень отчетливы, о чемъ свидѣлствуютъ прилагаемые образцы. Цѣна умѣренная.

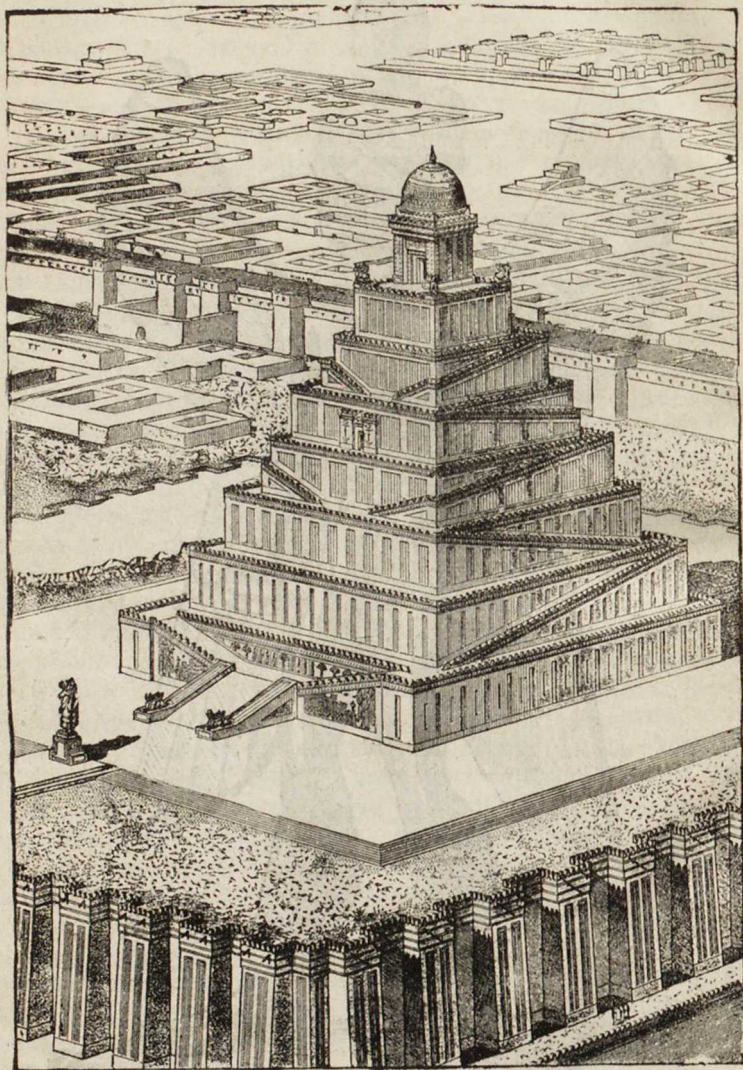
Серія сочиненій по всемірній географіі. Проф. В. Сиверса.
Африка. Проф. Ф. Гана. Полный переводъ съ совершенно переработан-
 наго 2-го изд. Д. А. Корончевскаго. 200 худож. иллюстр. въ текстѣ, 11 карт. въ
 краскахъ и 21 хромолитографіи, геліографіи и черн. картины, 15 выпу-
 сковъ по 50 к. (вышли вып. 1—10).—Подобно всѣмъ, вообще, изданіямъ

«Исторія Халдеи». — Бѣсъ юго-западнаго вѣтра (см. стр. 199).

Т-ва «Просвѣщеніе», «Африка» съ внѣшней стороны издана великолѣпно. За достоинство перевода ручается имя Д. А. Корончевскаго, поэтому намъ приходится сказать лишь нѣсколько словъ о самомъ сочиненіи, вышедшемъ въ оригиналѣ въ двухъ изданіяхъ. Уже одно это, въ особенности, имѣя въ виду богатство нѣмецкой географической литературы, говоритъ, что книга должна имѣть значительныя достоинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ

катастрофа, происшедшая съ двумя южно-африканскими республиками павшими въ борьбѣ съ могущественною Англіею, и событія, связанныя съ европейскою колонизаціею «Чернаго материка», привлекаютъ въ настоящее время вниманіе всего образованнаго міра къ этой части свѣта. Теперь мы уже не можемъ довольствоваться прежними устарѣлыми свѣ-

«Исторія Халдеи».—Зиккурать въ семь этажей (см. стр. 61).

дѣніями объ Африкѣ, которая готовится стать ареною борьбы между великими державами, желающими найти въ ней рынокъ для сбыта своей промышленности и пользоваться почти еще нетронутыми ея естественными произведеніями.

Авторъ знакомитъ насъ сначала съ исторіею изслѣдованія Африки, начиная съ древнѣйшихъ временъ вплоть до послѣднихъ изслѣдованій

европейскихъ путешественниковъ. Затѣмъ идетъ общій обзоръ материка, дается понятіе объ его очертаніи, величинѣ, формѣ поверхности и т. п. описываются климатическія условія, геологическое строеніе въ связи съ происхожденіемъ этой части свѣта, изображается животный и растительный міръ, условія жизни и быта населенія, его племенной составъ и т. д. При этомъ авторъ не ограничивается описаніями, а даетъ детальное понятіе объ условіяхъ каждой изъ областей этого громаднаго материка. Очень интересны здѣсь описанія социально-политическаго устройства туземныхъ народовъ и государствъ и ихъ отношеніе къ пришельцамъ изъ Европы и Азіи. Но самый крупный интересъ, въ особенности сказав-

«Африка». — Биржевая площадь въ Йоганнесбургѣ въ Трансваалѣ.
(По фотографіи).

шійся благодаря южно-африканской войнѣ, представляетъ всестороннее описаніе арены героической борьбы буровъ съ англичанами. Все это, конечно, основано на самыхъ послѣднихъ статистическихъ и иныхъ данныхъ, позволяющихъ составить довольно близкое понятіе о жизненныхъ условіяхъ Африки и даже ея культурномъ будущемъ. Масса иллюстрацій, изъ которыхъ многія сдѣланы по новѣйшимъ фотографіямъ, способствуютъ, большей пластичности образа, даваемого этимъ сочиненіемъ. Очень интересны также снимки съ гравюръ изъ старинныхъ сочиненій объ Африкѣ. Вообще этотъ капитальный трудъ можно смѣло рекомендовать всякому, желающему получить основательныя свѣдѣнія о „черномъ материкѣ“. Единственный недостатокъ книги — ея дороговизна, хотя, при богатствѣ иллюстрацій, хорошей бумагѣ и печати, слѣдуетъ признать цѣну относительно умѣренной.

Прилагаемый рисунокъ является, замѣтимъ, не совсѣмъ удачнымъ образцомъ иллюстрацій, даваемыхъ въ книгѣ.

П. Г. Ганзенъ. Опытъ оздоровленія деревни. Со вступительной статьей *Р. И. Сементковскаго*. Изданіе *А. Ф. Маркса*.—Въ 1899 году П. Г. Ганзенъ принималъ дѣятельное участіе въ оказаніи помощи населенію Вятской, Казанской и Симбирской губерній, пострадавшихъ отъ неурожая. Задача, которою предстояло разрѣшить ему и его товарищамъ, заключалась въ устройствѣ пріютовъ—яслей и въ изысканіи источниковъ заработка для крестьянъ, такъ какъ даровая помощь, что вполне понятно, признана была нежелательной. Свои впечатленія г. Ганзенъ изложилъ въ рядѣ живо и интересно написанныхъ очерковъ, печатавшихся въ „Русской Мысли“. Теперь они вышли отдѣльной книгой, и этому нельзя не порадоваться. Собранныя воедино статьи его рисуютъ читателю яркую бытовую картину, выясняютъ, въ чемъ кроется главный недугъ нашей деревни и указываютъ, въ какомъ направленіи надо дѣйствовать для его исцѣленія.

Что нашъ народъ грубъ, бѣденъ, невѣжественъ — это извѣстно всѣмъ; изъ интеллигенціи многіе стремятся оказать ему посильную помощь, но немногіе умѣютъ взяться за это дѣло и послѣ неудачной попытки обыкновенно складываютъ руки въ сознаніи своего безсилія и оправдываютъ себя тѣмъ, что такую огромную задачу можно выполнить лишь путемъ широкихъ государственныхъ мѣропріятій.

Цѣлый рядъ эпизодовъ и сценъ, нарисованныхъ г. Ганзеномъ убедительно показываетъ, что такой пессимизмъ совершенно неоснователенъ, что энергія отдѣльнаго лица можетъ принести громадную пользу. Г. Сементковскій во вступительной статьѣ дѣлаетъ совершенно правильный выводъ изъ книги г. Ганзена. У насъ слишкомъ слабо примѣняютъ интеллигентныя силы въ сферѣ практической, въ сферѣ непосредственной борьбы съ предрассудками и невѣжествомъ въ самыхъ элементарныхъ вопросахъ народнаго благосостоянія. Не надо задаваться чрезмерно широкими задачами; помощь свою надо ставить на практическую почву, и тогда, интеллигенція не только не встрѣтитъ препятствій въ своей дѣятельности, но напротивъ, найдетъ себѣ помощниковъ повсюду — и въ городахъ, и въ деревнѣ, и среди администрации. Отъ книги Ганзена вѣетъ бодрымъ оптимизмомъ—струя котораго въ русскомъ обществѣ такъ замѣтно изсякла.

С. Д.

П. Н. Бокинъ. Подвижныя игры. Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. Изданіе *А. Ф. Маркса*.—Важность физическаго развитія дѣтей все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе нашего отечества. За послѣднее время и средняя школа стала обращать на этотъ вопросъ особое вниманіе, а врачи, изучивъ внимательно вопросъ о дѣтской гимнастикѣ, пришли къ заключенію, что для дѣтей молодаго возраста упражненія на приборахъ и машинахъ не желательны и скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Пока идетъ быстрый гармоническій ростъ тѣла, опасно усиленно развить тѣ или другіе органы, такъ какъ подобное одностороннее развитіе всегда сопровождается ослабленіемъ мало упражняемыхъ частей тѣла. Въ виду этого для младшаго возраста лучшей гимнастикой признаны подвижныя игры. — Само собой разумѣется, что и игры не всѣ доступны любому возрасту, и ихъ слѣдуетъ назначать съ разборомъ. Книга г. Бокина въ этомъ отношеніи составлена очень хорошо. У него всѣ игры раздѣлены на три главныхъ отдѣла: 1) игра безъ орудій, 2) игра съ шарами и деревяшками и 3) игры съ мячемъ.

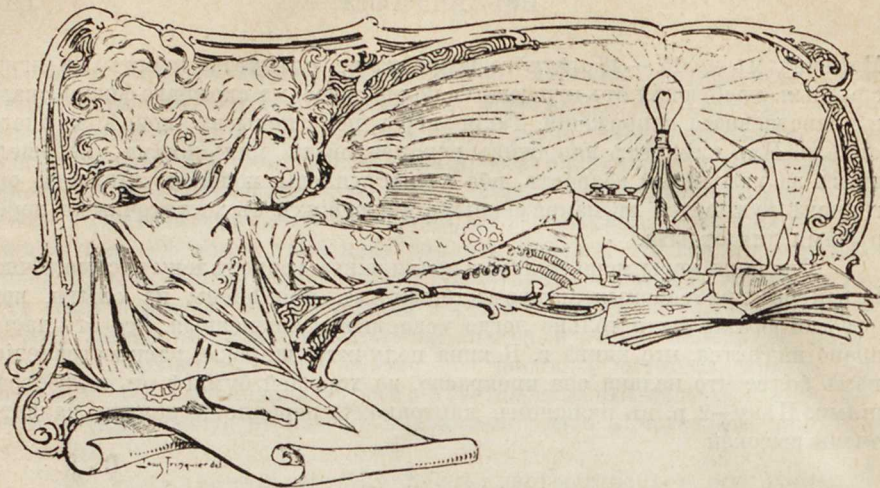
Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ игры расположены въ послѣдовательномъ порядкѣ, соотвѣтственно ихъ сложности, и утомительности.

Мальчикамъ до 15 — 16 лѣтняго возраста не слѣдуетъ играть въ игры сложныя, требующія отъ играющихъ подчасъ весьма сложнаго физическаго и нравственнаго напряженія. Такія игры помѣщены въ концѣ каждаго отдѣла. Ихъ слѣдуетъ напротивъ рекомендовать мальчикамъ, перешедшимъ за указанный возрастъ, ибо по наступленіи половой зрѣлости организмъ нуждается въ напряженныхъ движеніяхъ, съ достаточными перерывами для отдыха.

Описаны игры ясно, толково; правила игры опредѣлены весьма точно. Всѣ игры, приведенныя авторомъ, были имъ провѣрены на опытѣ, при чемъ отобраны были только легко усваиваемыя и жизненныя. Все это даетъ право надѣяться, что книга г. Бокина получитъ широкое распространеніе, тѣмъ болѣе что издана она прекрасно, на хорошей бумагѣ, съ иллюстраціями. Цѣну—2 р. въ изящномъ картонномъ переплетѣ нельзя назвать очень высокою.

С. Д.

Научная хреника.

Астрономія, метеорологія, физика.

Вращается ли земля?— Знаменитый французскій астрономъ Камилль Фламмаріонъ написалъ недавно живую, полную интереса статью «О маятникѣ Фуко.» По поводу этой статьи на страницахъ «Illustration» было помѣщено письмо одного политехника подѣ заглавіемъ: «Служить ли доказательствомъ чего-либо маятникъ Фуко?» Тамъ же былъ помѣщенъ и отвѣтъ Кам. Фламмаріона на это письмо.

Авторъ письма не согласенъ съ тѣмъ, что основы науки непоколебимы. Геометрія, напримѣръ, считающаяся наукой точной, врядъ ли по мнѣнію автора, имѣетъ на то право, такъ какъ основывается на постулатѣ Евклида, доказать который, и согласно которому черезъ данную точку можно провести только одну линію, параллельную данной.

Механика цѣликомъ основывается на положеніяхъ, которыя считаются подтвержденными ежедневнымъ опытомъ, но доказать ихъ невозможно, потому что нельзя отыскать во всемъ мірѣ безусловно неподвижнаго тѣла.

Земля вращается вокругъ своей оси — таковъ законъ, за который знаменитый Галилей едва не заплатилъ жизнью; въ наше время люди менѣе жестоки, но они были бы такъ же нетерпимы относительно всякаго, кто осмѣлился бы утверждать, что земля не вращается. Посмотримъ, каковы же доказательства вращенія земли.

Мы привыкли видѣть, что звѣзды появляются вечеромъ слѣва и скрываются утромъ справа отъ насъ, солнце восходитъ слѣва и заходитъ справа. Намъ съ дѣтства въ школѣ повторяютъ, что это оптический обманъ, и въ доказательство рассказываютъ, что когда мы находимся въ поѣздѣ и нашъ, сначала неподвижный, поѣздъ трогается въ путь, намъ кажется, что движется сосѣдній поѣздъ. На это можно было бы возразить, что, когда сосѣдній поѣздъ начинаетъ двигаться, намъ часто кажется, что движемся мы. Итакъ, это не можетъ служить доказательствомъ.

Далѣе авторъ письма переходитъ къ знаменитому опыту Фуко, который съ огромнымъ успѣхомъ повторяется и въ настоящее время, и замѣчаетъ, что люди лишенная научной подготовки, принимаютъ этотъ

опытъ на вѣру отъ людей, признаваемыхъ ими за болѣе авторитетныхъ, люди же болѣе образованные, узнавъ, что опыты основаны на томъ законѣ, что плоскость колебанія маятника всегда остается одна и та же, могутъ на это возразить, что вся механика, какъ это было указано выше, зиждется на основахъ, которыхъ нельзя доказать.

«Съ точки зрѣнія астрономическихъ вычисленій», говоритъ въ заключеніе авторъ письма, «совершенно безразлично, вращается ли земля или небесная сфера; наука лишь изучаетъ движенія одной по отношенію къ другой и этого для науки достаточно.»

Отвѣчая на это письмо и оставляя въ сторонѣ постулатъ Евклида, Камилль Фламмаріонъ дѣлаетъ нѣсколько простыхъ замѣчаній, которыхъ, по его мнѣнію, вполне достаточно, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія.

«Я беру», говоритъ знаменитый астрономъ, «метръ, веревочку, проволоку, землемѣрную цѣпь, словомъ все, что хотите, измѣрю разстояніе по прямой линіи отъ обсерваторіи до Люксембургскаго дворца. Я повторяю эту операцію нѣсколько разъ въ обоихъ направленіяхъ и узнаю, что это разстояніе равно 1332,25 метра; затѣмъ я беру маленькую подзорную трубу, изъ двухъ оконъ обсерваторіи наблюдаю одну опредѣленную точку на фасадѣ дворца и измѣряю треугольникъ, образованный этой точкой и обоими направленіями трубки. Измѣривъ разстояніе, которое раздѣляетъ обѣ точки наблюденія, и допустивъ, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ, я могу вычислить, что разстояніе отъ середины основанія до отмѣченной на фасадѣ Люксембургскаго дворца точки также равно 1332,25 метра.

Этотъ фактъ доказываетъ, что тригонометрическая съемка такъ же точна, какъ и непосредственное измѣреніе; она не опирается ни на какіе постулаты, ни на какія гипотезы; чтобы доказать, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, не нужно никакихъ геометрическихъ доказательствъ,—достаточно построить изъ четырехъ брусковъ квадратъ, сумма угловъ котораго, очевидно равна, четыремъ прямымъ и раздѣлить его діагонально на два треугольника, изъ которыхъ каждый равенъ половинѣ квадрата и, слѣдовательно, сумма угловъ его равна двумъ прямымъ¹⁾.

Можно съ увѣренностью утверждать, что разстояніе отъ земли до луны измѣрено съ такою же точностью, какъ если бы до нея можно было долетѣть на воздушномъ шарѣ; настолько же точно извѣстно разстояніе до солнца, до планетъ и до тѣхъ звѣздъ, параллаксы которыхъ можно измѣрить. За-

¹⁾ Нельзя не замѣтить, несмотря на кажущуюся очевидность такихъ положеній, какъ постулатъ Евклида и вытекающія изъ него слѣдствія, напр., равенство суммы угловъ треугольника двумъ прямымъ, — что всѣ только что приведенныя знаменитымъ астрономомъ доказательства, съ точки зрѣнія *строгой науки*, не могутъ считаться безупречными. Это побудило нашего знаменитаго математика Лобачевского создать такъ называемую не-евклидову, или *пангеометрію*, которая, не опираясь на недоказанныя положенія, даетъ возможность достигать тѣхъ же результатовъ, что и съ евклидовою, т. е. общепринятою геометриєю. Последняя удовлетворяла и удовлетворяетъ насъ во всѣхъ случаяхъ научной практики, но еще вопросъ, были ли бы результаты вѣрны, еслибъ намъ пришлось имѣть дѣло съ тѣми необъятными пространствами, которыя недоступны современнымъ астрономическимъ инструментамъ... (Гауссъ, какъ извѣстно, раздѣлялъ мнѣніе Лобачевского).

Наше замѣчаніе, имѣя чисто академическій характеръ, конечно, нисколько не противорѣчитъ защищаемому К. Фламмаріономъ положенію, въ особенности же его конечному выводу.

тѣмъ, переходя къ вопросу, поставленному въ письмѣ, К. Фламмаріонъ говоритъ, что мы всѣ ежедневно видимъ, что солнце, луна, звѣзды и планеты восходятъ на востокъ и заходятъ на западъ. Для объясненія этого явленія, могутъ быть только двѣ гипотезы: или что небо вращается съ востока на западъ, или что земной шаръ вращается вокругъ своей оси въ обратномъ направленіи. Въ первомъ случаѣ надо предположить, что небесныя тѣла двигаются съ быстротой, пропорціональной ихъ разстояніямъ. Такъ, напр. солнце, находящееся отъ насъ на разстояніи въ 23,090 разъ больше земнаго радіуса, должно было бы въ 24 часа пролетать разстояніе въ 23,000 разъ больше земнаго экватора, что составляло бы скорость 10695 километр. въ секунду. Юпитеръ приблизительно въ 5 разъ дальше отъ земли: скорость его вращенія должна бы равняться 53000 километровъ въ секунду. Нептунъ, находящийся въ 30 разъ дальше отъ земли, чѣмъ солнце, долженъ былъ бы пробѣгать 320000 километровъ въ секунду.

Самая ближайшая звѣзда Центавра, находящаяся отъ насъ въ 275000 разъ дальше солнца, должна была бы летѣть со скоростью 2 миллиардовъ 941 милліона километровъ въ секунду. Всѣ остальные звѣзды неизмѣримо дальше отъ насъ.

И все это фантастическое круговращеніе совершалось бы около крошечной точки.

Поставить такимъ образомъ вопросъ, — значить его разрѣшить. Если не исключать астрономическихъ измѣреній и самыхъ точныхъ геометрическихъ выкладокъ—а это, какъ только что было сказано, обходится безъ всякаго постулата—то вращеніе земли достовѣрно.

Опытъ Фуко не необходимъ для того, чтобы убѣдить насъ во вращеніи земли; онъ только подтверждаетъ его и показываетъ перемѣщеніе плоскости колебанія маятника, каковое перемѣщеніе объясняется этимъ вращеніемъ и иначе не могло бы быть объяснено.

«Если бы у насъ было только одинъ этотъ опытъ для доказательства вращенія земли, если бы небо было всегда застлано тучами, которыя закрывали бы отъ насъ солнце, луну и звѣзды, если бы астрономія—это небесное откровеніе—не существовало бы, движеніе маятника Фуко не было бы объяснено и ничего бы не доказывало».

Этотъ опытъ—простое подтвержденіе, матеріальный фактъ, который видимъ всѣми, дополненіе, точка на і.

Лунные каналы и растительность на нашемъ спутникѣ.—Слово «каналъ» обозначаетъ на языкѣ астрономовъ тѣ узкія и темныя бороздки, обыкновенно прямолинейныя или слегка искривленныя, которыя намъ бросаются въ глаза на наружной поверхности нѣкоторыхъ планетъ. Слово это отнюдь не предполагаетъ непремѣннаго присутствія воды, какъ это бываетъ, когда говорятъ о каналахъ на землѣ.

Такихъ каналовъ имѣется множество на Марсѣ; они создали цѣлую литературу, и только Медлеръ, и въ самое послѣднее время Пиккерингъ стали наблюдать и изучать такіе же странныя и загадочныя образованія на поверхности нашего спутника. Проф. Пиккерингъ на страницахъ «Revue Scientifique» излагаетъ свою теорію лунныхъ каналовъ, съ которою мы и попытаемся вкратцѣ ознакомить читателя.

Главнымъ матеріаломъ для подтвержденія своихъ выводовъ Пиккерингъ считаетъ фотографическіе снимки поверхности луны, сдѣланные специальной экспедиціей, снаряженной Гаувардскимъ университетомъ. Параллельно фотографіи дѣлались также и рисунки, ибо многія подробности, видимыя въ зѣ телескопъ,—фотографической пластинкой не улавливались.

Если взглянуть въ ясную погоду въ хорошій телескопъ на лунный дискъ, то мы увидимъ длинныя узкія углубленія или трещины. Онѣ тянутся на разстояніи нѣсколькихъ миль, не изгибаясь, большей частью совершенно прямолинейно, а въ концѣ онѣ мало по-малу, какъ говорятъ, сходятъ на-нѣтъ. Большею частью мы видимъ, какъ онѣ разбѣгаются изъ какого-либо общаго центра, занимая собою и своими развѣтвленіями площадь круговой формы, обыкновенно болѣе темную, чѣмъ остальная прилегающая поверхность свѣтила. Во многомъ расположеніе этихъ каналовъ напоминаетъ поверхность Марса. Здѣсь мы то же находимъ нѣкоторое подобіе Большому Сирту на Марсѣ. Море Солнца съ его каналами напоминаетъ кратеръ Эратосѣнъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ сѣтъ каналовъ имѣетъ характеръ радіальный, исходящій изъ общаго центра. Особенно замѣчательнъ каналъ, проходящій чрезъ кратеръ *Гигинусъ*. Начинаясь съ сѣвернаго склона кратера Агриппы, онъ пересѣкаетъ ряды холмовъ и направляется къ сѣверо-востоку въ видѣ узкой, глубокой трещины. Такимъ образомъ онъ тянется много миль и наконецъ расширяется, вступая на открытую равнину. Еще 4—5 верстъ, и онъ врѣзается въ глубокій кратеръ Гигинусъ, поперечникъ котораго равенъ 7 верстамъ. Затѣмъ, выходя изъ этого кратера, валъ котораго снаружи отлогіи, а внутри довольно крутъ (что особенно замѣчательно), онъ расширяется въ долину.

Очень важно замѣтить, что каналы эти очень часто пересѣкаютъ валы кольцеобразныхъ горъ или идутъ по террасамъ вдоль берега моря. Ими испещрена вся поверхность луннаго диска, хотя, впрочемъ, внутри морей они встрѣчаются сравнительно рѣже.

Какъ для каналовъ Марса, такъ и для объясненія лунныхъ каналовъ, было предложено великое множество теорій¹⁾. Многіе видѣли въ этихъ бороздкахъ русла бывшихъ рѣкъ, но при этомъ забывали, что каналы эти пересѣкаютъ горы и долины, нисколько не заботясь о рельефѣ мѣстности. Клейнъ считаетъ ихъ даже трещинами, вызванными на лунной поверхности сжатіемъ луны отъ охлажденія, причемъ тотъ фактъ, что трещины проходили чрезъ кратеръ онъ объяснялъ тѣмъ, что разрывъ происходилъ по линіи наименьшаго сопротивленія; возможно, говоритъ онъ, что нѣкоторыя изъ нихъ произошли отъ «луно-трясеній», такъ какъ нѣтъ будто бы основаній предполагать, чтобы вулканическая дѣятельность на лунѣ совершенно прекратилась.

Обращаясь къ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ Пиккеринга, замѣтимъ, что онъ приписываетъ каналамъ какъ на лунѣ, такъ и на Марсѣ, одно общее происхожденіе. Онъ совершенно не признаетъ существованія на Марсѣ двойныхъ каналовъ, считая ихъ оптическимъ обманомъ наблюдателей астрономовъ. Это подтверждается еще тѣмъ, что когда въ 1894 году условія для наблюденій Марса сложились особенно благоприятно, то наблюденія показали странный фактъ. Именно, оказалось, что разстояніе между обѣими вѣтвями раздвоенныхъ каналовъ обратно пропорціонально полю зрѣнія инструмента и прямо пропорціонально разстоянію планеты отъ земли. Другими словами, чѣмъ Марсъ отъ насъ уходитъ дальше, чѣмъ хуже мы его видимъ, тѣмъ раздвоеніе, раздѣленіе каналовъ дѣлается больше, явственнѣе. А стоитъ лишь намъ взять вдвое болѣе сильный телескопъ, сейчасъ же

¹⁾ Желающіе ознакомиться съ этими теоріями могутъ найти довольно подробное изложеніе, сдѣланное въ редактивированный нами въ 1901 г. научной хроникѣ журнала «Научное Обозрѣніе», а еще подробнѣе—во II т. книги: В. В. Битнеръ «На рубежѣ столѣтій».

намъ представится, будто обѣ вѣтви канала стремятся сблизиться, соединиться, такъ сказать, воедино. Самъ Пиккерингъ раздвоенныхъ каналовъ, по его словамъ, не видалъ ни разу, хотя Марсъ наблюдалъ очень усердно.

Лунные каналы отъ каналовъ Марса отличаются не только величиною, но и окраской. На Марсѣ моря весною зелены, лѣтомъ сѣры, а осенью желты (зимою ихъ не видно), на лунѣ же преобладаютъ сѣрые и свѣтло-желтые тона. Эту разницу Пиккерингъ приписываетъ недостатку воздуха и паровъ воды на лунѣ. Пиккерингъ вспоминаетъ, что еще въ 1888 году, онъ впервые высказалъ то мнѣніе, что неровности на поверхности Марса, которыя мы называемъ въ общежитіи каналами и морями, обязаны своимъ происхожденіемъ различнымъ фазамъ растительной и животной жизни, а отнюдь не болѣе или менѣе значительнымъ массамъ воды на этой планетѣ. Эта же гипотеза недавно была выставлена и Лоуэллемъ (Lowell). Прилагая эту теорію къ лунѣ, мы не должны упустить изъ виду, что атмосфера ея разрѣжена гораздо болѣе, нежели атмосфера Марса, и можетъ содержать воду развѣ только въ видѣ пара или газа.

Несмотря на это, количество углекислоты, содержащейся въ кв. метрѣ ея можетъ быть равно или даже превышать то, которое находится въ равномъ объемѣ земной атмосферы, именно 0,03%.

Правда, плотность лунной атмосферы не можетъ быть на высотѣ 3-хъ километровъ больше, чѣмъ $\frac{1}{1000}$ плотности нашей атмосферы, но около небольшихъ кратеровъ, трещинъ и ущелій мы можемъ допустить и далѣе плотную атмосферу. Замѣтимъ ксати, что Шлезингъ (Schloesing) доказалъ, что запасъ углекислоты на нашей планетѣ доставляется и пополняется главнымъ образомъ вулканами и источниками вулканическаго происхожденія; и лишь незначительная часть этого газа доставляется существами органическаго міра. А такъ какъ вулканическая энергія имѣетъ тенденцію все уменьшаясь, достигнуть статическаго состоянія, то вопросъ объ углекислотѣ, необходимой для поддержанія нашей жизни, становится существенно важнымъ.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія теоріи Пиккеринга, все то, что мы называли каналами и морями, есть не болѣе, какъ области, покрытыя растительностью, немного мѣняющей свою окраску съ переменой времени года. Но здѣсь мы можемъ задать себѣ вопросъ: Какимъ образомъ можетъ растительность существовать безъ жидкой воды, что на первый взглядъ представляется еще болѣе непостижимымъ, чѣмъ органическая жизнь въ разрѣженной атмосферѣ. Но вспомнимъ, что дѣлается на нашей планетѣ: вѣдь могутъ же нѣкоторыя растенія существовать по нѣсколько лѣтъ въ безводныхъ пустыняхъ, не получая ни капли воды, а въ антарктическихъ странахъ, гдѣ термометръ рѣдко подымается до 0, мы все же встрѣчаемъ нѣкоторые виды мховъ: вѣдь это какъ разъ тѣ самыя условія, которыя мы предполагаемъ на лунѣ. Пиккерингъ добавляетъ къ этому, что вѣтви, стволы и вообще всѣ опорныя и соединительныя части лунныхъ деревьевъ должны быть меньшаго размѣра при той же прочности, ибо сила тяжести на землѣ въ 6 разъ меньше. Въ концѣ статьи Пиккерингъ дѣлаетъ резюме изъ своихъ выводовъ, гдѣ снова опровергаетъ прежнія теоріи происхожденія каналовъ на лунѣ и Марсѣ и высказываетъ свое непреклонное убѣжденіе въ существованіи не только органической, но и интеллектуальной (!) жизни на планетахъ.

Грозы и фазы луны. Луна, несомнѣнно, играетъ замѣтную роль въ жизни нашей планеты. Не говоря уже о теоріи приливовъ и отливовъ, въ которыхъ вліяніе ея давно было признано, въ послѣднее время метеорологи ста-

раются установить связь между различными явлениями природы и лунными фазами. Какъ извѣстно, г. Демчинскій въ своей теоріи предсказанія погоды отводитъ лунѣ почетное мѣсто. Многіе иностранные ученые, изучая нѣкоторые болѣе частные вопросы метеорологіи, также приходятъ къ заключенію, что для выясненія ихъ необходимо считаться съ луной. Таковъ напр. вопросъ о грозахъ. Ганнъ (Hann) даже въ своемъ учебникѣ приводитъ цифровыя данныя для подтвержденія того, что грозы, сопровождающіяся ударами грома, совпадаютъ съ опредѣленными лунными фазами.

Ал. Макдоуэлль (Macdowall) рассмотрѣлъ съ этой же точки зрѣнія опубликованные въ Гринвичѣ метеорологическіе анналы и на основаніи ихъ составилъ табличку, рассмотрѣніе цифръ которой показываетъ, что максимумъ грозъ совпадаетъ съ новолуніемъ, а минимумъ находится между полнолуніемъ и послѣдней четвертью.

Интересно сравнить эти числа съ полученными при изслѣдованіи дождливыхъ дней (т. е. такихъ, въ которые собрано не менѣе 13 миллиметровъ воды). Такія наблюденія производились въ Гринвичѣ въ продолженіе 24 лѣтъ

Еще болѣе продолжительныя наблюденія велись на двухъ изъ трехъ приводимыхъ Ганномъ станцій.

Изслѣдованіе полученныхъ при этомъ цифръ показываетъ, что гораздо болѣе дождей приходится на новолуніе, чѣмъ на полнолуніе, и что въ суммѣ, въ двѣ первыя фазы, число дождливыхъ дней больше, чѣмъ въ двѣ послѣднія.

Къ такимъ же заключеніямъ приходитъ и Вентоза (Ventosa), астрономъ Мадридской обсерваторіи. Онъ изслѣдовалъ данныя за 20 лѣтъ съ 1882 по 1901 г. включительно.

Итакъ, на 5 различныхъ станціяхъ получены одинаковые результаты. Несомнѣнно, путь для изслѣдованій выбранъ вѣрный, и надо продолжать наблюденія въ этомъ направленіи.

Странное явленіе. Вѣроятно, многіе изъ читателей слышали рассказы о томъ, какъ въ минуту смерти кого-либо изъ близкихъ гдѣ-нибудь за тридцать земель останавливались часы, падала какая-нибудь картина и т. п. Къ такимъ рассказамъ одни относятся съ улыбкою недовѣрія, другіе, напротивъ, видятъ здѣсь мистическую связь съ нами загробнаго міра; кое-кто пытается усмотрѣть здѣсь проявленіе извѣстнаго единства духовнаго и матеріальнаго міра... Но въ концѣ концовъ крайняя рѣдкость подобныхъ явленій ставитъ самый вопросъ о ихъ существованіи въ неблагоприятныя условія для его рѣшенія. Нѣчто похожее на упомянутыя явленія, только въ грандіозныхъ размѣрахъ, наблюдалось въ ночь съ 29-го на 30-е декабря въ Парижѣ. Во многихъ мѣстахъ города внезапно словно какой-то таинственной силой остановились въ 1 часъ 5 мин. пополуночи стѣнные часы съ маятникомъ. Одновременно съ этимъ многія лица вдругъ почувствовали головокруженіе, тошноту, близость къ обмороку. Сдѣланы были справки въ метеорологическомъ бюро, но директоръ центральной парижской метеорологической станціи сообщилъ, что ни въ указанное время, ни около него не было замѣчено рѣшительно никакихъ особенныхъ атмосферическихъ перемѣнъ, которымъ можно было бы приписать причину вышеупомянутаго страннаго явленія. Сейсмографы не отмѣтили также ни малѣйшаго колебанія почвы; вообще, въ Парижѣ землетрясенія крайне рѣдки, и послѣднее въ высшей степени слабое колебаніе почвы наблюдалось въ 1869 г.

Такимъ образомъ, вопросъ о причинѣ описаннаго явленія остается открытымъ, и данный фактъ лишній разъ доказываетъ, насколько наше знакомство съ силами природы еще недостаточно...

Антропология, криминология, физиология, медицина.

Къ вопросу о происхожденіи пола. Заранѣ ли опредѣленъ полъ зародыша у животныхъ уже въ самомъ яичкѣ или онъ зависитъ отъ дальнѣйшихъ вліяній? До сихъ поръ почти господствовало убѣжденіе, что полъ мужской или женскій обозначается въ сравнительно довольно позднемъ періодѣ развитія зародыша — у человѣка приблизительно послѣ пятой недѣли. Эмбрионъ (зародышъ) предполагался, такимъ образомъ, безполымъ. На этомъ то предположеніи и основывалъ свою теорію Шенкъ. По его мнѣнію, превращеніе плода въ мужской или женскій зародышъ происходитъ у человѣка лишь въ третьемъ мѣсяцѣ, и извѣстнымъ питаніемъ матери въ этомъ періодѣ можно достигнуть полученія желательнаго пола.

Недавніе опыты привели къ выводу прямо противоположному. Они показали, что полъ животного заранѣе предопредѣленъ въ яичкѣ, т. е. что существуютъ эмбрионы мужскіе и женскіе. Факты, свидѣтельствующіе въ пользу этого вывода, таковы (они собраны Ленгосекомъ въ книгѣ: «Вопросъ о причинахъ, вліяющихъ на происхожденіе пола. Lenhossek. Das Problem der geschlechts bestimmenden Ursachen, Iena 1903):

1) Производя наблюденія надъ червемъ *Dinophilus apatris*, Коршельтъ (Korschelt) нашелъ въ яичникѣ самки два сорта яицъ — большаго и меньшаго размѣра. Послѣ искусственнаго оплодотворенія яицъ, изъ большихъ вышли только самки, изъ меньшихъ только самцы.

2) Пфлюгеръ искусственно оплодотворялъ лягушекъ, добытыхъ изъ различныхъ мѣстностей. Несмотря на искусственное оплодотвореніе, неодинаковыя условія содержанія въ аквариумахъ и пр., количество мужскихъ и женскихъ личинокъ во всѣхъ случаяхъ почти совпадало. Отсюда Пфлюгеръ заключилъ, что полъ былъ уже заранѣе опредѣленъ въ неоплодотворенномъ яйцѣ.

3) Третье доказательство даютъ наблюденія надъ человѣческими двойнями. Есть двойни, которыя происходятъ отъ *двухъ* яицъ и другія — отъ *одного* яйца. Въ первомъ случаѣ младенцы могутъ рождаться одинаковаго пола или различныхъ половъ; во второмъ случаѣ они рождаются всегда одного и того же пола, т. е. оба или мальчики или дѣвочки. Но почему же изъ однояичныхъ зародышей развиваются непременно двойни одинаковаго пола? Да потому, что они происходятъ отъ одной и той же яичной кѣлочки, которая была либо мужской, либо женской.

4) Наконецъ, четвертымъ доказательствомъ заранѣе опредѣленнаго пола могутъ служить явленія *парthenогенезиса* (*безполое зарожденіе*), заключающіяся въ томъ, что у многихъ наѣжкомыхъ (пчелы, муравьи) яйца могутъ развиваться безъ оплодотворенія. Полагали, что развитіе этихъ будто бы безполыхъ яичекъ въ мужскіе или женскіе зародыши зависитъ отъ соприкосновенія или несоприкосновенія съ ними оплодотворяющихъ мужскихъ сѣменныхъ живчиковъ (сперматозоиды). Ленгосекъ думаетъ, однако что яички уже заранѣе заключаютъ въ себѣ мужской или женскій зародыши, но только одни нуждаются для своего развитія въ мужскихъ сперматозоидахъ, другія въ этомъ не нуждаются. Наблюденія дѣлаютъ такое предположеніе весьма вѣроятнымъ.

Отмѣтимъ, что выводы Ленгосека получаютъ значительное подкрѣпленіе въ опытахъ Рейхенбаха, доказавшихъ, что изъ неоплодотворенныхъ яичекъ пчель-работницъ выходятъ какъ самки (пчелы-работницы), такъ и самцы (трутни). Самки-королевы въ опытахъ Рейхенбаха не получились ни одной, несмотря на обильное упитываніе нѣкоторыхъ личинокъ.

Ко всему этому слѣдуетъ добавить, что хотя теорія заранѣе опредѣ-

ленного пола исключаетъ вліяніе отца на происхожденіе пола, но наследственности отъ отца она нисколько не противорѣчитъ, такъ какъ въ оплодотворенной яичной кѣлочкѣ въ одинаковой мѣрѣ содержатся носители наследственности (такъ называемые *хромозомы*) какъ отъ матери, такъ и отъ отца.

Говоря о происхожденіи пола, кстати будетъ привести новыя данныя, касающіяся той роли, какую играютъ въ данномъ случаѣ возрастъ. Данныя эти опубликованы др. Руппиномъ (Ruppin) въ *Polit. anthropolog. Revue* 1902 г. № 9 и гласятъ слѣдующее:

а) Молодыя женщины (17—20 лѣтъ), имѣютъ отъ молодыхъ мужчинъ (20—25 лѣтъ) болѣе мальчиковъ, а отъ мужчинъ другихъ возрастовъ—менѣе мальчиковъ въ сравненіи съ средней (для Австріи) пропорціей: 1.000 рожденных дѣвочекъ на 1.063 рожденных мальчиковъ.

б) Женщины 20—25 лѣтъ отъ мужчинъ 20—25 лѣтъ имѣютъ мальчиковъ болѣе средней пропорціи; при возрастѣ мужчинъ въ 25—30 и 30—40, число мальчиковъ приблизительно равняется средней пропорціи, а при возрастѣ ихъ въ 40—50 лѣтъ число это опять превышаетъ среднюю пропорцію.

в) Женщины 25—30 лѣтъ имѣютъ отъ мужчинъ 20—25 и 25—30 лѣтъ мальчиковъ менѣе средней пропорціи; при возрастѣ мужчинъ 30—40 лѣтъ число равно средней пропорціи, а при возрастѣ 40—50 лѣтъ опять становится меньше.

г) Женщины 30—40 лѣтъ отъ молодыхъ мужчинъ (20—25 лѣтъ) имѣютъ мальчиковъ значительно больше средней пропорціи. Это остается еще въ силѣ при возрастѣ мужчины въ 25—30 лѣтъ. Но отъ мужчинъ старше этого возраста онѣ имѣютъ уже меньше мальчиковъ.

д) Особенно рѣзко выступаетъ вліяніе возраста на полъ, когда сходятся мужчина и женщина съ большой разницей лѣтъ. Отъ женщинъ 17—20 лѣтъ и мужчинъ 40—50 лѣтъ рождаются только 920 мальчиковъ на 1.000 дѣвочекъ и напротивъ отъ женщинъ 30—40 лѣтъ и мужчинъ 20—25 лѣтъ—1.135 на 1.000. Разница значительная.

Свидѣтельство крови на судебномъ слѣдствіи. Вопросъ объ изслѣдованіи крови (кровяныхъ слѣдовъ на ножѣ, на платкѣ и т. д.), какъ доказательства преступленія, принадлежитъ до сихъ поръ къ труднѣйшимъ для врачей-экспертовъ. Въ свѣжей крови можно было еще подъ микроскопомъ различить красныя кровяныя тѣльца и установить, принадлежать ли они высшему или низшему позвоночному. Гораздо труднѣе было дать заключеніе, чья это кровь—человѣка или домашняго животнаго?

Разница состоитъ только въ томъ, что у человѣка кровяные шарики больше чѣмъ у млекопитающихъ, по формѣ же они одинаковы. Величина же при засыханіи крови скрадывается. А при дальнѣйшемъ засыханіи самое присутствіе крови можно было открыть только химической реакціей.

Такъ обстояло дѣло до тѣхъ поръ, пока въ недавнее время не пролили свѣта на эту область опыты, исходившіе изъ прививокъ. Опыты эти не были предприняты специально для изслѣдованія уголовнаго вопроса о кровяныхъ пятнахъ, а явились лишь попутнымъ результатомъ различныхъ бактериологическихъ изслѣдованій. И это еще разъ свидѣтельствуетъ о неожиданныхъ практическихъ результатахъ, получаемыхъ отъ изслѣдованій чисто-теоретическихъ.

Послѣ того какъ Пастеру и въслѣдствіи Берингу удалось путемъ повторныхъ прививокъ животнымъ бактериальнаго яда добиться выработки въ ихъ организмѣ жидкостей, служащихъ противоядіемъ,—въ дальнѣйшемъ сдѣланы были наблюденія, что образованію такихъ элементовъ въ крови

способствуютъ не только прививки бактерій, но и простыя выпрыскиванія красныхъ или бѣлыхъ шариковъ. Еще далѣ выяснилось, что такимъ же предохранительнымъ средствомъ является выпрыскиваніе самыхъ жидкостей: напримѣръ, если выпрыснуть кролику въ полость живота нѣсколько разъ кровь человѣка, то кровяная сыворотка (serum) животного приобретаетъ удивительное свойство вызывать ясное свертываніе въ растворѣ крови (хотя бы самомъ слабомъ) отъ человѣка. Для полученія реакціи въ крови животныхъ требуется растворъ болѣе сгущенный и путемъ опытовъ возможно установить для какого животного—какой именно растворъ.

Надо думать, что реакція свертыванія въ данномъ случаѣ вызывается столкновеніемъ бѣлковыхъ веществъ одной и другой крови. Дальнѣйшими изслѣдованіями будетъ, несомнѣнно, установлено, какія причины здѣсь дѣйствуютъ. Для судебной медицины добытые факты имѣютъ во всякомъ случаѣ уже и теперь извѣстную цѣнность, давая возможность опредѣлить принадлежала ли кровь, составляющая вопросъ судебного слѣдствія, человѣку или животному.

Вѣсъ человѣческаго мозга. Д-ръ Маршанъ (Marchand) обнарудовалъ недавно (въ «Записк. Саксонск. ученаго общества») результаты, добытые имъ при взвѣшиванія 1234 человѣческихъ мозговъ, причемъ обращалось особенное вниманіе на возрастъ и полъ.

Средній вѣсъ мозга составляетъ у взрослыхъ мужчинъ 1400 гр., у взрослыхъ женщинъ 1275 гр.

Своей окончательной величины мозгъ достигаетъ у мужчинъ на 19—20-мъ году, у женщинъ на 16—18-мъ. Уменьшеніе противъ средняго вѣса наступаетъ въ старости у мужчинъ на восьмомъ десяткѣ, у женщинъ—на седьмомъ. Впрочемъ, здѣсь границы очень колеблются, въ зависимости отъ лица.

У женщинъ меньшій средній вѣсъ мозга не имѣетъ отношенія къ меньшей въ среднемъ длинѣ туловища: при одинаковой длинѣ туловища вѣсъ мужского мозга все-таки больше женскаго. Въ утѣшеніе прекрасной половинѣ рода человѣческаго, изслѣдователь дѣлаетъ предположеніе, что мозгъ у женщинъ, въ связи со всей ихъ конструкціей, деликатнѣе, нѣжнѣе. «Впрочемъ—прибавляетъ онъ—подъ микроскопомъ это доказать невозможно».

Почти одновременно съ Маршаномъ опубликовалъ свои изслѣдованія надъ вѣсомъ человѣческаго мозга чешскій ученый Matiegka. Интересна устанавливаемая имъ таблица средняго вѣса для людей различныхъ профессій въ возрастѣ 20—60 лѣтъ:

1. Поденщики.	1410 гр.	14 случаевъ.
2. Рабочіе	1433 »	34 »
3. Служители, сторожа	1435 »	14 »
4. Ремесленники	1439 »	123 »
5. Дѣловые люди, учителя.	1468 »	28 »
6. Учащіеся, чиновники	1500 »	22 »

Изслѣдователь заключаетъ отсюда, что каждая профессія требуетъ извѣстной доли духовныхъ способностей. Изъ другихъ выводовъ интересенъ тотъ, что у рабочихъ съ болѣе развитыми мускулами (кузнецы, слесаря и др.) и вѣсъ мозга больше, чѣмъ у рабочихъ со слабѣйшими мускулами (саножники, портные, ткачи): у первыхъ онъ равенъ въ среднемъ 1476 гр., у вторыхъ—1433 гр. Наконецъ, мы узнаемъ, что форма черепа здѣсь не причемъ и вѣсъ мозга возрастаетъ помимо формы головы вмѣстѣ съ увеличеніемъ тѣла.

Соотношеніе физическихъ и умственныхъ свойствъ. Дѣвицы Ли и Ливенцъ и г. Персонъ представили Королевскому обществу въ Лондонѣ результаты своихъ изслѣдованій соотношенія физическихъ и умственныхъ свойствъ учениковъ многихъ англійскихъ школъ. Приэтомъ было установлено, что выдающейся интеллигенціи соотвѣтствуетъ болѣе вѣсъ, величина и длина головы. Обыкновенно болѣе способные ученики бывали слегка близоруки. Все таки соотношеніе тѣлесныхъ и умственныхъ способностей не представляется столь явственно, чтобы возможно было группировать личности съ извѣстными душевными свойствами въ классъ съ опредѣленными физическими качествами; на основаніи особенностей строенія тѣла нѣтъ возможности судить о степени и родѣ умственныхъ способностей.

Сравнительныя изслѣдованія учениковъ, предающихся разнаго рода спортамъ и воздѣрживающихся отъ физическихъ упражненій, показали перевѣсъ первыхъ не только въ физическомъ, но и въ умственномъ отношеніи при общей болѣе живости настроенія.

Электрическій сонъ. Очень интересное и многообѣщающее открытіе сдѣлано недавно докторомъ Ледюкомъ. Ему удалось опытами доказать, что электрическимъ токомъ можно вызвать у животнаго мѣстную или общую нечувствительность къ раздраженіямъ. Правда опыты свои онъ дѣлалъ пока лишь на животныхъ, преимущественно надъ собакой, но, надо полагать, то же дѣйствіе будетъ оказывать электричество и на человѣка. А это дало бы возможность замѣнить далеко не безвредные способы анестезіи посредствомъ хлороформа и эфира.

Опыты свои д-ръ Ледюкъ обставилъ такъ. Устроены были особый электрическій приборъ съ малымъ сопротивленіемъ и съ возрастающей постепенно силой тока; къ нему присоединялся прерыватель, дѣлавшій отъ 150 до 200 перерывовъ и замыканій въ секунду. Голову животнаго обвязывали ватой, смоченной растворомъ поваренной соли и затѣмъ прикладывали къ ней металлическую пластинку, служившую катодомъ, а анодъ такимъ же путемъ соединяли со спиной. Когда замыкали токъ, животное падало на бокъ, мышцы его сокращались, дыханіе ослабѣвало. Если затѣмъ ослабляли силу тока, то дыханіе дѣлалось нормальнымъ и животное погружалось въ глубокій сонъ. Въ это время оно становилось совершенно нечувствительнымъ къ ударамъ, уколамъ и т. п., хотя сердцебіеніе и дыханіе были нормальны. Черезъ нѣсколько часовъ животное просыпалось и чувствовало себя бодро, весело. По видимому, оно не чувствовало боли и при замыканіи тока, такъ какъ не издавало крика. Если, для избѣжанія судорожныхъ сокращеній, силу тока увеличивали медленно, то животное впадало въ нервное возбужденіе, какъ при дѣйствіи хлороформа, послѣ чего слѣдовалъ болѣе продолжительный сонъ.

Чтобы вызвать мѣстную анестезію надо приложить катодъ вблизи чувствительнаго нерва данной части тѣла. При этомъ сначала появляется зудъ, а потомъ и полная анестезія.

Позволимъ себѣ замѣтить, что электрическое усиленіе (извѣстнаго рода гипнотизированіе, или вѣрнѣе, магнетизированіе) далеко не новость. Этотъ способъ былъ примѣняемъ французскимъ ученымъ А. де Роша и къ людямъ, только въ нѣсколько иной формѣ. Намъ уже вскользь приходилось упоминать объ этомъ*), но мы надѣемся со временемъ поговорить о данномъ вопросѣ болѣе подробно.

*) См. „Вѣрить или не вѣрить?“ В. В. Битнера, изд. Павленкова.

Интересныя находки: новая раса и трупы безъ костей. Французскій ученый Верно (Verneau) сообщаетъ въ журналѣ *L'Anthropologie* объ интересныхъ раскопкахъ, произведенныхъ подъ наблюдениемъ князя Монаккаго въ пещерахъ близъ Ментоны. Въ числѣ цѣлаго ряда цѣнныхъ результатовъ, добытыхъ этими раскопками, самымъ важнымъ является находка двухъ скелетовъ—мужского и женскаго, принадлежащихъ по всѣмъ признакамъ древней негритянской расѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ: и сильно выдающіяся челюсти, и скошенный назадъ подбородокъ. Для полноты картины рядомъ найдены кости гиены и грубые орудія, сдѣланныя изъ песчаника и известковаго камня и лишь немногія—изъ кремня. Верно предлагаетъ для этой на европейской почвѣ впервые найденной расы названіе «типъ Гримальди» и помѣщаетъ ее между расами *Spy* (*Homo primigenius*) и *Cro-Magnon* (*H. priscus*). Если считать установленнымъ происхожденіе второй расы (*H. priscus*) и двухъ нынѣ существующихъ европейскихъ расъ (*Homo europaeus* Linné и *H. mediterraneus*) отъ *Homo primigenius*, то новооткрытую расу придется отнести къ побочной вѣтви, отъ которой произошла современная негритянская раса (*Homo niger*). Открытіе этого новаго антропологическаго типа имѣетъ важное значеніе какъ доказательство того, что и въ нашей части свѣта рядомъ съ африканской фауной въ доисторическія времена жили негровидные люди,—другими словами, что обитающія Африку остатки древняго человѣка совершили свой путь туда черезъ Европу (*Ludwig Wilser. Eine neue Menschenrasse. Naturwissenschaftliche Wochenschrift 1903 г. № 15*).

Другая интересная находка, цѣнная уже не столько для антропологии, сколько для археологии, сдѣлана была въ Дамендорфѣ (Шлезвиг-Гольштинія). Здѣсь, въ отложеніяхъ торфа найдено 20 труповъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что у нихъ почти совершенно исчезли кости и сохранилась только кожа, такъ что получается впечатлѣніе силуэта. Др. Гротріанъ, описывающій находку въ «Отчетахъ музея національныхъ древностей при Кильскомъ университетѣ», объясняетъ своеобразный способъ, въ какомъ сохранились «торфяные трупы», слѣдующимъ образомъ. Вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ трупы въ теченіе нѣкотораго времени не подверглись гніенію. Но въ концѣ концовъ все-таки произошло химическое измѣненіе. Растенія, проникшія сквозь кожу во внутренность, выбрали оттуда изъ тканей все, что имъ нужно было для произрастанія, а проникшая внутрь болотная вода разрушила кости, растворивъ ихъ известковыя соли. А затѣмъ наросшіе слои торфа плотно придавили трупъ и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ сотнями корней, образовали футляръ, въ которомъ сохранилась отъ разрушенія приплюснутая кожа.

Противококлюшная сыворотка. Найдено средство борьбы еще съ однимъ врагомъ человѣка—съ коклюшемъ. Болѣзнь эта особенно часто поражаетъ совсѣмъ маленькихъ дѣтей и нерѣдко кончается смертію несчастныхъ малютокъ. До сихъ поръ не было даже средствъ облегчить въ значительной мѣрѣ сильные приступы кашля, доводящаго ребѣтъ иногда до обмороковъ. Бельгійскій докторъ Леро цѣлыхъ десять лѣтъ потратилъ на изученіе коклюша и на изысканіе средства противъ него. Старанія его увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. Прежде всего онъ убѣдился, что микробы коклюша гнѣздятся въ носоглоточной полости, откуда уже распространяются и на дыхательные органы. Въ виду этого при коклюшѣ слѣдуетъ энергично дезинфицировать носовую полость.

Открывъ микробъ коклюша, Леро сталъ дѣлать опыты полученія противококлюшной сыворотки. Неожиданнымъ затрудненіемъ для него оказалось то обстоятельство, что, какъ говоритъ въ одной изъ послѣднихъ

книгъ «La Revue» докторъ Мерексъ, животныя не болѣютъ, коклюшемъ. Избравъ объектомъ для своихъ слѣдованій лошадь Леро, пробовалъ прививать ей коклюшные микробы. Сначала животное становилось нервнымъ, затѣмъ послѣ новыхъ прививокъ слѣдовалъ параличъ грудныхъ мышцъ, столбнякъ и смерть. Совершенно такое же дѣйствіе оказывалъ и токсинъ коклюшнаго микроба. Это привело Леро къ заключенію, что человѣку причиняетъ вредъ не самъ бацилла, а выделяемое имъ вещество—токсинъ. Тогда экспериментаторъ сталъ выпрыскивать лошадямъ коклюшный токсинъ, постепенно увеличивая дозу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ лошади оказались достаточно заражены. Тогда на тѣлѣ ихъ сдѣланы были надрѣзы, изъ которыхъ и была взята сыворотка. Но въ виду того, что животныя мало воспримчивы къ коклюшу, необходимо было провѣрить на дѣтяхъ, насколько хорошо дѣйствуетъ сыворотка. Результаты опытовъ леченія ею дѣтей въ брюсельскомъ госпиталѣ св. Петра оказались весьма хороши. Употребленіе сыворотки не вызывало никакихъ заболѣваній, но значительно уменьшало число сильныхъ приступовъ кашля. Иногда требуется вторая и даже третья прививка. Въ общемъ благодаря сывороткѣ болѣзнь кончается на десятый день. Наиболее удачное время для выпрыскиванія—это начало болѣзни. Итакъ, теперь найдена противокклюшная сыворотка.

Микробъ коклюша имѣетъ видъ короткихъ палочекъ, довольно полныхъ, ясно закругленныхъ съ обоихъ концовъ.

Леченіе скарлатины эссенціей терпентина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ два испанскихъ врача Пихадоръ—и—Фаура и Віура—и—Карерасъ ((S. Pajader—y—Faura и J. Viura—y—Carreras) изъ Барселоны сообщили о случаѣ тяжелой скарлатины, которую имъ удалось излечить подкожными выпрыскиваніями эссенціи терпентина. Приватъ-доцентъ медицинскаго факультета въ Градѣ г. Тобейтъ рѣшилъ провѣрить дѣйствительность этого средства и съ 1889 г. сталъ испытывать его на всѣхъ больныхъ скарлатиною, помѣщавшихся у Крауса, профессора названнаго университета. Такъ какъ подкожныя выпрыскиванія причиняли больнымъ сильныя страданія, то Тобейтъ замѣнилъ ихъ внутренними пріемами эссенціи, причемъ въ одинъ или два пріема давалъ больнымъ отъ 15 до 20 капель, преимущественно въ молотѣ.

Оказалось, что болѣе чѣмъ въ 100 случаяхъ примѣненія этого мало-распространеннаго средства дѣйствіе его было весьма дѣйствительно, особенно при осложненіяхъ съ почками. Примѣненная своевременно эссенція терпентина можетъ даже предотвратить развитіе нефрита.

Интересно отмѣтить, что употребленіе внутрь эссенціи терпентина въ заболѣваніяхъ скарлатиной примѣнялось еще въ 1886 году г. Пиппингс-кюльдомъ (Pippingskold) врачомъ г. Гельсингфорса.

Пытка въ XX столѣтіи. Въ «Cassell's Magazine» описывается тюрьма въ Марокко. Читая подробности тюремной жизни и пытокъ, положительно забываешь, въ какомъ столѣтіи находишься,—до такой степени онѣ напоминаютъ средніе вѣка и инквизицію. Вотъ двѣ небольшихъ выдержки для примѣра:

— «Въ большомъ употребленіи былъ и до сихъ поръ существуетъ обычай пытать преступниковъ не только доказанныхъ, но даже и заподозрѣнныхъ. При назначеніи наказаній выказывается масса изобрѣтательности; напр. втираютъ въ глазное яблоко красный перецъ, вытягиваютъ рыболовнымъ крючкомъ языкъ, подвѣшиваютъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли за кисти рукъ»...

— «Особенно утонченной жестокостью отличается т. наз. «железная перчатка». Человѣку кладутъ въ кулакъ кусокъ негашеной извести. Затѣмъ кулакъ крѣпко завязывается ремнями и погружается въ холодную воду.

Смертная мука быстро достигает своего апогея. Пытка длится 8—10 дней, пока, наконецъ, не наступитъ омертвѣніе и, — вѣроятно, — смерть»...

Біологія, зоологія, ботаника, геологія и почвовѣдѣніе.

Новыя наблюденія надъ окраскою животныхъ. Вниманіе натуралистовъ уже давно было обращено на поразительное соотвѣтствіе окраски животныхъ съ цвѣтомъ обстановки, среди которой они живутъ. Это, несомнѣнно, должно представлять для нихъ огромныя выгоды, такъ какъ дѣлаетъ ихъ менѣе замѣтными и позволяетъ лучше укрыться отъ взоровъ врага. Даже перемѣна окраски при линькѣ соотвѣтствуетъ перемѣнѣ главныхъ цвѣтовъ окружающей природы. Рѣзкимъ противорѣчіемъ этому общему явленію служили животные, у которыхъ при темно окрашенной спинной поверхности низъ свѣтлый или бѣлый. Казалось бы, это не только не помогало животному укрыться отъ врага, а наоборотъ дѣлало его особенно виднымъ, замѣтнымъ. Но, недавно американскій художникъ-натуралистъ Тайеръ весьма остроумно показалъ, что противорѣчіе это только кажущееся, и бѣлый цвѣтъ живота является, напротивъ, дополненіемъ и слѣдствіемъ все того же такъ называемаго закона «гармонической окраски». Тайеръ обратилъ вниманіе на приѣмъ, къ которому прибѣгаетъ художникъ съ цѣлю сдѣлать предметъ особенно рельефнымъ. Взявъ для примѣра шаръ, Тайеръ изобразилъ его лежащимъ на лужайкѣ при разсѣянномъ солнечномъ освѣщеніи сверху. Верхъ шара пришлось сдѣлать совсѣмъ свѣтлымъ, а густые тѣни снизу дѣлали шаръ выпуклымъ, рѣзко выдѣляющимся на фонѣ картины. Затѣмъ художникъ изобразилъ шаръ при тѣхъ же условіяхъ обстановки, но верхнюю поверхность шара предположилъ темно-окрашенной, а низъ свѣтлымъ. Шаръ утратилъ свою рельефность, сталъ казаться плоскимъ и совершенно сливался съ фономъ. Переноса это наблюденіе на животныхъ, Тайеръ пришелъ къ заключенію, что и у нихъ свѣтлая окраска живота при темной спинѣ соотвѣтствуетъ второму случаю расположенія тоновъ на шарѣ, что слѣдствіемъ этого является меньшая рельефность, животное кажется болѣе плоскимъ, менѣе бросается въ глаза. Для повѣрки своего наблюденія Тайеръ бралъ чучела птицъ, имѣвшихъ темно окрашенную спинку при свѣтломъ брюшкѣ, и окрашивалъ имъ животъ подъ цвѣтъ спины. Помѣщаемыя въ натуральную обстановку, такіа птицы рѣзко выдѣлялись, а при нормальной окраскѣ были мало замѣтны. Вообще всякій предметъ, имѣющій ровную окраску, при обычныхъ условіяхъ освѣщенія, кажется разнотоннымъ, такъ какъ разныя части его неодинаково сильно освѣщены. Напротивъ, предметъ, неодинаково темно окрашенный, будетъ казаться болѣе однотоннымъ. Различіе въ окраскѣ верха и низа животныхъ, такимъ образомъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ гармонической окраски.

Вліяніе питанія гусеницъ на измѣненіе окраски бабочекъ. Интересные результаты въ этомъ направленіи сообщилъ недавно Арнольдъ Пикте изъ Женева Швейцарскому Обществу Естествениспытателей. Кормя гусеницъ, содержимыхъ не на свободѣ, листьями различныхъ растений, въ большинствѣ случаевъ не тѣхъ, которыя составляли обычную пищу изслѣдуемыхъ видовъ, Пикте получалъ бабочекъ съ чрезвычайно измѣненной окраской крыльевъ.

Гусеницы вида *Bombux quercus*, вскормленные листьями *Onobrychis sativa*, образовали новую породу, въ которой самцы имѣли на крыльяхъ очень широкую полосу русаго цвѣта, доходящую до самыхъ краевъ крыла; самки-же имѣютъ такую же поперечную полосу, окаймленную на внутренней сторонѣ темнобронзовой пунктированной линіей, на вѣншей же сое-

диненной съ другою болѣе свѣтлою полосою. Другого рода измѣненія получились при питаніи листьями *pinus laurocerasus*, хотя — что весьма важно — яички брались отъ тѣхъ же родителей.

Поразительны результаты изслѣдованій надъ видомъ *Ocneria dispar*, наносящимъ особенный вредъ листьямъ дубовыхъ лѣсовъ, гдѣ эта бабочка обыкновенно водится. Корма гусеницъ этого вида листьями орѣха, швейцарскій изслѣдователь замѣтилъ, что въ первомъ поколѣніи бабочки мельчаютъ, теряютъ линіи рисунка на крыльяхъ, а окраска самцовъ желтѣетъ. Во второмъ поколѣніи, вскормленномъ тѣми же листьями, ростъ дѣлается еще меньше, рисунокъ вовсе пропадаетъ, а окраска бѣлѣетъ — у обоихъ половъ. Засимъ бабочки эти болѣе не размножаются. Когда же Пикте кормилъ одно поколѣніе орѣховыми, а другое — дубовыми листьями, то бабочки размножались, но мельчали и имѣли бѣлыя крылья, у самцовъ съ сѣроватымъ блѣднымъ рисункомъ, а у самокъ безъ всякаго рисунка. Возвратъ къ естественной пищѣ (дубовые листья) мало по малу въ ряду поколѣній возвращаетъ первоначальныя свойства. Разнообразное кормленіе даетъ смѣшеніе признаковъ соотвѣтственныхъ разновидностей.

Изслѣдованія Пикте бросаютъ свѣтъ на весьма важный вопросъ о измѣнчивости (пластичности) животныхъ видовъ. Приведенные примѣры показываютъ, что вліяніе перемѣны пищи въ короткій промежутокъ времени вызываетъ морфологическія свойства, которыя донинѣ считались слѣдствіемъ подбора и приспособленія, дѣйствующихъ въ теченіе вѣковъ. Весьма желательно было бы, чтобы такого рода опыты производились чаще, что весьма нетрудно, такъ какъ для нихъ не требуется никакихъ специальныхъ средствъ ни особыхъ лабораторій.

Чувствительность муравьевъ къ ультрафіолетовымъ лучамъ.

Недавно Х. Дюфуръ и А. Форель повторили прежніе опыты Леббока надъ чувствительностью муравьевъ къ ультрафіолетнымъ лучамъ спектра: англійскій ученый уже въ 1882 г. доказалъ, что муравьи стараются убрать свои личинки изъ мѣсть, на которыя падаютъ фіолетовые или ультрафіолетовые лучи, что должно свидѣтельствовать о вѣснчатлительности этихъ насѣкомыхъ, къ такимъ лучамъ, на которые наша слѣтчатка вовсе не реагируетъ.

Опыты Дюфура и Фореля велись нынѣ съ возможно болѣею точностью. Муравьи и ихъ личинки помѣщены были въ ящикъ, прикрытый желатиновой пластинкой (пропускающей ультрафіолетовые лучи). Часть этого ящика была «освѣщена» ультрафіолетовыми лучами весьма сильнаго спектра, полученнаго помощью большой рѣшетки Роулэнда; солнечный свѣтъ не встрѣчалъ на своемъ пути никакой стеклянной пластинки, что въ прежнихъ опытахъ было необходимо и вызывало по свойству стекла поглощеніе ультрафіолетовыхъ лучей. Употреблены были лучи, находящіеся за полосой Н., длина коихъ достигла 0,000397 mm. Въ спектрѣ, употребленномъ для эксперимента длина волнъ въ части ультрафіолетовой достигала 0,000310 mm.

Тотчасъ же послѣ «освѣщенія» этими лучами части ящика, гдѣ сложены были личинки, муравьи стали поспѣшно переносить ихъ въ части, вполне затемненные. Производились еще опыты надъ вліяніемъ на муравьевъ лучей Рентгена, но послѣдніе пока дали отрицательный результатъ.

Температура насѣкомыхъ. Недавно произведены были точныя измѣренія температуры насѣкомыхъ. Для этого устроенъ былъ термо-электрическій приборъ, особенность котораго заключалась въ томъ, что въ тѣло животного втыкалась игла, соединенная съ гальванометромъ. Произведенные при помощи этого прибора опыты дали слѣдующіе результаты. Температура насѣкомаго, на-

ходящагося въ спокойномъ состояніи, соотвѣтствуетъ температурѣ окружающей среды. Когда же наѣкомое начинаетъ работать мышцами и усиленно дышать, температура повышается. Такъ при средней температурѣ воздуха, у летающихъ ночныхъ бабочекъ внутреннее тепло доходило до 38° Ц. Температура можетъ подняться и еще выше, если наѣкомое производитъ кромѣ того и жужжаніе. Однако чрезчуръ значительное повышеніе температуры влечетъ за собой упадокъ силъ; тогда наѣкомое прекращаетъ мышечную работу, и температура падаетъ. У нѣкоторыхъ бабочекъ внутреннее тепло доходило до 53° Ц. Къ теплотѣ воздуха наѣкомыя довольно чувствительны. Нѣкоторые умираютъ, если температура сухого воздуха переходитъ за 40° , если же воздухъ влаженъ, то переносятъ и 53° . Напротивъ, пониженіе температуры, наѣкомыя выносятъ легче. Когда внутреннее тепло ихъ падаетъ до -5° , они становятся неподвижны; жидкость находящаяся внутри ихъ тѣла, застываетъ только при -95° . Если послѣ этого воздухъ достаточно нагрѣется, то наѣкомое оживаетъ. Многія наѣкомыя проводятъ зиму въ мѣстахъ, сильно охлаждающихся, и весною вновь пробуждаются къ жизни, а нѣкоторыя переносятъ даже замораживаніе въ кускахъ льда. Иногда находили въ градинахъ замерзшихъ бабочекъ, которыя потомъ оттаивали и улетали.

Вышія чувства у животныхъ. Д-ръ П. О. Склотовскій въ *Русск. Медиц. Вѣстн.* (№ 2, 1903 г.) приводитъ цѣлый рядъ высоко сознательныхъ, правильно обдуманныхъ поступковъ у животныхъ и доказываетъ присутствіе у нихъ такихъ альтруистическихъ чувствъ, какъ сожалѣніе обездоленныхъ, голодныхъ, активная самоотверженная защита ихъ,—какъ чувство благодарности и т. под.

Вотъ примѣры:

1) Собака (кобель лѣтъ 5—6), воспитанная г. Склотовскимъ съ семи дней (еще однимъ глазомъ не смотрѣла) и теперь живущая у него въ качествѣ дворового сторожа, услышавъ крикъ цыпленка, отставшаго въ саду отъ наѣдки съ другими тремя цыплятами, по причинѣ вывихнутой ноги, побѣжала въ садъ и постепенно помогая мордой цыпленку идти въ направленіи крику наѣдки, довела его до послѣдней, а въ другой разъ, когда эта операція собакѣ не удалась, по случаю большой цѣпкой травы, она пришла осторожно къ наѣдкѣ, взяла ее осторожно за крыло и привела къ оставшемуся цыпленку...

2) Во дворъ забѣжала тощая, голодная, жалкаго вида, всѣхъ боявшаяся, маленькая собаченка. Вышеупомянутая большая собака и другая маленькая бросились съ лаемъ на пришлую (по долгу службы, очевидно), чтобы выгнать, пришелица съ своего двора; но сидѣвшая на балконѣ, домашняя кошка дружно жившая съ собаками, бросилась къ самой маленькой изъ собакъ и ударами лапки по щекѣ собаки остановила ее въ недоуздѣннѣ послѣ этого вскочила на затылокъ большой и также ударяя лапкой по щекѣ, остановила и эту.

Въ третьемъ случаѣ г. Склотовскій, попалъ подъ лошадь и уже чувствовалъ надъ собой ея копыта, но благородное животное остановилось какъ вкопанное, и человѣкъ былъ спасенъ.

Отсюда г. Склотовскій дѣлаетъ выводъ, что нравственная, такъ сказать устойчивость животныхъ (собаки, кошки, лошади) зависитъ отъ привычки поступать хорошо, приобретающейся подъ влияніемъ того, что наблюдается животными вокругъ нихъ и въ обращеніи съ ними людей. Разницы въ этомъ отношеніи нѣтъ и у человѣка. Напр. кроткое, доброе, ласковое и систематическое обращеніе съ животными и людьми дѣлаетъ ихъ кроткими, добрыми, ласковыми и аккуратными, и наоборотъ. Разница

только въ томъ, что чѣмъ моложе животное и человѣкъ, чѣмъ меньше въ силу этого у нихъ дурныхъ привычекъ, тѣмъ легче они пріобрѣтаютъ хорошія привычки и развиваютъ въ себѣ добрыя чувства и систематическое мышленіе и аккуратный разумный образъ жизни; ибо взрослымъ приходится уже — передѣлывать себя, т. е. оставлять дурныя привычки и подавлять (забывать) развившіяся уже злыя чувства. Если такимъ образомъ можно считать доказаннымъ существованіе у животныхъ высшихъ чувствъ, то, съ другой стороны, не менѣе доказаннымъ можно считать существованіе у человѣка самыхъ низшихъ, первоначальныхъ простыхъ актовъ сознанія. А отсюда выводъ—о единствѣ въ животномъ мірѣ психическихъ силъ.

Дѣйствіе музыки на животныхъ. Каждому собственнымъ опытомъ случалось убѣждаться въ томъ, что музыка производитъ сильное впечатлѣніе на животныхъ. Многія собаки положительно не могутъ слушать ея спокойно и начинаютъ подвывать. Кавалерійскія лошади знаютъ сигналы и т. п. Но все это касается въ большинствѣ случаевъ отдѣльныхъ животныхъ поэтому большой интересъ представляютъ опыты, произведенные недавно французскимъ ветеринаромъ Генономъ надъ группою лошадей. Обставленъ опытъ былъ прекрасно. Приняты были во вниманіе всѣ условія какъ внѣшняго такъ и внутренняго характера. Въ большой конюшнѣ съ хорошимъ резонансомъ помѣщено было 15 лошадей и предъ этой публикой, предварительно хорошо закормленной, сыграно было по нѣсколько вещей на разныхъ инструментахъ. Результаты получились весьма любопытные и для лошадинаго слуха очень интересные. Оказывается, лошади не любятъ безсвязныхъ, а тѣмъ болѣе фальшивыхъ звуковъ и очень благосклонно относятся къ законченнымъ музыкальнымъ фразамъ, къ мелодіи. Весьма распространенное мнѣніе, будто любимый инструментъ лошадей—труба, оказалось ошибочнымъ. Всего болѣе лошадямъ понравилась флейта. При первыхъ же звукахъ инструмента лошади повернули головы къ музыканту и все время смотрѣли на него. Равнодушно отнеслась къ музыкѣ лишь $\frac{1}{5}$ аудиторіи. Кюпэнъ въ статьѣ, помѣщенной въ «La Revue» рассказываетъ, что слоны тоже большіе любители музыки. Слушая ее, они иногда ритмически раскачиваются всѣмъ тѣломъ, что очень напоминаетъ привычку людей притопывать въ тактъ музыки. Затѣмъ большими поклонниками музыки оказываются медвѣди. Въ парижскомъ зоологическомъ саду случайно произведенъ былъ такой опытъ. Въ одной клѣткѣ раздralись изъ за куска мяса три медвѣди. Сторожъ собирался уже окатить ихъ водой изъ помпы, какъ, вдругъ, невдалекѣ раздались звуки скрипки. Медвѣди тотчасъ прекратили драку и подошли къ рѣшеткѣ. Скрипача попросили поиграть у клѣтки, и медвѣди подъ звуки марша пришли въ самое веселое настроеніе духа.

Вліяніе земляныхъ червей на химическій составъ почвы. Дюсеръ (Dusserre) представилъ въ *Société vaudoise des sciences naturelles* интересный трудъ по вопросу, какое дѣйствіе оказываютъ земляныя черви на воздѣлываемую почву въ химическомъ отношеніи. Вслѣдъ за Дарвиномъ, выяснившимъ роль червей въ разрыхленіи почвы, многіе натуралисты принимались за изученіе вопроса о механическомъ вліяніи дѣятельности червей и о вліяніи ихъ на органическое вещество, но никто еще не занимался изслѣдованіемъ вопроса о томъ, какія измѣненія въ составѣ минеральныхъ частей производятъ черви. Вотъ этотъ то пробѣлъ и пожелалъ заполнить Дюсерръ. Съ этой цѣлью онъ помѣстилъ нѣкоторое количество червей въ ящикъ, наполненный садовой землею, и изслѣдовалъ испраженія, оставляемые ими на поверхности земли. Разумѣется, предварительно сдѣланъ былъ сравнительный анализъ почвы, еще не проходившей

черезъ пищеварительный каналъ червей. Опыты эти показали, что органическое вещество изверженій обладало способностію несравненно скорѣе превращаться въ селитру; количество усвояемой фосфорной кислоты, т. е. растворяющейся въ слабыхъ кислотахъ, также нѣсколько возросло; что же касается поташа, то тутъ не оказалось никакихъ измѣненій. Общее количество извести также осталось прежнимъ, измѣнилось лишь относительное содержаніе углекислой извести. Въ почвѣ она составляетъ около 4,46%, а въ испражненіяхъ до 6,79%. И это наблюдалось постоянно, даже и въ томъ случаѣ, если анализировали случайно поднятые въ саду изверженія и сравнивали ихъ съ составомъ почвы, на которой они лежали.

Содержаніе углекислой извести всегда возрастало, только въ различныхъ предѣлахъ—отъ 1% до 9%. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего неожиданнаго. Извѣстно, что у червей по обѣ стороны пищеварительнаго канала находится по три пары большихъ железъ, выделяющихъ значительное количество углекислой извести въ видѣ маленькихъ кристалловъ или конкрецій. Карбонатъ этотъ, получается безъ сомнѣнія, черезъ превращеніе другихъ солей извести. Какъ видно изъ изложеннаго, химическое дѣйствіе червей на почву весьма значительно. По расчету Дарвина земляные черви выбрасываютъ ежегодно на поверхность земли въ гектаръ въ въ среднемъ до 25,400 кило испражненій. Если процентъ увеличенія углекислой извести принять за 1 на 100, то въ годъ, на площади въ гектаръ возстановляется до 254 кило этой соли. Это весьма важно, такъ какъ благодаря разлагающему дѣйствію воды, содержаніе углекислой извести въ почвѣ постепенно уменьшается. Такимъ образомъ земляные черви не только улучшаютъ почву, разрыхляя ее и облегчая доступъ въ нее воздуху, но кромѣ того значительно обогащаютъ ее важными составными частями.

Несгораемое дерево. Весьма любопытное дерево растетъ въ Южной Америкѣ. Какъ извѣстно, въ дождливое лѣтнее время саванны покрываются роскошной растительностію, которая затѣмъ съ наступленіемъ періода бездождія совершенно высыхаетъ. Чтобы эта засохшая трава не помѣшала развитію растительности на будущее лѣто, ее выжигаютъ. Благодаря такимъ періодическимъ пожарамъ въ саваннахъ совсѣмъ нѣтъ лѣсовъ. За то тамъ встрѣчается дерево, которое туземцы называютъ «Чарагго» и которое въ ботаникѣ извѣстно подъ именемъ *Ropala obovata*. Только одно это дерево и можетъ переносить борьбу съ огнемъ. Интересно, что даже внѣшній видъ его какъ бы показываетъ, какія мученія приходится ему испытывать. Вѣтви его искривлены самымъ причудливымъ образомъ, словно корчатся отъ боли; листья жестки; цвѣты превратились въ невзрачныя шишки. Ростъ дерева доходитъ до 6 метровъ, но толщина не превышаетъ 30 сантиметровъ. Своей огнеупорностію *Ropala obovata* обязано устройству своей коры. Толщина ея не бываетъ болѣе 12 миллиметровъ, но слои лежатъ близко одинъ къ другому и дѣлаютъ ее дурнымъ проводникомъ тепла. Дерево это настолько приспособилось къ борьбѣ съ огнемъ, что сѣмена его извлекаютъ даже пользу изъ пожаровъ. Созрѣваютъ они къ періоду засухъ, за которыми слѣдуютъ пожары; въ это время образуются сильныя воздушныя теченія, которыми сѣмена подхватываются и уносятся за предѣлы пожара.

Дерево это, столь поразительно стойкое въ борьбѣ съ огнемъ, совершенно неспособно сопротивляться другимъ неблагоприятнымъ условіямъ, а потому въ мѣстностяхъ, гдѣ раньше свирѣпетовали лѣсные пожары, а затѣмъ прекратились, оно не выдерживаетъ борьбы за существованіе и быстро вытѣняется другими кустарниками.

Происхожденіе нефти. Французскіе ученые Сандерсъ и Саббатъ произвели весьма интересные опыты искусственнаго полученія нефти. Пропуская смѣсь

ацетиленъ съ водородомъ или же одинъ ацетиленъ чрезъ трубку, въ которой находилось восстановленное желѣзо или никель при температурѣ 200° , они, въ результатѣ, получали различные сорта нефти въ зависимости отъ измѣненія условий опыта. Какъ извѣстно нефть, горное масло и горный деготь представляютъ разновидности петролеума и по химическому своему составу являются не чѣмъ инымъ какъ совокупностью цѣлага ряда углеводородовъ. Поэтому упомянутые опыты проливаютъ новый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи нефти. Въ настоящее время существуютъ двѣ главныхъ гипотезы. Первая органическая гипотеза полагаетъ, что нефть получается какъ продуктъ разложенія безъ доступа воздуха растительныхъ или животныхъ организмовъ, при чемъ каменный уголь есть сухой продуктъ разложенія древнихъ растительныхъ остатковъ, а нефть совокупность жидкихъ и отчасти растворенныхъ газообразныхъ и нѣкоторыхъ твердыхъ продуктовъ. Противъ этой гипотезы выставлено было много всѣхъ возраженій. Согласно ей, въ мѣстахъ, богатыхъ нефтью слѣдовало бы ожидать и залежей каменнаго угля. А это, не оказалось. Вторая, такъ называемая неорганическая гипотеза была высказана нашимъ знаменитымъ химикомъ Д. И. Менделѣевымъ. Онъ полагаетъ, что въ недрахъ земли находятся скопленія углеродистаго желѣза. Когда вода по трещинамъ земной коры проникаетъ до такихъ пластовъ, она разлагается: кислородъ ея окисляетъ металлъ, вытѣсняя при этомъ углеродъ, который и соединяется съ водородомъ; такимъ образомъ получаютъ углеводороды. Произведенные выше опыты являются новымъ подтвержденіемъ этой гипотезы. Сандерсъ и Саббатъ полагаютъ, что отъ взаимодействия воды съ углеродистыми металлами въ глубинѣ земли получается ацетиленъ, являющійся промежуточной стадіей въ образованіи нефти. Только намѣсто углеродистыхъ тяжелыхъ металловъ они предполагаютъ углеродистые кальцій, натрій, магній, какъ наиболѣе способные разлагать воду. Отъ дѣйствія на нихъ воды происходятъ ацетиленъ и водородъ, которые при дальнѣйшемъ взаимодействіи съ желѣзомъ, никелемъ и кобальтомъ переходятъ въ нефть.

Обеззараживаніе прудовъ. Женевскій бактериологъ Ольтрамаръ подробно изслѣдовалъ вопросъ о мѣрахъ къ обеззараживанію прудовъ. Если въ стоячемъ бассейнѣ начинаютъ въ большомъ количествѣ разлагаться органическія тѣла, то въ водѣ появляются весьма опасныя для жизни рыбъ микробы. Опыты, произведенные Ольтрамаромъ, привели его къ заключенію, что лучшимъ дезинфекціоннымъ средствомъ въ такихъ случаяхъ служить марганцово-кислый калий, который благодаря своему богатству кислородомъ легко отдаетъ избытокъ его органическимъ тѣламъ, т. е. является сильнымъ окислителемъ. Ольтрамаръ заразилъ между прочимъ небольшою прудъ, бросивъ него въ нѣсколько фунтовъ гнилаго мяса. Вскорѣ послѣ этого на поверхности воды стали появляться въ большомъ количествѣ мертвыя рыбы. И вотъ для спасенія жизни форелей, жившихъ въ пруду, Ольтрамаръ бросилъ въ воду 1 килограммъ ($2\frac{1}{2}$ ф.) марганцово-кислаго кали, а также небольшое количество его пустилъ и въ ручей, втекавшій въ прудъ. На другой же день прекратился гнилостный запахъ и перестали появляться трупы форелей. Рекомендую указанное средство, Ольтрамаръ совѣтуетъ обращаться съ нимъ осторожно, ибо въ небольшихъ количествахъ марганцово-кислый калий не опасенъ для живыхъ существъ, но избытокъ его можетъ подѣйствовать сильно окисляющимъ образомъ и на живые тѣла. Въ виду этого, лучше бросать нѣсколько разъ, небольшими порціями.

Дѣйствіе электролиза на почву и растенія. Электричество съ каждымъ годомъ получаетъ все большее и большее примѣненіе въ промышленности. Теперь начинаютъ пользоваться имъ даже для улучшенія

культуры растений. Идея о томъ, что электричество должно оказывать вліяніе на ростъ растительности зародилась уже давно. Но до послѣдняго времени не было возможности провѣрить ее опытнымъ путемъ за неимѣніемъ соотвѣствующихъ приборовъ и приспособленій. Сюльванъ для электризаціи растений воспользовался атмосфернымъ электричествомъ. На полѣ картофеля онъ поставилъ высокія деревянныя мачты съ приѣмниками на верхнихъ концахъ и соединилъ ихъ между собою и съ землей проводами. Дѣйствіе электричества обнаружилось скоро. Недѣли черезъ двѣ участки, подвергавшіеся электролизу, рѣзко выдѣлялись отъ сосѣднихъ, благодаря болѣе быстрому росту картофеля. Профессоръ физики въ Гельсингфорскомъ университетѣ Лемстремъ попробовалъ воспользоваться искусственно получаемымъ электричествомъ. Для этого онъ соединилъ большую электрофорную машину съ почвой и съ проводами. Благопріятное дѣйствіе электричества на этотъ разъ было слабѣе чѣмъ въ опытахъ Сюльвана. Въ 1897 году опыты электролиза почвы и растений были произведены Фукомъ на островѣ Эльбѣ. Въ распоряженіи его находилось четыре виноградныя поля: два изъ нихъ оставались въ обыкновенныхъ условіяхъ, а два подверглись дѣйствію электричества. Полученные результаты до того рѣзко свидѣтельствовали о несомнѣнной пользѣ электризаціи, что президентъ виноградной и винной комиссіи въ провинціи Ливорно составилъ объ этомъ протоколъ. Продолжая свои опыты, Фукеъ пришелъ къ заключенію, что надо электризовать не только почву, но и само растеніе. Дѣлаетъ онъ это такъ. На полѣ, величиною съ гектаръ онъ поставилъ пять мачтъ, на вершинахъ которыхъ находятся приѣмники атмосфернаго электричества. Приѣмники эти соединяются другъ съ другомъ проводами, снабженными металлическими остріями. Въ почвѣ проложена сѣтъ параллельныхъ проволокъ, соединенныхъ поперечными проводами и связанная съ приѣмниками мачтъ. Между параллельными проволоками посажены виноградные кусты; къ каждому кусту подходит особый проводъ и втыкается въ стебель и корни растенія.

Что касается вопроса, чѣмъ объяснить подобное дѣйствіе электричества, то тутъ все сводится, вѣроятно къ слѣдующему. Подъ вліяніемъ электричества въ почвѣ происходятъ реакціи, дающія въ результатъ соединенія, необходимыя для растений, а въ самомъ растеніи болѣе энергично совершаются физиологическіе процессы.

Нѣкоторое сходство съ вышеописанными опытами Сюльвана имѣютъ опыты электрокультуры Я. О. Наркевича—Юдко. Но, къ сожалѣнію, они до сихъ поръ не были поставлены на научную почву. Вообще, вопросъ о вліяніи электризаціи на растенія требуетъ еще изученія.

Студенту Ш. въ Москвѣ. Ваше письмо произвело на насъ, вѣроятно, не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ то, которое его вызвало. Вы въ обоихъ случаяхъ дѣйствовали со всѣмъ пыломъ молодости... Чувство, которое одушевляло васъ въ послѣднемъ письмѣ, несомнѣнно, очень благородно, но увлеченіе довело васъ до ненужнаго самобичеванія...

Нѣкоторымъ подписчикамъ. Контора редакціи готова брать на себя трудъ доставленія всякаго рода книгъ новыхъ и старыхъ (даже рѣдкихъ, если дается время на отысканіе ихъ). Но деньги должны быть прилагаемы при заказѣ полностью съ пересылкой, или, по крайней мѣрѣ, въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ стоимости, остальное можетъ быть взыскано наложен. платежемъ. Что касается подписки на журналы, то рекомендація послѣднихъ часто затруднительна, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и очень щекотлива, а потому контора можетъ исполнять только порученія, не беря на себя отвѣтственности за выписываемые журналы.

Подписчикамъ А. Ш. и Г. С. въ Кіевѣ. Мы не стремимся дать въ журналѣ больше, чѣмъ лучшіе ежемѣсячники. Во всякомъ случаѣ, просимъ бросить установившуюся съ нѣкоторыхъ поръ привычку опредѣлять цѣнность даваемого матеріала «по вѣсу», числу страницъ и т. п. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ идти слѣдомъ за нѣкоторыми издателями. Если васъ такъ интересуесть «величина» книгъ, то, быть можетъ, вы будете разочарованы, такъ какъ, пожалуй, воображаете, что вамъ дадутъ пудовыя «преміи».

Сокращенія, которыя могутъ быть сдѣланы въ рѣдкихъ случаяхъ, не отразятся на достоинствѣ сочиненій, за исключеніемъ случаевъ, отъ редакціи не зависящихъ. По большей части мы, напротивъ, дополняемъ оригиналы. Многія книжки являются не переводами, а компиляциями изъ многихъ сочиненій.

Нѣсколькимъ подпсч. Редакція не можетъ взять на себя отвѣтственности за порядокъ высылки приложений; кромѣ того мы оставляемъ за собою право замѣны, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, одного сочиненія какимъ-либо другимъ, приблизительно равноцѣннымъ, при чемъ постараемся, чтобы новая книга касалась этого же вопроса.

Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію для отзыва.

Опытъ оздоровленія деревни. Сост. П. Г. Ганзенъ. Съ 5 иллюстр. и предисл. Р. И. Сементковскаго. Ц. 75 коп. Изд. Л. Ф. Маркса.

Подвижныя игры. Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. Составилъ руководитель игръ Тенишевскаго училища и гимназіи Гуревича П. Н. Бокинъ. Съ 81 рис. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Ц. 2 р.

В. Ермиловъ. Завѣты Бѣлинскаго. Ц. 15 к.

Леонидъ Андреевъ. Баргамотъ и Гараська, разск. Ц. 5 к.

Д. Мордовцевъ. Вельможная панна. 2 ч. Съ введеніемъ и примѣч. проф. Трачевскаго. Изд. Ильина. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

Хорошій тонъ. Сборн. правилъ и совѣтовъ на всѣ случаи жизни обществен. и семейн. Четв. изд. Книгоизд. Германъ Гоппе.

Похитонова. Женщ.-врачъ. Красота женщины, ея совершенствованіе и сохраненіе путемъ гігіены. Съ портр. авт. и со многими красивыми головками и виньетками. Изд. Германъ Гоппе.

Женскій календарь на 1903 г. Изд. Герм. Гоппе. Ц. въ бум. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Пер. еъ лат. съ введеніемъ и примѣч. проф. П. Н. Ардашева. Втор. изд. Ц. 1 р.

Азанчевскій. Опытъ рѣшенія проблемы о произвольномъ вліяніи на полъ потомства. Ц. 50 к.

Домашнія библіотеки. А. В. Поповъ. Ц. 30 к.

Африка. Проф. Ф. Гана. Изъ серіи сочиненій по всемірной географіи. Проф. В. Сиверса. Пер. Д. Коропчевскаго. 1—10 вып. Ц. 50 к. за выпускъ.

Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Халдеи. З. Рагозиной. Съ 113 рис. и 2 картами, Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 2 р. 50 к.

Открыта подписка на 1903 г.

на 5-й годъ изданія политехническаго, иллюстрированнаго журнала,
выходящаго 2 раза въ мѣсяцъ,

„ВСЕМІРНОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журнальный годъ начинается съ октября мѣсяца.

Журналъ «Всемирное Техническое Обзоріе» имѣетъ своею цѣлю: 1) распространять между читателями техническія свѣдѣнія, добытыя непосредственно отъ заводовъ, фабрикъ, техническихъ фирмъ и учреждений, разкинутыхъ по всей Россіи; 2) знакомить читателей съ новостями и усовершенствованіями и открытіями, появляющимися за границей, и 3) быть посредникомъ между заводами, техническими фирмами, техническими обществами, инженерами, техникани разныхъ специальностей и прочими лицами, интересующимися техникой и промышленностью.

Главнымъ матеріаломъ журнала служатъ техническія статьи по всемъ отраслямъ техники и промышленности, какъ въ Россіи, такъ и заграницей; въ немъ помѣщаются, напримѣръ, статьи по механическому, горному, металлургическому дѣлу, по инженерному и строительному искусству, желѣзнодорожному дѣлу, по кораблестроенію, по артиллерійскому, сухопутному и морскому дѣлу, по минному морскому дѣлу, по всемъ отраслямъ электротехники, по ткацкому дѣлу, по воздухоплаванію, по фотографіи и многимъ другимъ отдѣламъ техники; при этомъ обращается особенное вниманіе на то, чтобы помѣщенные статьи имѣли возможно болѣйшій интересъ и практическое значеніе.

Статьи журнала иллюстрируются большимъ числомъ пояснительныхъ рисунковъ, на ясность и качество которыхъ обращается особенное вниманіе.

Въ журналѣ помѣщаются также отчеты о засѣданіяхъ и докладахъ въ техническихъ обществахъ, сообщаются свѣдѣнія объ устройствѣ выставокъ, съездовъ и т. п.

Кромѣ того, въ журналѣ имѣются еще слѣдующіе отдѣлы: наши и иностранные заводы, техническое образованіе, мелкія новости и сообщенія, хроника, правительственныя распоряженія, библіографія указатель вновь изданныхъ русскихъ и иностранныхъ техническихъ книгъ, корреспонденція, справочныя свѣдѣнія, обзоръ избранныхъ привилегій, представляющихъ наибольшее практическое значеніе, выданныхъ въ Россіи и въ иностранныхъ государствахъ (всѣ привилегіи иллюстрируются рисунками) и, наконецъ, полный указатель привилегій, выданныхъ въ Россіи за послѣднее время.

Въ обширномъ отдѣлѣ объявленій имѣется обстоятельно составленный «Алфавитный указатель специальностей заводовъ и техническихъ фирмъ».

Журналъ печатается въ собственной своей типографіи „Столичная скоропечатня“. СПб., уг. Б. Морской и Гороховой ул., д. 20/12; входъ съ Гороховой. „Принимаются заказы на всѣ типографскія работы“.

Подписная цѣна на журналъ:

	на 1 годъ.	на 1/2 года.	на 3 мѣс.	одинъ №
Безъ доставки.	9 руб.	5 руб.	3 руб.	— руб. 60
Съ доставк. и перес. во всѣ города Россійск. Имперіи.	10 "	6 "	4 "	— " 80
За границу	14 "	8 "	5 "	1 " — к.

Подписка принимается съ какого угодно мѣсяца на сроки, указанные въ этой таблицѣ.

Подписная цѣна на годовые экземпляры журнала за 1-й годъ изданія (1898—1899) на 30% меньше, за 2-ой годъ (1899—1900) на 25% меньше, за 3-й годъ (1900—1901) на 20% меньше а за 4-ый годъ (1901—1902) на 10% меньше.

Для годовыхъ подписчиковъ съ начала журнальнаго года допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р. и затѣмъ по 1 р. въ слѣдующіе ближайшіе мѣсяцы. Казеннымъ учрежденіямъ допускается уплата подписныхъ денегъ въ 3 и 4 срока.

Высылка подписной платы по почтѣ при подпискѣ безъ разсрочки, для годовыхъ подписчиковъ можетъ быть замѣнена наложеніемъ редакціей платежа на подписную квитанцію.

Скидка дѣлается: книжнымъ магазинамъ—5%, учебнымъ заведеніямъ въ Россіи—25%.

Для ознакомленія съ журналомъ можетъ быть высланъ одинъ изъ номеровъ журнала (по усмотрѣнію редакціи) за 30 коп. марками. Содержаніе журнала за истекшіе года высылается бесплатно.

Объявленія въ журналъ принимаются по установленному тарифу, который высылается по требованію.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала С.-Петербургъ, Коломенская, 14, у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ конторахъ по приему объявленій и подписки на газеты и журналы.

Редакторъ-издатель журнала Подполковникъ *С. Х. Золотухинъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903-й ГОДЪ.

(Годъ изданія II-й).

на еженедѣльн. медицинскую газету

„ПРАКТИЧЕСКІЙ ВРАЧЪ“

и ежемѣсячный журналъ

„СОВРЕМЕННАЯ КЛИНИКА“.

подъ редакціей д-ра С. Б. Орѣшкина

Въ 1093 году „Практическій Врачъ“ будетъ выходить по той же программѣ и при томъ же составѣ сотрудниковъ, какъ и въ прошломъ году, и будетъ содержать слѣдующіе отдѣлы:

I. Оригинальныя и переводныя статьи по всѣмъ отраслямъ практической медицины.—II. Клиническія лекціи.—III. Медицинская казуистика.—IV. Критическіе обзоры по наиболѣе важнымъ вопросамъ, клинической медицины, преимущественно по вопросамъ, стоящимъ на рубежѣ двухъ главнѣйшихъ областей—внутренней медицины и хирургіи.—V. Обзорнѣе русской печати.—VI. Обзорнѣе иностранной печати. VII. Рефераты новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ работъ практическаго характера.—VIII. Терапевтическій отдѣлъ. Систематическое обзорнѣе успѣховъ терапіи по всѣмъ отраслямъ врачеванія (включая физическіе методы леченія, гидротерапію, бальнеологію, гипургію (уходъ за больными), климатолеченіе, свѣтолеченіе, рентгенотерапію и пр.), Новыя лекарственныя вещества. Новыя способы леченія. Новыя инструменты и приборы.—IX. Практическія замѣтки. Репетиторныя формулы. Діететическія указанія.—X. Отчеты засѣданій русскихъ и иностранныхъ медицинскихъ обществъ и съѣздовъ.—XI. Рецензіи новыхъ медицинскихъ сочиненій. Библиографическія замѣтки.—XII. Статьи и фельетоны по бытовымъ вопросамъ и вопросамъ общественной медицины.—XIII. Корреспонденція.—XIV. Лѣтопись важнѣйшихъ событій врачебной жизни. Хроника. Официальныя свѣдѣнія о врачахъ. Смѣсь. Почтовый ящикъ. Объявленія.

Какъ и въ прошломъ году, существеннымъ дополненіемъ къ „Практическому Врачу“ явится ежемѣсячный журналъ „Современная Клиника“.

„Современная Клиника“ будетъ выходить ежемѣсячно выпусками, въ размѣрѣ отъ 3—4 печатныхъ листовъ книжнаго формата, что въ концѣ года составитъ томъ, объемомъ до 40 листовъ убоистой печати.

Подписная цѣна на оба изданія, на еженед. газету „Практическій Врачъ“ съ „Современной Клиникой“—за годъ 6 р. съ пересылкой и доставкой. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р. и 1-го іюля 3 р. или по 2 р. въ три срока.

Подписная цѣна на всѣ 12 книжекъ „Современной Клиники“ (безъ газеты) 3 рубля съ доставкой и пересылкой. Допускается разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ Редакціи—С.-Петербургъ, Садовая ул., д. 29.

Редакторъ-издатель д-ръ С. Б. ОРѢШКИНЪ.

Къ свѣдѣнію авторовъ и подписчиковъ.

1) Присылаемые авторами и переводчиками подъ заказными бандеролями рукописи должны быть четко написаны, только на одной сторонѣ листа, съ оставленіемъ полей и нумераціею страницъ.

2) Рукописи могутъ быть измѣняемы и сокращаемы; если авторъ не желаетъ измѣненій, то долженъ упомянуть объ этомъ въ началѣ рукописи. Въ такомъ случаѣ, если, по редакціоннымъ соображеніямъ, безъ измѣненій рукопись печатаема быть не можетъ—она возвращается автору. Рукописи менѣе $\frac{1}{2}$ печатнаго листа и стихотворенія не возвращаются и по поводу ихъ редація не ведетъ переписки.

3) При всѣхъ сношеніяхъ съ редакціею и конторою необходимо прилагать на отвѣтъ марку, а если прислана рукопись, то для полученія ея обратно нужно прислать соотвѣтственное число марокъ на отправку заказною бандеролью; въ противномъ случаѣ стоимость пересылки взыскивается наложеннымъ платежомъ.

4) Каждая рукопись должна быть снабжена подписью автора или переводчика и его подробнымъ адресомъ; на переводахъ-же кромѣ того нужно упомянуть названіе сочиненія въ оригиналѣ, имя автора и пр. Если оригиналъ данъ редакціею, переводчикъ долженъ возвращать все вмѣстѣ съ рукописью, чтобы не произошло задержекъ въ сличеніи оригинала съ переводомъ. Размѣръ присылаемыхъ статей желателенъ не болѣе $\frac{1}{2}$ печатнаго листа.

5) Гонораръ выдается послѣ напечатанія одинъ разъ въ мѣсяцъ; отправка денегъ на счетъ получателя. *Авансы ни въ какомъ случаѣ не выдаются.*

6) Переводы поступаютъ въ полную собственность издателя. То же относится и къ статьямъ, помѣщаемымъ въ приложеніяхъ къ журналу, если не было особаго соглашенія.

7) Редація ни въ какомъ случаѣ не можетъ взять на себя обязательство сохраненія порядкомъ даваемыхъ приложеній и оставляетъ за собою право замѣнять, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, одно сочиненіе другимъ приблизительно однороднымъ и равноцѣннымъ.

8) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 к. почт. марками; при перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р., а иногородного на городской—50 к.

9) При заявленіяхъ о неполученіи № журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать адресъ бандероли, по которому высылается журналъ, или сообщить его №. Безъ этихъ условій наведеніе справокъ и исполненіе просьбъ очень затруднительно.

Адреса просить писать четко, иначе часто совершенно невозможно исполнить просьбу подписчика.

10) Жалобы на неисправность доставки, согласно почтовымъ правиламъ, направляются въ контору редакціи не позже полученія слѣдующаго № журнала.

11) Контора не отвѣчаетъ за аккуратную доставку по адресамъ станцій жел. дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ

12) Всѣ заявленія, касающіяся подписки, необходимы въ контору «Вѣстника Знанія», С.-Петербургъ, Ку д. № 2, кв. 1, уголъ Владимірскаго проспекта. По ли вопросамъ непосредственно ред.-изд. — Вильгельму ф.-Битнеру.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ“.

Редакторъ-Издатель В. В. БИТНЕРЪ.

Иллюстр. „толстый“ ежемѣс. литературный, художественный и популярно-науч. **36 кн.** **бесплатн.** для самообразованія: ный журналъ съ приложеній

12 книж. „Общедоступнаго Университета“, являющагося системат. курсомъ природовѣднія, составленнымъ по знаменитымъ лекціямъ Буземанна (физика, метеорологія, механика въ связи съ другими естеств. науками, географ. астроном. и пр.) Изложеніе живое, вполне общедоступное. Масса рисун., табл. и картинъ въ краскахъ.

12 книж. „Энциклопедической Библиотеки для Самообразованія“, состоящей изъ ряда самостоятельныхъ сочин. по разн. отраслямъ знанія: 1) *Веберъ. Панорама вѣковъ.* Очер. всемір. истор.—2) *Бельше. Исторія міросозерцанія до Колумба.*—3) *Бельше. Ист. соврем. естествознанія.*—4) *Руководство къ собиранію коллекцій и наблюденію природы.*—5) *Лоліэ. Ист. всемірной литературы.*—6) *Бреннеръ. Астрономич. вечера.*—7) *Бансель. Кооператизмъ*, съ доп. о рус. артеляхъ и др. коопер.—8) *Бельше. Происхожденіе органич. жизни.*—9) *Ру. Прекрасное въ ист. человечества (Ист. искусств.).*—10) *Лассаръ-Конз. Популярная химія.* съ прилож.; *В. Битнеръ. Общедост. хим. анализъ почвы.*—11) *Бельше. Основы развитія органич. міра.*—12) *Белъ-Басеркз. Ист. полит. экономіи.* Легко, живое и популярное изложеніе избран. сочиненій, при массѣ рис., портр. и карт. въ краскахъ, отличаетъ эту бібліотеку отъ другихъ изданій для самообразов. легкою усвояемостью.

12 книж. „Читальни Вѣстника Знанія“, ряда состоящей изъ соч. для легкаго самообразоват. чтенія, имѣющаго въ виду широкое образованіе: 1) *Мультатули. Критико-біографическій очеркъ*—2) *Мишо ДЮмакз. Великія легенды человечества (Брама, Кришна, Прометей, Психея, Мерланъ—очарователь, Вѣчный Жидъ, Фаустъ, Донъ-Жуанъ и пр.)* съ рис.—3) *Соціальныя утопіи*—4) *Гюдри-Мено. Женщина и женскій вопросъ* (полож. и роль ея въ ист. разн. народ.; дѣтя, дѣвушка, жена, мать; новая женщина, ея будущее) съ портр. знам. женщ. и красавицъ.—5) *Бернацкій. Медицина, врачи и общество* (къ вопр., поднят. Вересаевымъ).—6) *Общественно-полит. жизнь Запада* съ рис. и портр.—7) *Литературные портреты* (съ рис.).—8) *В. Битнеръ. Гипнотизмъ и родств. явленія въ наукѣ и жизни* (рис.).—9) *Историческія загадки*—10) *Жинисти. Современный театръ, его жизнь, „звѣзды“, литература, публика* (рис.).—11) *М. Нордау. Избранные парадоксы.*—12) *В. Битнеръ. Коныбель русскаго державства* (съ рис.) Главное назнач. „Читальни“ будить мысль, способствовать развитію гуманности и любви къ знанію.

Въ 12 книгахъ самого „Вѣст. Знан.“, являющагося не специальнымъ, а общелитературнымъ и притомъ единственнымъ „толстымъ“ иллюстр. журналомъ, принимаютъ участіе лучшіе литераторы, профессора, популяризаторы и беллетристы, состоящіе сотрудниками уважаемыхъ журналовъ. Стремленіе къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, отраженіе жизни и духовныхъ потребностей общества всестороннее освѣщеніе вопросовъ культуры — составляютъ задачи „Вѣст. Знанія“, который, являясь строго прогрессивнымъ органомъ. **48 кн.)** 7 руб., съ дост. и перес. 8 руб. Разсрочка по 2 руб. за 1/4 года. За границу 10 руб. Под- а одинъ первый мѣсяцъ 1 руб.

„Вѣст. Знан.“: С.-Петербургъ, Кузнечный, 2.

2015595717

